

МИСТИЧЕСКИЙ
ТРИЛЛЕР

игорь резун

БИТВА ТРЕХ ЦАРЕВЕН

мечи
своею
молнию
даже в
СМЕРТЬ

откровение
**КНИГА
ВТОРАЯ**

Укок, или Битва Трех Царевен

Игорь Резун

Мечи свою молнию даже в смерть

Издательство «Союз писателей»

2015

УДК 82-344
ББК 84(2 Рос=Рус)

Резун И.

Мечи свою молнию даже в смерть / И. Резун — Издательство «Союз писателей», 2015 — (Укок, или Битва Трех Царевен)

Книга основана на исторических источниках и глубоком изучении истории секты так называемых ассасинов – исламских фанатиков, возникшей около X в. н. э. В самом начале XXI века ассасины, чьими руководителями теперь являются респектабельные миллионеры Запада, снова делают бросок к власти над всем миром: используя древнюю магию, парапсихологию, обман и террористические методы. Им противостоит малоизвестное Специальное управление ФСБ России: управление «Й», занимающееся магами, экстрасенсами, колдунами и паранормальными явлениями. Однако в борьбу за мировое господство под знаком Эры Водолея – Эры Женщины, втянуты и другие силы: алтайские шаманы, мечтающие провести реинкарнацию священной мумии с алтайского плато Укок и наследники загадочной «цыганской принцессы», рассеянные по всему миру. Битва трёх мистических сил, трёх «Царевен» идет по всему миру, на нескольких континентах, в нескольких мировых столицах. А тем временем в глубине Сибири молодые люди с удовольствием постигают веселое и красочное психологическое учение СИМОРОН, дающие средства для самореализации, избавления от комплексов и повышения самооценки... Автор использует источники из Сети Интернет, реальные архивные документы и иные материалы ограниченного доступа.

УДК 82-344
ББК 84(2 Рос=Рус)

© Резун И., 2015
© Издательство «Союз
писателей», 2015

Содержание

Пролог	6
Точка сборки-1	9
Точка сборки-2	22
Точка сборки-3	30
Тексты	35
Лабораторная работа-1	45
Тексты	58
Точка сборки-4	62
Точка сборки-5	69
Тексты	79
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Игорь Резун

Укок, или Битва Трёх Царевен. Часть 2. Мечи свою молнию даже в смерть

Пролог

Галина работала в офисе страховой компании «АКМЭ» – и много раз подумывала о том, чтобы как-нибудь в поисковике набрать это злополучное слово и выяснить, что оно значит... но руки не доходили. А вот слово «страх», входящее в название ее конторы, прочитывалось мозгом особенно четко: и часто утром, вталкивая свое худое тело в переполненный троллейбус, а затем отдавая его во власть грохочущего потока метрополитена, Галя думала: нормально ли это, если она работает в страхе?

Ее офис занимал одну из комнаток второго этажа старинного здания на Октябрьской улице, названной когда-то горожанами Болдыревской, в честь одного из чиновников, благоволившего молодому сибирскому «прыщу на ровном месте» – городу Новониколаевску. Выстроил его купец Зейдан. Крещеный еврей, а потом взял да и подарил почти нищему, по тогдашним меркам, городскому голове Владимиру Жернакову; усатый благообразный купчик-интеллигент учился в Базеле, бывал в Англии, но состояния на родине так и не сколотил, живя приживалкой в доме сестры своей, Марии Даниловны. Жернаков поломался-поломался, но дар принял; в самом деле, неприлично-с принимать гостей рядом с будуаром сестры, а Зейдан получил от города освобождение от пошлин и некоторых налогов на пять лет...

В революционные вихри с дома снесло всю спесь и будто сорвало крышу, освобождая для пролития чаши последнего ангела: когда пьяная толпа возбужденных революцией горожан грабила склад аптекаря Штильмана, в котором обнаружился – о, чудо! – шустовский коньяк, лежавший аж с 14-го года, то сюда ворвалась солдатня из маршевых рот. Одну горничную, почти девочку, изнасиловали прямо на столе бильярдном: любил Владимир Ипполитович сие неспешное культурное развлечение! – вторую, которая была и кухаркой, и родственницей Жернакова, выволокли во двор, да там и кончили, чего уж церемонится. Дворника, по причине его крайнего пьянства и бессознательности, не тронули, только на всякий случай сломали два ребра сапогами и повязали на шею красный бант, вырезанный из портьеры: наш человек, из самых что ни на есть низов, хоть и холуй! Тот почти не проснулся, даже от боли; так и лежал, постанывая между храпом, а кровь пропитывала край красной материи, делая его черным, и вольготно текла вниз, по ступенькам и ступенечкам, только вниз, будто стремясь спрятаться, впитаться в землю – разыскивая ее и не находя, ибо все тут, даже двор выложили добротным кирпичом.

О чем я... Ах. Да, кровь и ступени. Нет, сейчас крови не было: ведь тут ютилось с десятков достаточно пафосных организации и пожилые женщины с тряпками в руках и лицами серыми, как тряпки, каждый вечер драили эти лестнички и коридоры. А лестнички переходили одна в другую, множились и пересекались, напоминая ленту Мебиуса; и сколько раз запутанные их кружевом посетители блажили в свои телефоны, потерявшись в каменных кишках: «Алё!!! Чо? Че-куда, говорю? Да я ни хрена не могу найти вас!». Галина сама с трудом поначалу запомнила этот путь к офису, мимо массажного салона, рекламного агентства, но не доходя до коллекторской конторы и сбоку от комнаты музыкального радио. Да, еще секс-шоп на первом, который обозначал правильное направление – а иначе можно было зайти в салон мобильной связи.

Галина, худошавая женщина лет двадцати семи, с короткими каштановыми волосами, ходила на работу. Соблюдая нехитрый дресс-код: кофточка, можно джинсы, никаких голых

животов с пирсингом, каблуки обязательно. Вот они-то однажды и сыграли с ней злую шутку: поняв, что ремешки на пятке просто перепиливаю сухожилия, Галя их расстегнула, но потом огнем схватило и пальцы в носке и она поняла, что новые туфли от Monardy есть тайное оружие пытки, заброшенное в Россию наверняка либо ЦПРПУ, либо «Моссадом», либо и теми и другими вместе. Она с трудом дождалась окончания работы всего офиса, выговорив себе пару часов после, выслушала инструкцию офис-менеджера, как правильно ставить на сигнализацию и с наслаждением разулась. Ковролин офиса, слегка потертый, показался ей персидским ковром.

Сложности начались, когда она решила так и пойти домой – босиком, и не пользоваться метро, а прошагать пару остановок по теплому вечернему асфальту, слегка пыльному, щеко-чущему пятки тополиным пухом; ведь делала же так в юности бесшабашной, после танцев, почему бы и нет? Да и поздно уже, мало кто будет глазеть на нее, и в троллейбусе ноги не отдавят. Она кинула туфли в сумочку, заперла офис, и стала, придерживая телефон у уха – чтобы позвонить в УВО, спускаться по ступеням.

Ее голую ступню, худую, с небольшой шишкой от обуви, укололо. Она не поняла, что; потом второй раз... с трудом пробормотав нужные слова, она с досадой остановилась, осмотрела подошву. Нет. Даже не запачкалась. Ступени холодноватые – в этом доме всегда жил холод! Пошла дальше.

Но к концу пролета ей пришлось схватиться за массивные перила. Накатывала дурнота; странная – не зовущая рвоту, а так – разрывающая сознание. Почудились шорохи. Стук сапог. Кладанье неведомых механизмов – оружейных. Что это с ней? И как завершающий аккорд, явно донеслись какие-то стоны, и даже почудился запах жженой бумаги...

Задышавшись, женщина сбежала вниз: под голыми подошвами ступни горели. Никого ей не встретилось по пути, дверь закрывается внизу на кодовый замок, ни сторожей тут, ни охранников. Оказавшись во дворе, ногами на кирпичной глади, она облегчения не ощутила. Квадратный колодезь двора сдавливал ее, налипал на тело, как пропотевшая роба. Каким-то немым в фильме в мозгу начали крутиться картинки: красноармейцы в острых шапках, будто с пиками, ведут босых и полуоборванных людей; господин в рваном цилиндре и с кровью на кружевной манишке; поп в разодранной рясе, с ключьями бороды... Они идут в арку двора, там мечутся какие-то босые и простоволосые женщины... Что это? И запах пота, дегтя, горелой бумаги, запах беды.

...Она вырвалась из этого двора, как из клетки. С трудом дошла домой, по пути ушибив палец о бордюр тротуара. Странно, но на следующий день это палец даже не посинел и исчезла ссадина, но она заболела. Температура лихорадила тело, голова раскалывалась. Позвонила шефу, молоденькому толстячку Юре Николаевичу; отпросила три дня без содержания. Дал.

А на третий день сам позвонил: переезжаем, Галя, мэрия выдавливает. Говорят, историческое наследие, надо освобождать. Музей тут будут делать. А мы в новый офис на Железнодорожной, двадцатый этаж – тепло, светло и мухи не кусают. Так что приходи туда.

– а... ага... – слабо сказала Галя в трубку и потом спросила – а музей какой у нас там будет?

Юра Николаевич, только что вернувшийся из Таиланда, жизнерадостно и сыто заржал:

– Музей? Этот, как эта бодяга называется... политических репрессий, вот. Тут же эта фигня была раньше, че-ка. Ну, и они тут беспредел творили: расстреливали, пытали и потом архивы жгли. Ну, вот такая фигня. Не парься, все это давно было.

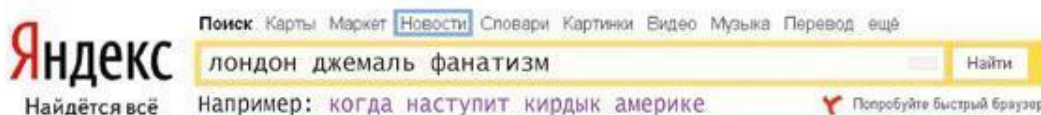
Да, это было давно. Неизвестный пулеметчик тарахтел на Старобазарной. Поливая свинцом передовой отряд каппелевцев; а тут в огне пропадали документы, связанные с операцией чекистов против отрядов барона Унгерна; и здесь орудовал товарищ Роберт Эйхе, уже знавший о таинственной девочке, опекаемой кровавым бароном – одной из девочек, которым суждено

родить Повелителя Мира... Сюда. После захвата барона в Манчжурии, его и привезли. Перед судом и расстрелом, перед которым он прокричал стрелкам «акмэ!»; то есть «возрождение». Впрочем, какое до этого было дело Галине? Страх – он и есть страх, страх давний и позабытый.

На четвертый день она пришла на новое место – уже в кедах, намеренная держать оборону до конца: ноги отказывались повиноваться колодке почти всех туфель. Но обошлось без выговора. Да и она зареклась разуваться на работе, вот только...

Вот только запах горелой бумаги у нее неизменно теперь вызывал рвоту.

Новости

«Как стало известно европейским информагентствам, последнее интервью известного обозревателя Али Орхана Джемала, главного редактора англоязычного исламского Интернет-ресурса „Новый пророк“, базирующегося в Лондоне, окончательно разозлило верховные религиозные власти Ирана. Председатель Совета Стражей исламской революции господин Тарик аби-Фадр заявил, что будет настаивать на издании специальной фетвы, ставящей Али Джемала вне закона. С этого момента каждый мусульманин может убить известного обозревателя, не опасаясь возмездия, по крайней мере, по законам шариата. Эту новость охотно растиражировала новая информационно-поисковая система abracadabra.go, о которой специалисты говорят как об „Аль-Джазире“ в мире Мировой Паутины.

Тем не менее, г-н Джемаль не успокаивается. На прошлой неделе он заявил телеканалу ВВС, что успех в нынешней войне принесет, по его мнению, союз древнего фанатизма и современного оружия, и даже указал тех, кто таким преимуществом уже обладает на Востоке...»

Кейт Рокетс. «Атака на здравый смысл»

The Baltimore Sun, Балтимор, США

Точка сборки-1

Лондон. Гайд-парк

Али Орхан и слушатели

Прошли те времена, когда выступающие в лондонском Гайд-парке взбирались на дубовые бочки, цепляясь грубыми башмаками за отставшие ободы, а в ораторов, не угодивших толпе, летели гнилая брюква и селедочные головы; теперь в просторах этого большого парка возвели легкие конференц-залы, которые быстро оказались заняты по часам проповедниками новых сект и модных бизнес-проекций. Слово обесценилось в Гайд-парке, а точнее, привязанное параллельным курсом к фунту и евро, колебалось с ним в ритмах разноименных бирж.

Али Орхан Джемаль ронял свои слова в публику гулко и размеренно, точно метал камни из пращи – точно, в лоб.

– ...Дни американского колосса сочтены. Мы считаем их в десятилетиях. История считает иначе. В секундах. Это – ступени Голгофы, по которой идет Иисус. Для торговца они долги, сколько бы их ни было. Для Сына Божьего они коротки, ибо, сколько бы их ни было, они конечны. Он считает каждую. Европа должна думать о том, что будет ПОСЛЕ ТОГО, как новый Вавилон бывшего Дикого Запада падет под смертельным и обжигающим броском исламского этноса. А этот Вавилон падет, ибо гордится своим высокоточным оружием, но не понимает, что в предстоящей войне победу обеспечит только безмерный фанатизм, прилагаемый к этому оружию... А фанатизма у американцев нет давно. Они сожрали его с гамбургерами и запили кока-колой! Их фанатизма хватает только на то, чтобы вставать при звуках государственного гимна.... И тут мы не можем не вспомнить пример Персии и Византии. Нет! Не Восток тогда противостоял Персии, хотя именно он считался ее самым заклятым врагом. Восток, которого Византия не знала... и не хотела знать, начинал свой мощный разворот на Запад. Древние силы Гаспара, отчасти принадлежащие Валтасару, готовились начать свое торжествующее шествие. Монгольские орды уже подмяли под себя Сибирь, перевалили за Урал, брали дань со славянских племен. И что делает Европа? Она посылает на Восток Крестовое воинство. Но, как известно, все это оказалось не более чем авантюрой. Только два первых похода были удачными. Потом все пошло вспять. Последние Крестовые походы вышли бесславными. А удачными они были только для итальянских и немецких оружейников да иудейских спекулянтов, снабжавших Конрада Монферратского упряжью и провиантом... Но! У Европы тогда была сильная разведка. И эта разведка нашла способ повернуть орды восточных завоевателей на низкорослых лошаденках – ВБОК! Орды потомка великого Чингисхана, носившего титул Хулагу, брата не менее великого Менгу-хана, сокрушили Персию и, лишь остановленные в Сирии, обескровленные, прервали свой путь. Сил достигнуть галльских и немецких замков у них уже не было. Так спаслась Европа, так русские оказались на века соседями монгольских правителей, так родился Восток, который никогда не поймет Запад, и Запад, извечно презирающий Восток. Так родились Редьярд Киплинг и аятолла Хомейни. Так родились мы все, пребывающие в этом разорванном состоянии – между новоизобретенным нами Мельхиором, царем Запада и вечным Гаспаром, непонятым нами царем Востока.

International Centre
for the Registration
of psychoactive objects

Federal Security Service
of Russian Federation

**TOP SECRET
PSY-FILES**

Enter your password:

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"
ТЕКУЩАЯ ОПЕРАЦИЯ

nev*****st*****ass*****

object name:
Aly Orchan Jamal

**ДЖЕМАЛЬ
[ОРХАН]**

профессор,
магистр политологии,
почетный член
Экспертного совета
Колумбийского унив.

**operative
notes:**

Локация:
GB, Лондон,
Черинг-кросс
156.
Обнаружена
повышенная
активность
посторонних
сил.
Требуется
контроль /
защита.

energy PSY-status of the object:

Zx
No
Ao
Vs
Vt
Ms

5" 3" 2" 0 2" 3" 5"

energy activity
on a scale
Shtrats-Gasselbah

0.0477

weak medium

Джемаль помолчал. Он мог, по условиям договора, выступать с сигарой, дерзко презирая нормы политкорректности; но его чудовищно длинная сигара типа Diadema давно погасла, и он только взмахивал ею, как амазонка лингамом, рассекая пространство; нет, скорее всего, его коричневый одиннадцатый палец был бритвой Оккама, утверждающей, как известно, будто все, что может быть доказано просто, невозможно объяснить сложнее.

— ...Мои слова сейчас не нужны. Они не нужны ни вам, ни мне. Они будут нужны через пятьдесят... нет, через сто лет! Когда Соединенные Штаты Европы столкнутся с окрепшим натиском ислама, уже разбуженного кровью, — как была разбужена новыми завоеваниями, новой кровью и новым золотом империя Аббасидов! — и поймет, что ничего, кроме своей протухшей политкорректности, она противопоставить уже не может. Французские бунты недавних лет — это так, крошки. Крошки сухаря на Божьих усах... а кто-то сомневается, что у него есть

усы? Думаю, что у него есть и усы, и хорошая, добрая грудь, и длинный толстый пенис... не надо кривиться! Бог есть все, это Пространство, это все, и все это есть Любовь. Так вот, тогда Европе придется реанимировать свои разведки. Но это искусство состоит не в том, чтобы виртуозно владеть отравленными зонтиками и сливать компроматы. Нет. Это искусство посредничества. Это венецианская торговля. Принципами, благами, верованиями. Лучше всех это понимали низариты-исмаилиты, а точнее, те, кого сейчас с легкой руки романистов стали называть ассасинами. Хасан Гусейн ас-Саббах был мудрым старцем. Он создал преуспевающую «фирму» по выполнению заказов на устранение неудобных... не гнушался ни сотрудничеством с крестоносцами, ни дружбой с мамлюками, ни щедро оплачиваемыми поручениями Аббасидов. Но он проторговался! И в этом заключалась единственная правда истории. Он был самым крупным и сильным игроком на восточной бирже, в разваливающемся царстве Сельджукидов, и его игра пошла на понижение. В конце концов именно европейские купцы от разведки... а тогда функции разведчиков выполняли именно купцы! Они сначала направили на его крепости Хулагу-хана, а затем договорились с Бейбарсом Первым, возможно, соблазнив его рассказами о невероятных богатствах ассасинов, которые, кстати, ищут до сих пор, и двинули на него мамелюкские войска. Крестовые походы к тому времени уже выдохлись, последние солдаты Людовика IX гнили заживо в пустынях Туниса, уничтожаемые жаждой, бескормицей и чумой. Но Бейбарс взял Мусайаф, последнюю цитадель ас-Синана, и повесил ее последнего коменданта, Девятого Старца, не успевшего формально занять этот inferнальный престол. Как это было – неважно. Арабский мир снова погряз в распрях, монголы, укрепившиеся в Иране, приняли мусульманство, и Восток на долгие столетия зажил под пятой будущей Блистательной Порты. Европа жила спокойно, решая свои мелкие, в формате истории, династические недоразумения. Сможет ли Европа сделать то же самое почти через десять веков? Сомневаюсь. Европа развращена сытостью и толерантностью, она гибнет. Здесь нет фанатизма, здесь есть политкорректность – этот сифилис слабого ума и робкой души!

Какой-то «невнятный», сотканный из намеков на пол и неясных теней молодой человек принес Али Джемалю стакан воды, бесшумно ступая по паркету в белых теннисных туфлях. Лектор взял ее, полюбовался прозрачностью на свет и сначала протянул его юноше. Тот покорно отпил. Только потом Джемаль опрокинул его в глотку, выпил, а затем выдвинул вперед круглую голову – шар, увенчанный окладистой курчавой бородой, – взмахнул сигарой и проревел:

– Мы умрем, если не научимся торговаться, но не на аукционах Christies и виртуальных биржах! Мы умрем, если не поймем, что Восток – это торговля, это баланс интересов! Нам надо найти посредников на Востоке, а пока им, как жирной костью, кормятся лишь симуляторы от политики! Сейчас Европа успешно направляет агрессию Востока против США – я об этом говорил и буду говорить в своих газетных колонках. Но настанет время, когда Соединенным Штатам... Европы! – придется столкнуться с фанатичным исламом. Точнее – с тем, что принято считать фанатичным исламом. Хотя на самом деле он не столь фанатичен и не совсем ислам, как многие думают...

Из первых рядов кто-то, очевидно, не сдержавшись, заорал: «Мусульманский экumenизм, Хо-мей-ни!» Но Али Джемаль отбил этот незримый теннисный мячик одним движением огромной ладони-лопаты.

– Мусульманский экumenизм, провозглашенный аятоллой Хомейни лет пять назад, – невозмутимо проговорил он, – не более, чем восточная хитрость в ключе чисто западного трюкачества. Суннит никогда не будет братом шииту, а суфий никогда не примирится с исмаилитом. Нет! Европа путает две очевидные вещи. Это Смысл Веры и Направление Веры. Иудео-христианский мир монолитен только на вид, но его гибель – безверие. Направление Веры есть – это вера в Иисуса Христа, Сына Божьего, а Смысла Веры – нет! Зачем верить, когда ученые, клонировав овечку Долли, уже подменили собой Руку Творца?! Восток отличается тем,

что Смысл Веры там един и неделим, незыблем и вечен. Верить там – означает жить. А вот Направление Веры может быть разным. Можно верить в седьмого имама Исмаила, а можно в двенадцатого Али, но это не колеблет не то чтобы веры в Коран – это не колеблет решимости мусульманина умереть за Священную Книгу Пророка. А Европа пронизана гниlostным размышлением: а за какую Библию я буду умирать – за «вашу» или за «нашу»?!

Джемаль сорвал бешеную волну аплодисментов; она катилась наперекор всем законам физики – снизу, и хлопали сначала богатые интеллектуалы, купившие билеты на первые места, а затем уже и галерка, опомнившаяся от простоты и гениальности высказанного обвинения. Джемалю тот же юноша принес еще один стакан воды.

– ...Восток и его ислам разнородны. Раздроблены. Между группами противоречия, которые вполне может найти талантливый исследователь. А умный человек просто сделает на этом базаре свою торговлю. И выиграет! Но политика Европы по-прежнему остается «огнем и мечом» в отношении врагов и «словом и умиротворением» в отношении друзей, в то время как восточная традиция диктует стиль поведения с точностью до наоборот. На Востоке уважают сильных и дружат с ними, а врагов заманивают хитростью и показной лаской.

В одной из лож конференц-зала, отделенных от общего пространства пуленепробиваемым экраном (ложи VIP научились хорошо охранять от чересчур буйных слушателей!), сидели Сара Фергюссон, сэр Реджинальд, Капитоныч и молодой араб, по специальности физик-атомщик, работавший в Нью-Йорке, в МАГАТЭ¹; он был приглашен Сарой и только ухмылялся, хлопая своими пышными, как у женщины, ресницами, слушая пассажи Джемалья. Герцогиня Йоркская, сбросив на ковер туфли, сидела на диване с бокалом разбавленного скотча, без стеснения возложив босые ноги в брюках лилового цвета на колени Капитонычу – тот боялся пошевелиться. Но папарацци здесь не было, и герцогиня могла себя чувствовать совершенно свободно. Она, правда, явно скучала.

– Он славно говорит! – отметила она, шурясь и откидывая назад голову с превосходной рыжей гривой, обработанной лучшими парикмахерами. – Он такой милый, этот буйный араб... Как ты думаешь, Реджи?

Сэр Реджинальд почтительно хмыкнул.

– Думаю, что мистер Джемаль знает, что говорит, – заметил он. – Как мне известно, он крупный держатель акций ряда нефтяных концернов, и акции арабских компаний после его лекции явно поднимутся на пару пунктов... я вижу внизу пару брокеров!

Араб слушал их разговор и только махал ресницами. Он был в европейском костюме: безупречно-черный с безупречным белым. Но на голове его прочно сидела чалма бедуина.

– А вы что скажете, мистер аль-Талир?

Араб склонил голову, медленно произнес необыкновенно мелодичным, как у певца Ла-Скала, голосом:

– Он говорит, как первые глашатаи Корана на базаре в Медине... В его сердце, несомненно, живет Аллах!

Между тем Али Орхан Джемаль внизу, закончив изобличать погрязнувшую в безверии Европу и советовать ей торговаться, перешел к вещам, напрямую не касавшимся темы лекции. Его черная борода обрамляла шар белого лица, как мох.

– И, завершая сегодняшнюю лекцию, не могу не сказать, дамы и господа, о моей коллеге, профессоре Сорбонны, госпоже Марике Мерди, которая пострадала в результате покушения, расследуемого сейчас органами французского правосудия... Как вы знаете, сбор от лекции пойдет на оплату ее лечения. Марика Мерди всегда говорила о символах. Символ в ее кон-

¹ МАГАТЭ – Международное Агентство по Атомной Энергии – организация, учрежденная в 1957 году в соответствии с решением Генеральной Ассамблеи ООН для развития международного сотрудничества в области мирного использования атомной энергии.

цепции – это самоценный элемент цивилизационной структуры. Камень под вашей ногой по пути к Свободе Сознания по топкому болоту нынешнего Бытия! Поэтому я скажу о символах. Когда-то и Запад, и Восток жили символами. Одни искали чашу Грааля, а другие обожествляли михрабы – на самом деле, не более чем ниши в стене мечетей, по определению Жоржа Соважэ, всего лишь «уменьшенная копия дворцовой апсиды»! Символ двигал Жизнь. Но потом просвещенный Запад ушел в знание, которое было занято лишь развенчанием символов, а Восток остался на том же пиитическом уровне символизма. И вот что я скажу...

Он дерзко и демонстративно раскурил сигару, достав зажигалку из необъятных карманов; в два счета и гневно пыхнул дымом в сторону аудитории, словно Дракон.

– ...я расскажу вам старую суфийскую легенду, упомянутую в книге ал-Кушайри, в книге тысяча сорок шестого года, «Послание к суфиям». Кстати, ал-Кушайри был современником перса ал-Худаири, написавшего в тысяча пятьдесят седьмом теоретический труд о суфизме, который сейчас изучают в обязательном порядке студенты философского факультета Кембриджа... Итак, в далекой стране было когда-то совершенное общество. Люди в нем жили в радости и гармонии – как друг с другом, так и с миром. Но мудрецы узнали, что через какое-то время их материк скроется под водами океана, и разработали план переселения на острова, которые лишь отдаленно напоминали их прежнюю страну. Те, кто перебрался туда, прошли тяжелые испытания: суровый климат новой земли и гибель многих из своих сородичей в процессе привыкания. И люди приспособились к холодам и каменистым полям, но огрубели их души, зачерствело сознание. Чтобы смягчить боль, которую приносили жителям мысли о прошлом, мудрецы уничтожили их воспоминания. Но у тех немногих, кто жил мечтами о возвращении в старый мир, постоянно возникали в сознании образы, приходили сны – о Золотом веке! Эти люди упорно не хотели забывать страну грез! Они рассказывали о своих снах другим соплеменникам. Но люди интерпретировали их слова, используя огрубленный язык и сознание, и смысл того, что было открыто внутреннему сновидению визионеров, ускользал. Тогда ясновидящие стали образовывать сообщества знающих и обучать своему искусству людей одаренных, способных понять символ и интерпретировать его. Их науки были многомерны, сверкали глубоким смыслом и жизнью. То, чем владели эти мудрецы, можно назвать искусством символического постижения реальности, доступным лишь немногим. Результатом такого обучения стало появление великого множества метафоров, аллегорий и эмблем...

Из первых рядов вновь кто-то заорал:

– Да видал я ваши аллегории в гробу! Все масс-медиа – аллегория мастурбаторов!

Но Джемаль опять не заметил выкрика.

– ...да, аллегорий. Вы можете справедливо возразить, что нынешнее общество тоже мифологизировано. Действительно, чем отличается миф о возможном полете в космос американского президента в две тысячи десятом году на суперчелноке «Спайрс» от мифа о вознесении Пророка на Седьмое небо крылатым конем Буракой? Мифы творят масс-медиа. Но эти мифы вторичны. Они бескровны, в них нет плоти – и нет веры. Наши символы – набор гремющей пустоты. Рекламисты безуспешно стараются вызвать сакральную любовь с помощью наготы, забывая о том, что символ обнаженной женщины означает презрение к земным вещам, отрицание их, а пламя в ее правой ладони символизирует любовь к Богу. То, что они хотят вызвать, – это как раз профаническая «любовь», которую олицетворяет женщина в дорогих одеждах и с сосудом в руках, наполненным золотом. Символ достигает обратного эффекта, воздействуя из глубины веков! Посмотрите на картины Тициана, и все поймете... Алмаз на эмблеме «Рено»? Так это символ постоянства и неподкупности – но о чем говорить, когда модели меняются, а скидки все лукавей с каждым годом? Реклама парфюма La Perla – ворота, ведущие, скорее всего, в ад, ибо в рай по древнейшей традиции ведет Лестница... Опять подмена понятий и символов! Эмблема ООН, по замыслу создателей, содержит идею центра, представленную Северным полюсом, и здесь же пальмовые листья... Но эмблема нарисована так,

словно перед нами мишень! Кто тогда стрелок, который целится в этот мир? Кто поразит его в самое сердце?! А глаз, парящий над усеченной пирамидой на однодолларовой бумажке? Ну, ну, поройтесь в карманах... У вас там безликие кредитные карточки! Огненный глаз возлюбленного Кали – Шивы – уничтожает иллюзорный мир в конце очередного цикла или мантавантры. Так и доллар, символ американской мощи, уничтожит сам себя, и мы увидим еще этот бесславный конец так называемого Нового Света!

International Centre
for the Registration
of psychoactive objects

Federal Security Service
of Russian Federation

**TOP SECRET
PSY-FILES**

Enter your password:

ФСБ РФ СПЕЦИАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ "Й"
ТЕКУЩАЯ ОПЕРАЦИЯ

nev*****st*****ass*****

object name:
Machab al-Talyry

**АЛЬ ТАЛИР
[МАХАБ]**

профессор физики,
исполнительный
директор отдела
сравнительной
экспертизы МАГАТЭ

**operative
notes:**

Локация:
Швейцария,
Берн, отель
"Карлссон",
ап. 808
Обнаружена
повышенная
активность,
красный
уровень.

energy PSY-status of the object:

Zx	⊗					
No	⊗					
Ao	⊗	⊗	⊗			
Vs						
Vt			⊗			
Ms						
	5"	3"	2"	0	2"	3"

energy activity
on a scale
Shtrats-Gasselbah

1,9993

the absolute
highest level
of manipulation
aggregator

Махаб аль-Талир снова усмехнулся. Сэр Реджинальд посмотрел на него:
– Бисимиллах! В тысяча девятьсот тридцать седьмом профессор Маллован в Месопотамии, у местечка Тель-Брак в Хабурской долине, откопал святилище с тысячами глазастых

идолов – примитивных трапеций с двумя очами на вершине. Храм датировался трехтысячным годом до нашей эры... Скорее всего, это шумерская богиня Нинхурсаг, а ее глаз – это магическая веб-камера горнего мира, призванная наблюдать за всеми ее детьми. Так что за США наблюдает само Небо.

– О! Я никогда не доверяла доллару! – глубокомысленно заключила Сара Фергюссон, делая большой глоток скотча. – Мы с Эндрю держим капиталы только в старых добрых фунтах.

Капитоныч ничего не сказал, только посматривал на царственные ступни, лежащие на его джинсовых коленях. Ступни иногда лениво почесывались одна об другую.

– ...масс-медиа, предназначенные обеспечивать адекватное функционирование общественных и прочих механизмов воздействия, выступили массивным фронтом против знания, сохраненного в символах, забывая грязными потоками извращенной символики, сумбурности информации важнейшие стороны нашего существования, связанные с интеллектуальной интуицией, эвристической деятельностью и снами. Символы, предназначенные для разговора с Душой, превращаются в средство социального манипулирования и формирования человека Толпы. Я не говорю об Америке – ее дни сочтены, мене, тэкэл, фарес! Я говорю с тобой, Европа. Посмотри на себя! Что ты с собой сделала?! Опутанная сетью Интернета, ошельмованная новостями CNN, ты утратила вкус мифа. Миф стал мифическим, сиречь – нереальным, лишенным собственной энергии и хладным, как персидская мифология, как руины Колизея. А ведь на восточных базарах Его Величество Миф и сегодня живет активной, самостоятельной жизнью! В этом – крах Европы. Из мифа она в своем двухтысячелетнем иудеохристианстве выварила все, всякое тектоническое и космогоническое содержание – осталась одна шелуха, слышите: ше-лу-ха! – едва ли связанная с каким-либо инобытийным смыслом, кроме рекламного.

– Я слышал, что аятолла его проклял, – задумчиво проговорил сэр Реджи. – Вот почему он отсиживается в Лондоне, а на его лекции приезжают даже из Австралии.

– Мир символов – это промежуточный мир соответствий – мир *correspondance totale*²! – и его отлично понимали поэты-символисты конца прошлого века. Это мир отражения Нарцисса (которое не является ни водой, ни Нарциссом) и видений Орфея (которые не принадлежат ни этому миру, ни подземному миру Гадеса), и это зеркальный мир Рильке и Жана Кокто. Но мы этого не понимаем... Для нас, перешагнувших в третье тысячелетие христианской эры, это ощущение должно быть еще острее и актуальнее, чем во времена пережитой нашими предками античности. Мы снова знаем из нашего повседневного опыта об «инциденте в Росуэлле», о пришельцах с летающих тарелок, о посланцах таинственных махатм, и вестниках, и фантастических мафиях, и гигантских муравьях, и оживших трупах, и таинственных крестах, и всесильных кругах заговорщиков... Оглянитесь! Мир населен мифами и живет ими. В наше время на наших глазах разыгрываются гигантские магические баталии и приносятся человеческие жертвоприношения, масштаб и изощренность которых недоступны воображению самых яростных фанатиков прошлого. Сейчас это видят многие... Но надо быть опытным и хладнокровным путником, способным преодолеть деформацию реальности, связанную со страхом и азартом от необычной схватки – вспомните борьбу Иакова с ангелом и Муххамада с Джебраилом! – и войти в сферу высокого созерцания, где перед нами открывается мир символов и закон соответствий.

Джемаль второй раз сорвал порцию аплодисментов, от которых, казалось, завибрировало пуленепробиваемое стекло. Герцогиня Йоркская посмотрела на замершего Капитоныча, потом убрала ноги с его колен и со вздохом опустила их на ковер. Капризно обратилась к сэру Реджи:

– Реджи, составьте мне компанию... я хочу еще виски! А то потом опять таблоиды распишут, что Сара напилась в одиночестве.

² *Correspondance totale* – всеобщее соответствие. (фр.).

Сэр Реджи погрузил в рыжую бороду сотовый телефон и сделал заказ. Через минуту служащий, высокий индус, внес в ложу бутылку на подносе.

А Джемаль заканчивал. Его сигара погасла, изжеванная до пепельного кончика, – так яростно он терзал ее белыми здоровыми зубами.

– ...но Европа не должна забывать, что мировое господство – это химера. Закон больших чисел пресекает безудержную экспансию! США об этом все-таки забыли – история ничему не учит президентов с бумажных купюр! Одурев от успеха завоевания прерий, они возомнили неприсоединенными прериями весь остальной мир! Ассирийцы в погоне за покорением других народов превратили страну в один большой военный лагерь, и страна пришла к экономическому краху. Александр Македонский умер бездетным, не дожив до сорока и успев захватить только Переднюю Азию и Восточное Средиземноморье, а его диадохи растащили могучее государство. Карл Мартелл разгромил арабов при Пуатье, вынудив их прекратить завоевания. Смерть Чингисхана заставила Батыя уйти из Восточной Европы, лишив монголов возможности выйти «к последнему морю». Френсис Дрейк уничтожил «Непобедимую Армаду», подкосив испанский флот и лишив Испанию возможности колонизировать весь мир. Поляки (и не только они) разбили под Варшавой войска Михаила Тухачевского, провалив Мировую революцию. Сибирские дивизии встали на пути гитлеровцев под Москвой, похоронив тысячелетний Рейх. Сатьяграха Махатмы Ганди расшатала изнутри Британскую империю. Русский «Терминатор» Горбачев тихо развалил Советский Союз. Если государство развивается вовне, экстенсивно, значит, оно рано или поздно достигнет пределов своей мощи и рухнет. Так рухнет и Европа, если после разгрома США она пойдет в Новый Свет владыкой или начнет экспансию на Восток. Европе надо быть в своем историческом гнезде и торговаться, торговаться, торговаться... Sic!³ Я все сказал. Ваши вопросы. Черт, и дайте мне сигару!

Сара Фергюссон, отпив из бокала новую порцию виски, пожаловалась Капитонычу, которого она называла фамильярно – «Кэппи»:

– Кэппи, с тех пор, как вы меня научили ходить босиком по углям, у меня болят ноги от каблуков. А Эндрю не умеет делать массаж ступней... Вот вам тема нового семинара! Вы не сделаете мне его сейчас?

Но Капитоныч, обычно охочий до любой помощи, почему-то застыл, как котлета в морозилке, и сидел не шевелясь. Едва поняв вопрос Сары Фергюссон, он вздрогнул и промямлил:

– Ваше высочество...

– К черту! Бросьте! Сара.

– Да, леди Сара... потом... у меня сейчас холоден эгрегор.

Женщина покорно кивнула и стала на шаривать ногами туфли.

Между тем Мими, Сурия и Ли Хань сидели внизу, в задних рядах, оборудованных микрофонами на стойках. Они действовали ловко и организованно: не успел Джемаль швырнуть в зал короткое свое «sic!», как черная Мими рванула к микрофону. Она выбрала самый короткий путь, и, так как была по обыкновению босой, полезла прямо по головам, цепляясь гибкими голыми ступнями за жесткие сплетения дредов, безнадежные лысины, чьи-то плечи и за спинки пластиковых стульев. Этому натиску никто не успел ничего противопоставить. Сурия – не в сари, а в обтягивающем струящемся платье, проскользнула за спинами, а Ли Хань, с вежливой улыбочкой Брюса Ли раскидав толпу, занял третий, последний микрофон. Первой «выстрелила» Мими, с сильным акцентом она бросила в микрофон:

– Мистер Джемаль, означает ли, что вы в своем выступлении натравливаете Европу на Соединенные Штаты?

Философ возвышался над кафедрой, как Колосс Родосский. Черный мох лез из белоснежного воротника медвежьими клоками. Он пыхнул сигарой.

³ Sic! – именно так! (фр.).

– Я говорю только то, что Европа должна сохранять себя, а не думать об интересах Атлантики. Европе хватит Средиземноморья! Следующий вопрос!

Микрофоном завладела Сурия, посещавшая курсы философии в Принстоне, – она тоже умела резать словами, как бритвой:

– Как вы думаете, Европа может договориться с так называемыми ассасинами?

Джемаль двинул мощными плечами:

– Один раз, по моим данным, Европа это уже сделала... Сегодня низариты-исмаилиты представляют самую практичную шиитскую группу. Но им не хватает мистического центра... Если Европа оживит шейха аль-Джабала, чье имя наводило ужас на крестоносцев, то – возможно. Или возродится кто-то из рода Великих Старцев... Это будет хороший торг!

– Что вы думаете о символизме у большевиков?

Джемаль гортанно рассмеялся. Сделал широкий знак рукой, призывая аудиторию к тишине, – видимо, вопрос его раззадорил.

– Вот у кого надо учиться Европе! Россия за семьдесят с лишним лет коммунистического господства насквозь пропиталась символизмом... там тоже живет Вера! Русские манифесты, декларируемые с красными знаменами в канун нашего праздника Всех Святых, – это мистерия Адама; человеческий цикл в один год и божественный пятилетний – их экономические пятилетки. Правитель Израиля, хранитель Иакова, правитель Четвертого Неба, Ангел Михаил воевал с Драконом – и низвергнул Сатану так же, как Михаил Горбачев низвергнул «Империю Зла». Русский медведь – символ бессознательного, области инстинктов... Пять ран Спасителя стали эмблемой русской революции. Она же, Революция, в откровениях Иоанна Богослова предвосхитила Конец Мира. А не забыли ли вы русский Чернобыль?! А серп и молот?..

Тут Джемаль опять прервали. Чей-то очень нетрезвый голос из первых рядов вклинился в его безупречный английский и с интонацией завсегдатая пивного киоска выпалил:

– Справа молот, слева серп! Это наш советский герб... Хошь ты жни, а хошь и куй, все равно получишь...

И он смачно произнес то самое сакральное слово, которое большинство присутствующих попросту не поняло. Из всех улыбнулись лишь, наверно, Капитоныч и Мими, которую русский маг тайно обучал навыкам матерщины, взамен перенимая от нее искусство изощренной негритянской ругани.

Джемаль начал что-то объяснять про молот и серп, но народ уже расходился. Слушатели остались довольны, хотя, конечно, Джемалю не хватало экспрессии. Капитоныч с сожалением посмотрел на холеные ступни Сары Фергюссон, уже спрятанные в босоножки, на бутылку виски, но, бросив сэру Реджи: «Старина, я на минуту!» – рванул к выходу.

Герцогиня Йоркская грациозно потянулась на мягком диване:

– Куда это он, Реджи? Я заказала пати в Millenium Mayfair на Гроссвенор-сквер... Кейт тоже придет, она говорит, что хочет научиться танцевать на битом стекле, это для нее ново. Он придет?

– Придет, Сара, – успокоил ее сэр Реджи, поднимаясь. – Наверно, он хочет насыпать бисера за шиворот нашему философу... Мистер аль-Талир, вы с нами?

Араб почтительно поклонился, приложив смуглую руку к черному борту костюма.

– Прошу принять мои извинения, сэр Реджи и ваша светлость... У меня неотложные дела в нашем офисе. Вы сможете найти меня на следующей неделе по телефону.

...Джемаль выходил из этого шале, общий вид которого изуродовал, по мнению лондонцев, Гайд-парк, к своему автомобилю, скромному «Ford Mondeo», а за ним, приплясывая, колесом перекатываясь, двигался Капитоныч в тельняшке, камуфляжных штанах, одеваемых в России «на картошку», и в тапках с деревянной подошвой, как у монахов Шао-Линя; тапки

грохотали о плитки тротуара, словно кастаньеты. Капитоныч метал бисер легко и привычно, ничуть не сбиваясь на английский и находя новые грани англосаксонских идиом:

– ...что вы скажете о Тридцати Пяти, мистер Джемаль? Тридцать пять миллиметров – это формат пленки для арт-хаусного кино... «Догвилль» Ларса фон Триера – а у нас в России настоящий дог-вилль, собачья жизнь! Наш эгрегор растет вместе с проклинаемой вами Америкой, там едят горячих собак, а мы позволяем им гадить на улицах! Не значит ли это, что нам все-таки удастся нагадить на голову Америке?! Нам всем, вместе со старушкой Европой?

– Возможно, – бурчал Джемаль, ошеломленный и очарованный натиском этого рыжебородого русского, говорившего по-английски, тем не менее, с каким-то странным ирландским акцентом.

– Тридцать пять человек погибло и более девяноста трех получило ранения в результате взрывов двух заминированных автомобилей в багдадском районе Мадинат ас-Садр, населенном преимущественно шиитами... Вы слышали? Это из новостей! Об этом сообщил катарский телеканал «Аль-Джазира»... Джазир ас-Салам – это пятый правитель династии, основанной Саладином. Ее второстепенная ветвь начала править в Йемене в тысяча сто семьдесят четвертом, а закончила в тысяча двести двадцать девятом... то есть сорок пять лет, верно? Вроде не сходится, а вспомните еще десять лет под протекторатом... а? Йемен – это круто, сэр Джемаль! У нас говорят «е-ка-лэ-мэ-нэ» – звучит почти как «Йемен». Не ИЙМЕН сто рублей, а ИЙМЕН сто друзей!

– Что вы хотите? – У философа потухла сигара во рту.

Но Капитоныч азартно выплясывал. Сандалии били по ушам лектора автоматными очередями, колотясь об асфальт. Джемаль уже взялся за ручку двери машины, но тут Капитоныч припечатал его убийственно точной тирадой, выученной будто наизусть:

– ...Energy Solutions считает, что оптимальным вариантом для Украины в долгосрочной перспективе является транспортировка каспийской нефти. В то же время, согласно расчетам Energy Solutions, положительный чистый денежный результат от эксплуатации нефтепровода Одесса – Броды в режиме трехлетнего временного реверса в соответствии с предложениями ТНК-ВР составит тридцать пять миллионов долларов. Подъем акций ровно на три-пять пунктов... А? Что вы об этом думаете?

Али Орхан Джемаль застыл с вытаращенными глазами; от изумления он едва мог нащупать толстыми пальцами хромированную ручку машины. Он прижался к ней, пятясь от приплясывающего Капитоныча.

– Черт подери! Да что вам нужно?! – захрипел он. – Я не даю частных уроков! Я не знаю, где расположен ближайший паб! Я не знаю, разводят ли гусей в Северном Корнуолле!

– Тридцать пять тысяч одних курьеров, – шарахнул его в упор Капитоныч. – Так наш Хлестаков говорил. Гоголь, «Ревизор». Помните? Кроме того, с тех пор, как мир сотрясли могучие звуки «In Rock»⁴, прошло уже тридцать пять лет. И вот свершилось! В далеком, затерянном среди тайги и бездорожья городе Иркутске выступили короли рока! В это бурное время, в старой доброй Англии, один джазовый клавишник по имени Джон Лорд и блюзовый гитарист по имени Риччи Блэкмор создали группу «Deer Purple». А вы помните?

Джемаль взвыл и бросился в салон «форда», как в омут. Но он захватил лапой клавишу, управляющую стеклом, и оно поехало вниз; в образовавшуюся щель Капитоныч сделал контрольный выстрел – в голову.

– Ровно тридцать пять лет назад, пятнадцатого февраля, в СССР была принята на вооружение и поставлена на боевое дежурство система предупреждения о ракетном нападении... Что у вас спрашивал человек по имени Робер Буаве?!

⁴ «In Rock» – «В роке», название песни. (англ.).

Али Орхан Джемаль побелел. Он только сейчас понял, чего добивался этот странный, грохочущий, как грузовик с жестью, рыжебородый. Джемаль навалился на руль, ударил ногой по педали газа и выкрикнул с ужасом:

– О, Бог мой! Я не помню!!!

Он действительно не помнил. «Ford Mondeo» сорвался с места, обдав Капитоныча запахом плохо прогретого двигателя. Маг вздохнул, сбросил гремящие свои тапки и повернулся в сторону небольшой толпы, собравшейся на тротуаре и азартно наблюдавшей за ним – с улыбками. Маг погрозил им тапком в руке:

– Как дал бы сейчас!.. Нет, с бобами в марле было проще. Эгрегор проще пер! А ну, басурмане, разойдись, раз, два!

– Кэппи! – раздался голос. – Кейт уже там... Нас ждут!

Сара Фергюссон стояла у голубого «RR Silver Seraph» уже в полном великолепии своего белого костюма, но без туфель, и, разговаривая по телефону, махала магу рукой. Капитонич нагнул голову, как бычок, и понесся через толпу к ней – публика расступилась. Хлопнули дверцы. Капитонича приняло роскошное заднее сидение «Серебряного Серафима». А герцогиня бесцеремонно плюхнула на его колени свои ножки, чуть испачканные пылью Лондона.

– О, Кэппи! Я вас умоляю... этот ваш эгрегор... Он такой большой! Это у всех русских? Ну, помассируйте меня, черт вас подери, я буду потом рассказывать об этом моей подружке Кейт Мосс.

А в противоположную сторону от них удалялся вишневый «Ford Mondeo». За рулем почему-то вспотевший Джемаль, стиснув зубы, смотрел вперед и понимал, что рыжебородый ткнул его носом. Да, он разговаривал на прошлой неделе с каким-то арабом, готовившим якобы статью для швейцарского журнала. Но – что было удивительно! – обладавший превосходной, феноменальной памятью Али Орхан Джемаль совершенно не мог сейчас вспомнить ни лица этого странного интервьюера, ни того, как его зовут.

И это отчего-то пугало Джемалья невообразимо.

Документы

Подтверждено источником: <https://wikileaks.org/wiki/Assasin>
090123-7567500-p255_confidential_reports

*Строго секретно. Оперативные материалы № 0-895A-8987875546546
ФСБ РФ. Главк ОУ. Управление «Й»
Отдел оперативной связи
Шифрованное сообщение в рамках операции «Тетрада»
Лондон, источник: RMR*

...Согласно сообщению источника в Лондоне, глава Организации, некто Вуаве Робер, провел встречу с Али Орхан Джемалем, являющимся одним из крупнейших экспертов по исламу... Также источник настаивает, что вышеуказанный Вуаве, используя биоэнергетические технологии запрещенного спектра, провел масштабное сканирование мозга последнего... с целью неявного (против воли субъекта) извлечения информации и использования ее в негативных целях. Приказано резидентуре Управления в Лондоне организовать наблюдение за Али Орхан Джемалем с целью недопущения его гибели. Также предписывается развернуть временную операцию по отслеживанию передвижений упомянутого Вуаве для обеспечения... полного контроля над развитием ситуации...

Новости

«...последнего скандала, связанного с откровениями бывшего младшего помощника начальника концлагеря Заксенхаузен Родольфо Штоффа, скончавшегося недавно в Бразилии. Дневники Штоффа стали известны благодаря бразильским журналистам...

...шокирующие подробности того, как во время войны немецкое оккультное общество „Аннэнербе“ буквально охотилось за молодыми восточноевропейскими цыганками в возрасте от тринадцати лет. Как утверждает Штофф, все концентрационные лагеря получили строжайший приказ отправлять любой поступивший контингент, подходящий под эти параметры, на базу „Аннэнербе“ в Нюрнберг для проведения опытов. Видимо, на Штоффа также ложилась обязанность сопровождать несчастных до места, потому что в его дневниках содержится немало шокирующих подробностей...

Нацисты искали нечто, связанное с необычным строением половых органов цыганок... Для этого молодых девушек привязывали к некой конструкции наподобие дыбы, а затем подвергали их гениталии воздействию раскаленного металла, кислоты, проводили электрический ток – и все это в поисках некоего знака, который, по мнению нацистов, должен был проступить на коже и обеспечить разгадку какой-то тайны...

Через лабораторию в Нюрнберге прошло несколько сотен молодых девушек цыганских кровей, и все они в итоге, искалеченные, оказались в печи...»

Присцилла Ханперс. «Ночь Европы»

The Daily Telegraph, Лондон, Великобритания

Точка сборки-2

Новосибирск

Сибирское Территориальное Отделение

Спецуправления «Й» ФСБ РФ

Заратустров и другие

– ...М-да. Хорошая защита, круговая! – пробормотал Заратустров, отправляя в рот очередную шоколадную крошку. – Нет, но я-то – какой идиот, а?!

– Не переживайте вы так, Александр Григорьевич! – мягко проговорила Альмах, подвигая ближе к полковнику крохотную детскую шоколадку за восемь рублей, от которой он перидически отщипывал кусочки, точно от ломтика хлеба на дипломатическом обеде – строго в соответствии с этикетом. – Там работали профессионалы. Кроме петушиной лапки с восемью колечками, там еще масса оберегов была... акация засушенная, в стеклянной банке, пентакль в круге, менгиры маленькие над входом. Плюс в каждом углу по свече, замыкающей Энергетическое Пространство. У нас на датчиках это место стабильно белым цветом отображалось – все в норме, нормальная, активная энергетика.

– Петух, прогоняющий «нечистую силу» криком на восходе солнца, – символ борьбы с несправедливостью... универсальный Будильник Опасности... – пробормотал полковник, отщипывая кусочки шоколада и отправляя их в рот рассеянно, не ощущая вкуса. – Акация – символ души и бессмертия... Чтобы жить вечно, надо знать, как умереть! Закон Хирама. Менгир... тьфу, мать вашу, ворота в другой мир! А что там было, в зоне наблюдения объектов, а?!

Они сидели в том же тесном кабинете Заратустрова, который осеняло ненастоящее солнце, блистая сквозь стальные ребра ненастоящего моста. Полковник в форменной, парадной черной рубашке, с жестким воротничком и погонами оранжевого цвета с темно-красными прожилками. Из воротника поднималась его худая, жилистая и морщинистая шея, продубленная солнцем и ветром дачи; руки, оголенные до локтей, лежали на бумагах. Напротив пристроилась Альмах в скромном бордовом платье, плотно обхватывавшем осиную талию и туго натянутом на небольших, но выпуклых грудках, и слева от нее – расплывшийся в маленьком креслице, квашнеобразный начальник оперативного отдела майор Рублев – с курчавой шевелюрой Пушкина и крохотными, заплывшими глазками провинциального алкоголика. Полковник щипал шоколадку Альмах, рассеянно смотрел на ватман на стене и что-то бормотал про себя.

А обсуждали они последние данные по анализу места побоища у Ельцовки, собранные экспертами Спецуправления в дымных развалинах кирпичной крепости.

– Они сняли частный дом в районе городской барахолки, – сонно проговорил Рублев, однако сонливость эта была очень обманчива, – и оставались в зоне удержания. Но там были их астральные двойники... ну, куклы, сами знаете, товарищ полковник! Группа наведалься туда сразу же после инцидента, но кроме кукол – ничего. Фон был стандартный, зеленый, то есть повышенная активность при сохранении позитивного...

– Я знаю! – сварливо перебил Заратустров. – Черт подери! Ну я-то сразу должен был сообразить... Обе из вагри, обе – шовани. Ну что еще они могли придумать?! Черт! Элина Глебовна... не удружите еще кофейку?

Та слезла со стульчика, не беспокоясь о тапках, в своих прозрачных колготках шагнула в коридор и позвала: «Андрюша! Один кофе!» Полковник мрачно проследил за движением точеных ступней, казавшихся мраморными в этом капроне, и проворчал:

– Опять «Андрюша!»?! Опять его от наблюдения отвлекаете?!

– Но, товарищ полковник, кофейный аппарат сломался, вы же сами знаете... Хотите, я схожу в зал?

– Не надо, – надулся Заратустров.

Сегодняшний дежурный по Управлению, молоденький Андрей Зверев, славился тем, что за одну минуту, как микроволновка, нагревал в ладонях литровую банку с водой до температуры кипения. Сейчас, при безнадежно сломавшихся двух старых кофейных аппаратах, сотрудники беззастенчиво пользовались этим даром всякий раз, когда необходимо было вскипятить воду.

Альмах молча поставила перед Заратустровым чашечку с турецким кофе, принятую в коридоре из чьих-то заботливых рук. В вырезе бордового платья качнулся, потом снова лег на бархатную кожу золотой кулончик в виде астрологического лунного знака.

Заратустров крякнул и с досадой помешал отмерянный по его вкусу сахар. Затем бросил:

– Ладно. Это понятно. Они наверняка догадались, что находятся под наблюдением... вот и совершили этот фокус. Хорошо. Черт с ним! Давайте по персоналиям... Подняли архивы?

– Так точно, товарищ полковник.

Рублев ответил, как спросонья, подвигал под столом своими слоновыми ногами и продолжил все так же – словно нехотя:

– Объект «Праматерь». По прежней операции – «Венера». Венера Гайчиевна Антанадис, девичья фамилия не установлена. Место рождения – предположительно в Хуши, Румыния, это в ста километрах от Кишинева. Родители предположительно из общины вагри, имена не установлены, год рождения предположительно – тысяча девятьсот сорок четвертый – тысяча девятьсот сорок шестой...

– Что вы все – «предположительно»?! – вспыхнул Заратустров. – Черт подери, не йоги, а гадалки на кофейной гуще!

И снова Альмах погасила этот понятный взрыв негодования, ближе подвинув Заратустрову шоколадную фольгу, сообщив:

– Цитирую, Александр Григорьевич: «...с согласия опекуни гражданки Шахимазоевой Бэлы, гражданки Антанадис В. А., имеющей двойное гражданство Республики Молдова и Греции, упомянутая гражданка Шахимазоева Б. помечена энергетическими метками на уровне средних и нижних чакр, а также была подвержена локализованному включению в области подкорковой сферы мозга с целью постоянного контроля ее энергетической активности и перемещения. За оперативную связь с гражданкой Шахимазоевой Б. отвечают сотрудники Управления „Й“ подполковник Тарасов и подполковник Зелицын (операция „Выход“). В настоящее время гражданка Шахимазоева Б. и гражданка Антанадис В. А. отбыли на пребывание в район озера Байкал с целью лечения лейкемии, диагностированной у гражданки Антанадис В. А.». Это из рапорта нашего в Москву, после той операции... Вы доверяете цитате?

– Безусловно. Не терзайте меня своей абсолютной памятью!

– Мы отправили их в Листвянку, и там все идет благополучно. Зелицын, как вы знаете, погиб на Кавказе, а Тарасов – одиннадцатого сентября в США. По документам Шахимазоева оказалась, конечно, вовсе не ею... Но, так как объекты не проявляли активности, углубленная проверка не проводилась. Занялись этим только сейчас. А время уже упущено, сами понимаете. Поэтому по Шахимазоевой Бэле – Патрине – и Венере Антанадис – Мирикле – мы начали работать только три дня назад.

Полковник сумрачно отрезал коричневый кончик El Rey del Mundo. Вставил в рот, раскурив, показывая этим Рублеву: все, извини, Женя, слушаю...

– ...аналитики склоняются к сорок пятому. Тем более что нашли ряд документов. Община вагри была обнаружена отрядом НКВД «СМЕРШ» в районе Хуши в июне сорок пятого. Цыган задержали, имеется рапорт некоего Татарина, майора УНКВД, отвечающего за проверку состояний на оккупированных территориях... Оказывается, община находилась

около двух лет на оккупированной территории, все другие цыганские общины были уничтожены отрядами СС и местными националистами. Эти – остались. Татаринцов заподозрил сотрудничество с оккупантами, задержал и проверял их около недели. Потом цыган почему-то отпустили, видимо, был приказ заниматься более серьезными задачами: там много осталось диверсионных отрядов. Но есть такой эпизод: в середине сорок пятого в квадрат Яссы – Кишинев были направлены два сотрудника организации «Аннэнербе» – оберштурмфюрер Эрих Гиланд и шарфюрер Матильда Эмм. Каково было задание – не установлено. Оба убиты в стычке с партизанами... Одним словом, энкаведешники отпустили вагри, всего – около двадцати человек. А через неделю тот же отряд, прочесывая квадрат близ Хуши, наткнулся на трупы. Практически все цыгане были мертвы, причина смерти, как следует из рапорта того же Татаринцова, – отравление грибами или ягодами во время ужина.

– Вагри-то? Отравились?! – проворчал Заратустров, яростно жуя сигару. – Вагри, которые знали все коренья и ягодки, как мы с вами – номера автобусов? Ерунда какая-то...

Рублев пожал плечами, ходившими под кожей мятого пиджака, как барханы.

– Тем не менее, документы... товарищ полковник! В живых остались только эта девочка – почти годовалая – и два члена из ее табора, по какой-то причине бывшие вне общины во время ужина. В общем, Татаринцов ограничился отправкой донесения и отпустил вагри на все четыре стороны. Потом, по нашим данным, они прибились к табору сэрвов, кочевавших тогда близ Котовска. Дальнейший путь, как вы понимаете, можно проследить только пунктирно: Лево – Бендеры – Тирасполь – Одесса – Николаев – Мелитополь. Где-то на Мелитополе они осели. Я думаю, сэрвы приняли вагри в табор только потому, что от тех осталось лишь несколько человек... видимо, так решил вожак. В итоге они в начале шестидесятых оседают под Ждановым.

– Да, – хмуро подтвердил полковник, – Хрущев тогда всех сажал на землю, и цыган – тоже... Элина Глебовна, ничего, что я тут ваш шоколад?..

– Кушайте, Александр Григорьевич!

Она потянулась к сумочке, расстегнула ее зачем-то, достала еще одну крохотную шоколадку и украдкой положила на стол.

– Так вот, в то время объекту «Праматерь» было уже предположительно пятнадцать-восемнадцать лет. Документы остались от тогдашней переписи... В дальнейшем мы обнаружили следы табора уже снова в районе Одессы. Они вливаются в какой-то винодельческий совхоз, видимо, чтобы избежать преследований. Это данные тысяча девятьсот шестьдесят пятого года. Приблизительно в это же время, годом, наверно, одним-двумя раньше, в Одессе появляется грек Георгий Антанадис, тысяча девятьсот двадцать пятого года рождения. Предприниматель. Торгует вином, зерном, шерстью. Скорее всего, он встречается с общиной в один из приездов за вином, в совхоз «Беляевский». Вот этот Георгий Антанадис...

– А тот, которого обнаружили там, на развалинах? – перебил полковник.

– Это Константинос Павалакос, – вступила в разговор Альмах, – его компаньон и, наверно, слуга. Он работал с Антанадисом как раз с тысяча девятьсот шестьдесят четвертого.

– Как опознали?!

– По останкам, найденным в автомобиле «Cadillac Eldorado». Он был судим...

– Тяжкое преступление?

– Нет. В шестьдесят шестом брали за незаконные валютные махинации, за золото...

– А, ну да. Тогда многих по этому делу заматали, – буркнул Заратустров. – Послехрущевская истерия, особенно на Украине. Ладно. Дальше!

– Антанадис женится на Мирикле в тысяча девятьсот шестьдесят пятом, в сентябре, – продолжал Рублев меланхолично, – об этом есть запись в архивах одесского загса. Я думаю, это ему нужно было для того, чтобы организовать законный выезд за рубеж. Уже в январе тысяча девятьсот шестьдесят шестого они выезжают в Грецию. Мирикла на тот момент одна: все ее оставшиеся в живых родственники из вагри умерли. Конечно, все это было трудно, но...

я полагаю, что дело не обошлось без небольшой взятки. В Одесском горкоме работал один давний знакомый Антанадиса, некто Михаил Херцог. Он и устроил им это дело. Они отбывают в Грецию. В тысяча девятьсот шестьдесят седьмом, как известно, следует военный переворот, к власти приходит военная хунта, «черные полковники». Антанадис – преуспевающий делец, он открывает фирму «Чудо». Делает чудеса.

Более искушенная в симпатиях и антипатиях Заратустрова, Альмах поспешно добавила:

– Ничего криминального, Александр Григорьевич... Хиромантия, привороты, хождение по воде... так, обычные фокусы. В духе нашего мага Лонго. Но у него дела идут. У него все дела шли хорошо, до семьдесят четвертого, до падения хунты. Видать, Антанадис не с теми, с кем нужно, делился... В общем, в семьдесят восьмом ему стало неуютно. Завели уголовное дело. Он попытался уйти. Ему помог друг семьи, некто Иоаннис Николопулос. В том же году, после падения диктатуры, он стал ведущим экспертом греческого правительства по вопросам так называемого «Греческого лобби» в США и служил советником посольства в Вашингтоне и греческой миссии в ООН. А в тысяча девятьсот восьмидесятом – тысяча девятьсот восемьдесят втором годах он служил в качестве советника по делам прессы и культуры в посольстве Греции в Москве. Думаю, он похлопотал о документах.

Благодарно посмотрев на Альмах, Рублев продолжил:

– ...В августе тысяча девятьсот восьмидесятого, предположительно на танкере «Карпатос», спрятавшись в пустом танке, они прибывают в Николаев. Тут, я думаю, снова не обошлось без Херцога – вид на жительство, информация о том, что Антанадис щедро помогал греческой компартии. В общем...

– Херцог жив? – снова перебил Заратустров, разворачивая вторую шоколадку.

Рублев покачал дынеобразной головой.

– Нет. Арестовали при Андропове, в период кампании, и быстро расстреляли.

– Черт!

– После этой даты мы Антанадиса и Мириклу теряем. Но... товарищ полковник, тут начинаются странности.

– Какие?!

– Дело в том, что вроде как у Антанадиса все идет хорошо. Он возобновляет свои старые связи, торгует вином, табаком, зерном... зерно – это рынок, требующий постоянства. А он вдруг все бросает и начинает бегать. Только наладит дело – продал и дальше. Одесса, Николаев, Черкассы, Харьков, потом Астрахань... потом Казахстан. Там Антанадис отметился в тысяча девятьсот восемьдесят восьмом... Такое ощущение, что он спасается с женой от преследований.

– Основания?!

– Было покушение... или ДТП. В восемьдесят пятом, в Астрахани. Трактор К-500 «Кировец» переехал его «Волгу». Правым колесом. Антанадиса и его жену спасла только хорошая реакция – вовремя выбросились из машины. Дело закрыли, потому что водитель трактора умер буквально сразу же, от остановки сердца, когда машина начала корезить «Волгу». Вот. Антанадис с Мирикой исчезли. А в девяностом грек объявляется в Новосибирске. Автосалон открыл. Торгует. У него фишка была: даже самые дорогие автомобили, купленные у него, не угоняют.

Заратустров вскинул кустистые брови:

– Запрещенная магическая активность?

– Нет, Александр Григорьевич... тоже все просто. Ну, отрезал во время переговоров колечко волос покупателя да и спрятал в хитрое место под кузовом. Срабатывало, как сигнализация...

– И ни одной не угнали?

Рублев нахмурился. На его большом белом лбу морщинки выглядели, как складки гипса.

– Ну... два раза пытались. И в обоих случаях угонщики погибали. Двое сошли с ума и перестреляли друг друга, а двое умерли от кровоизлияния. Внутреннего.

Снова вмешалась Альмах. Она уже слезла со своего стульчика, подошла к ватману и с интересом рассматривала схему. Белое золото волос горело в лучах придуманного солнца.

– А второй объект?

– Примерно в это время Антанадис, по информации одного из наших старых агентов, находит девочку. В поездке. Ей от силы месяц. Ну, и отсюда...

– Понял, по второй!

Рублев вздохнул. В его исполнении это звучало так, словно вздыхал гиппопотам.

– Товарищ полковник... тут темнота. Полная. У нас был источник в общине сэрвов, та, что жила под управлением Бено, или Василя. Но... он, так сказать, не регулярный... все, что он смог как-то узнать, – это то, что объект «Образ» тоже из вагри. Родители не установлены. Год рождения – предположительно тысяча девятьсот девяностый. Но есть небольшая зацепка: в поселке Кожевниково в июне тысяча девятьсот девяностого на трассе Новосибирск – Томск были обнаружены трупы двоих цыган. Судя по детородному возрасту, женщина могла быть матерью объекта. Убиты эти двое были с ритуальными особенностями: отсечены ступни, вырезаны половые органы, деактивирован визуальный канал мозга. В общем, не просто так. Потом неподалеку от этого места обнаружили еще одну цыганку... с рубленой раной в спине. По нашим данным, ее госпитализировали, но дальше следы теряются. Во всяком случае, данных о смерти нет. Примерно в это же время у объекта «Праматерь» появляется месячный или двух-месячный младенец – девочка, которую цыганка воспитывает по сей день.

Заратустров снова пошумел фольгой.

– А дальше... отследили?

– Ну... не совсем. Дело в том, что в девяносто пятом Антанадис снова исчезает. Причем... – Рублев запнулся первый раз, начал копаться в папках, которые он держал на пухлом колене.

– Вот. По информации Дзержинского райотдела, Антанадис был убит.

– Каким образом?

– Судя по способу – криминал. Вероятно, это все разборки, связанные с автобизнесом. Но вот что странно... Он вышел из дома, сел в свой «Jeep Cherokee», а те подскочили на «девятке» и начали стрелять из автомата. Вроде как его жена с ребенком уже вышли, но преступники расстреляли грека, выпавшего из машины, и уехали. Убийц взяли буквально через сутки, случайно, на Бердском КПП, с оружием. Там они и раскололись. Есть материалы дела, которое вел некий следователь Лидиев. Так вот, бойцы группировки Самсона признались, что стреляли не только в него, но и в женщину с девочкой – чтобы убрать свидетелей. Однако промахнулись. В придачу у них почему-то заклинило замки дверей, и тогда они выхлестали стекло и палили из окон...

– Из окна «Жигулей» много не попалишь...

– В том-то и дело! Но Лидиев оказался настырным и провел следственный эксперимент. Оказалось, что в стене подъезда, в двери деревянной и в Антанадисе – одни и те же пули, убийцы два рожка расстреляли. Но та женщина, жена – Мирикла – ни царапинки не получила. Более того, баллисты вообще с ума сошли: получалось, что пули изменяли направление и, изгибая траекторию, попадали прямо в лежащего на асфальте Антанадиса. А потом... – Рублев вздохнул, понимая всю шаткость своих позиций, – потом получилось вот что: Антанадис лежит в морге. Свидетелей – ни одного. И либо пальцев его в картотеке не было, либо система... она как раз в это время зависла. Не было доступа. Вдова тело не опознает. Лидиев берет подписку. Цыганка, девочка и с ними – некий мужчина все-таки, неизвестно как, получают загранпаспорт и... улетают прямым рейсом из Новосибирска в Вену. Мирикла Антанадис и Георгий

Антанадис. И удочеренная девочка – Бэла Шахимазоева. В общем, когда там дознались, уже было поздно. Послали дело в архив, а сейчас мы его открыли.

Заратустров бросил в пепельницу сигару так, что та взорвалась облачком пепла.

– Проклятье! Но это же бардак! Как так?!

– А вот так. По нашим данным, Антанадиса убили в Москве, в девяносто восьмом, поэтому получается, что с Мириклой выезжал за рубеж другой человек, и в Москве она опознала не мужа, а другого человека. Такие вот дела...

Заратустров сердито засопел. Сигара проделала короткий путь до пепельницы и свалила туда кучку пепла, как самосвал.

– Вопрос в том, ЗАЧЕМ ей это было нужно... – буркнул полковник. – Родной муж лежит в морге, а она едет за рубеж явно с подставным лицом. В Москве кого...

– ...опознали? – многозначительно подсказала Альмах. – Думаю, это не принципиально. С ее ведь слов записали.

Полковник принялся яростно тереть виски – характерный для него жест. Сильные коричневые пальцы оставляли на коже красные полосы.

– Стало быть, ей это было НАДО. Значит, она понимала, что за ней охотятся. И те, кто охотятся, либо все равно не поверят в смерть Мириклы, даже если цыганка хорошо ее инсценирует, либо... либо кто-то ТАМ, у них, был посвящен в эту инсценировку. Черт возьми, уравнение со всеми неизвестными. Как думаешь, Рублев, ассасины?

Тот снова покатал под жеваной тканью пиджака шары плеч.

– Думаю, что без «Аннэнербе» не обошлось. Тату-маркер могли нанести Мирикле именно они – немцы в сорок третьем, как сейчас известно, побывали в Аламуте и крепко вычистили скалу, произвели раскопки в Казвине и Кередже. О проекте «Невесты Старца» они могли быть осведомлены не хуже нас, товарищ полковник! Тогда логичным выглядит и преследование со стороны ассасинов. Сбой цепочки: тату нанесена, возможно, не инициированной Невестой. ТАК? Следовательно, лишнее звено надо уничтожить. Тогда логично выглядит смерть ее общины и преследования. А что касается Бэлы Шахимазоевой... впрочем, какая она Шахимазоева! Что касается объекта «Образ», то тут я даже не знаю, что и думать.

В этот момент Альмах, грациозно потянувшись гибким, сытым телом, отчего бордовая ткань еле слышно скрипнула, запрокинула золотую голову и проворковала:

– Чай Ратри...

– Что? – изумился полковник.

– Да есть такая легендочка, Александр Григорьевич. Нет, я это так, скорее, для себя.

– Антанадис знал?

– Скорее всего, товарищ полковник. Его дед по отцовской линии – последний Хранитель храма Афины Паллады, Александропулос из греческого города Кипарисия. А мать – цыганка, только не установлено, из какого рода. Антанадис обладал, по нашим предположениям, силой мага второго уровня, на сканерах он бы отразился фиолетовым цветом. Думаю, он пытался переломить влияние, но не смог... Видимо, это и послужило причиной того, что Мирикла была обнаружена, и что за ней с Антанадисом началась новая охота.

Заратустров перекинул сигару в другой угол рта. На бурой шее ритмично двигался кадык.

– Одним словом, – подвел он итог, – мы опять в самой заднице. Происхождение энергетической силы объектов точно не знаем, цепочки ее передачи не установлены, местонахождение – ноль информации. Черт возьми! За что деньги получаем?! Нам так ни копейки больше не дадут не то что на расширение, но и... – он почему-то сердито уколол глазами Альмах, – ...на кофейные аппараты! Тьфу!

Рублев потупился. В его изображении это выглядело комично.

– Товарищ полковник, приблизительно определен квадрат... Это, кстати, где-то рядом! Центральный и Железнодорожный районы.

– Ищите! – жестко отрезал Заратустров. – Ищите! А то их найдут поперед нас... сами знаете кто. Элина Глебовна, все материалы объединить и приобщить к делу операции «Невесты». Еще двух Невест имеем... так!

Он с удивлением посмотрел на кусочек пустой фольги.

– Э-э... Элина Глебовна, я весь ваш шоколад схрумкал! Сколько я вам должен?

Женщина мило улыбнулась. Холеные белые пальчики забрали бумажку.

– Пустое, Александр Григорьевич. Я дочке по дороге еще куплю...

– Нет, позвольте...

– А я говорю – бросьте! Я пойду?

– Да, все свободны. Спасибо, товарищи.

Альмах вышла в коридор первой, мелькая помпонами тапок. Рублев как раз вынимал свое тело из креслица, когда внезапно дверь открылась и на пороге снова появилась Элина. В ее руке трепетал осиновым листочком свежий квадрат факс-сообщения.

Заратустров обрадовался:

– Ага! Все-таки надумали! Сейчас я кошелек достану, Элина Глебовна...

– Не надо! Товарищ полковник, – хриловатым от волнения голосом проговорила она, – от нашего резидента в Париже... только что получили.

– Что такое?

– Час назад из лондонского Хитроу вылетели три рейса, с интервалом примерно в двадцать минут. Разные авиакомпании... Рейсы в Калининград, Прагу и Варшаву. На всех трех рейсах зарегистрированы мистер Роберт-Антуан Вуаве и Мириам Эрдикюль.

Полковник застыл с открытым ртом, испачканным шоколадной крошкой.

– Вот так... – ошарашенно пробормотал он.

Альмах стояла у дверей, на золотой кулончик падал свет их коридора и капелькой дрожал на бархатной коже груди; Заратустров показал ей: мол, зайдите, дверь прикройте.

– Так, – проговорил он, глянув на свои «командирские» часы в корпусе из полированной платины. – Так! Глупо думать, что они полетят в традиционных арабских костюмах, в парандже или как это там... они летят абсолютно одинаковыми, черт подери! Бьюсь об заклад! И даже двойников подобрали. Значит... Значит, времени у нас всего ничего. Минут сорок от силы.

Он прожег взглядом Рублева.

– Женя, как скоро мы можем задействовать группы с приборами в Праге, Варшаве и Калининграде?

Рублев, до того представлявший собой образ дремлющего в грязи гиппопотама, тут ответил четко и быстро, без единой запинки.

– В Калининграде это проще всего, через десять минут, они там на боевом дежурстве. В Польше... сложнее, но минут двадцать уйдет. Прага – средне, там тоже около того.

– Выполняй! – рявкнул полковник. – Мухой! Но пусть ничего не предпринимают.

Только ветер прошел по кабинетику, казалось – даже зарыбило фальшивое окно, словно дернулся несуществующий тюль. Рублев исчез. Только Альмах, которой пришлось выпрыгнуть из тапочек, чтобы не быть задавленной этим громадным метеоритом, стояла с факсом в тонкой руке.

– Куда они полетят, Элина Глебовна, как думаете?

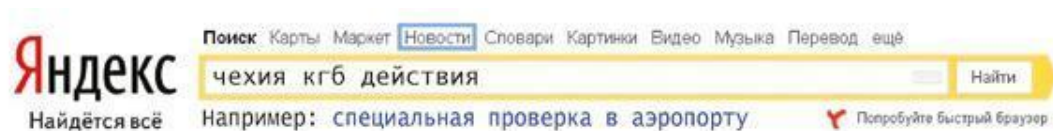
– Вряд ли в Калининград. Они же не идиоты... – пробормотала она. – Скорее всего, в Польшу. У них там есть на кого опереться. Может, и в Прагу. Но это маловероятно.

Заратустров покачал головой – коротко стриженный ежик волос заблестел рыбьей чешуей под лампой дневного света. Полковник встал и подошел к схеме, где краснели, синели и чернели артерии, вены установленных связей. Затем устало обронил:

– Идите. Как только что-то прояснится, доложите немедленно.

За его спиной прошуршали по ковролину тапочки.

Новости

«...отвечая на вопрос корреспондента британской „The Independent“, господин Путин порекомендовал „отказаться от терминологии прошлого и не искать в темной комнате черную кошку, которой там нет“. Вполне закономерно услышать это любимое выражение Дэн Сяо Пина из уст бывшего кадрового разведчика КГБ, специализировавшегося, по меткому выражению той же газеты, на „разведении черных кошек“...

...тем более, что... именно сейчас русская контрразведка проявляет подозрительную активность в странах восточной Европы в целях, очевидно, раскола НАТО и недопущения в него новых членов. Чешское МИД уже выразило озабоченность по поводу противоправных действий, совершаемых некоторыми русскими эмигрантами в Чехии, и недвусмысленно указало, что ко всем гражданам, ведущим на территории Чехии незаконную деятельность, будут применены самые суровые меры...»

Ингвард Аймэн. «Путинский modus operandi»

The Sunday Oregonian, Портленд, США

Точка сборки-3

Прага. Аэропорт Рузыне

Роберт Вуаве, Мириам и другие

Два мощных двигателя компании «Пратт энд Уитни» несли лайнер «Boeing-757L» в воздушном пространстве Германии, над Лейпцигом. Объявили о скорой посадке и пассажиров попросили через пять минут отключить мобильные телефоны. Многие стали тут же звонить, сообщая встречающим о времени прилета, а в кармане черноволосого смуглого ливанца в третьем ряду салона бизнес-класса, наоборот, бесшумно завибрировал мобильный – на входящие.

Вуаве прижал к уху крохотную коробочку. Выслушал сообщение. Затем проговорил, не обращившись к сидящей рядом Мириам:

– К сожалению, нас встречают. Надо подготовиться.

Он произнес эти слова бесстрастно, но все-таки значение, которое он вложил в них, было моментально прочувствовано женщиной.

Вуаве был одет в обычную униформу менеджера, вынужденного полжизни болтаться в небе между Европой и Америкой: черные костюм от Calvin Klein, сорочка от Levanto и темно-синий галстук, купленный в одном из VIP-бутиков «Хэрродса». Мириам была в простеньком бирюзовом платье от Cavally с ниткой искусственного жемчуга и в босоножках эксклюзивной коллекции от Nina Ricci. Никаких украшений, только золотые сережки и запечатанный пирсингом пупок – впрочем, он виден не был. Мириам пошевелилась и так же спокойно, тихо ответила:

– Куда?!

Обоим лишние слова явно не требовались. На табло зажглась предупредительная просьба пристегнуть ремни и воздержаться от хождения по салону; но по опыту полетов и Мириам, и Вуаве знали, что летчики перестраховываются, давая эту команду как минимум на пять минут раньше. Поэтому Мириам легко встала и направилась к размещенному позади салона туалету. Стюардесса, рослая светловолосая немка с профессионально короткой, удобной стрижкой, проводила ее осуждающим взглядом: ну, конечно, эта корова не могла сходить в интимное заведение раньше! Еще придется ее вызывать... Интересно, она понимает по-английски?

Вуаве не смотрел назад. Он равнодушно забросил в рот несколько мятных леденцов, с вежливой брезгливостью отказавшись от розовых облаток Cadberry, предложенных стюардессой, и закрепил замок ремня под полами пиджака. Ремень болтался, но ливанец даже не подумал о его регулировке. Ему было все равно. Он только считал минуты и рассматривал варианты.

Волнения стюардессы оказались напрасны: Мириам появилась из-за портьеры даже быстрее, чем можно было предполагать. Женщина шла по проходу – в бизнес-классе на этом рейсе пустовало около десятка мест – но в этот момент какой-то пузатый чех, до этого времени спокойно читавший «Фигаро», вдруг опомнился, уронил газету и рванулся в туалет, грохоча жесткими штиблетами.

– Ah, shit! – пробормотала стюардесса и бросилась за ним. – Sir, excuse me! Couldn't you refrain from...⁵

Но чех ее не слушал. Выставив вперед свой живот, как таран, он ударил им Мириам в бок; Вуаве не видел, как спокойное и даже ленивое лицо турчанки исказила гримаса острой секундной боли; она покачнулась, но совладала с собой и спокойно прошла к своему месту.

⁵ Ah, shit!.. Sir, excuse me! Couldn't you refrain from... – О, черт!.. Сэр, простите! Вы не могли бы воздержаться от... (англ.).

Уселась, будто несла в себе какой-то драгоценный сосуд – боясь расплескать. Набросила на колени, укрытые платьем, такой же, как у Вуаве, до предела расслабленный ремень.

Стюардесса стучала в двери кабинки согнутым пальчиком, с едва сдерживаемым раздражением прося пассажира занять свое место. Семьдесят восемь пассажиров салона бизнес-класса не обращали на эту суету внимания, только двое русских у самого выхода комментировали ситуацию на непонятном большинству языке.

Женщина пошевелилась, устраиваясь в кресле. Не глядя на нее по-прежнему, Вуаве обронил:

– Все в порядке?

Мириам криво усмехнулась. Поправила платье.

– Да. Только, дорогой мой, мне придется ехать в отель босиком. На каблуках я могу ЕЕ выронить... мышцы не выдерживают.

Вуаве мельком посмотрел на ее голые ступни, лежащие на зеленом покрытии пола самолета, – белые, с перламутровым лаком на ногтях холеных пальцев. Равнодушно заметил:

– Это не принципиально. Думаю, ты никого не удивишь. При современных мерах безопасности на терминалах разувает всех.

Самолет снижался; разрубая крыльями облака, машина неслась к аэропорту Рузыне, в десятке километров от Праги. Мерцало табло. Стюардесса наконец выгнала из туалетной кабинки красного, как рак, чеха – он на ходу застегивал скользкие пуговицы ширинки – и быстрым взглядом осмотрела кабинку; потом усмехнулась, подняла с пола что-то белое и швырнула в контейнер для мусора.

Если бы зеркало, висевшее над умывальником, могло показать, что здесь происходило, то стюардесса увидела бы сейчас белый живот, выбритый пах и женское лоно, которое распирала жесткие, даже острые углы странной фигуры – бронзового треугольника, наложенного на бронзовый же квадрат.

Тем временем, за десять минут до того, как в залах «Прага Рузыне» на трех языках объявили о прибытии рейса номер восемь тысяч восемьсот девять, Лондон – Прага – Москва, к служебному входу в аэропорт подъехала черная «ауди». В ночи, окутывающей город, она была совершенно незаметна, а в аэропорту – тем более. Два человека, вышедшие из нее, несли поклажу: один тащил настоящий кофр, второй обошелся скромным кейсом. Оба – профессионально безликие; в одном, с внушительными фельдфебельскими усами и бакенбардами, угадывался чех – любитель «Пльзенского», а во втором можно было безошибочно узнать русского – по движению челюстей, мнущих жевательную резинку, и по огромным солнцезащитным очкам, очевидно, не нужным в такой пасмурный день, как этот. Люди поднялись по лестнице в помещение службы безопасности, и старший, чех, молча предъявил дежурному бумагу с государственным гербом и коротким текстом. Пока дежурный изумленно вчитывался, чех произнес по-английски:

– Urgently. All through one terminal. We need five minutes to adjust the equipment⁶.

Дежурный только хлопнул глазами; через секунду он уже снимал трубку, связываясь с терминалом. Посетители, не слушая его объяснений, развернулись и быстро пошли вниз. Видно было, что они отлично знают, где находится терминал приема прибывших пассажиров.

За стойкой уже дежурили два таможенника и сотрудница аэропорта, высокая темноглазая молдаванка. На двух соседних терминалах зажглись табло: «The terminal temporarily does not work. We apologize for the delivered inconveniences!»⁷

⁶ Urgently. All through one terminal. We need five minutes to adjust the equipment. – Срочно. Всех через один терминал. Нам нужно пять минут для того, чтобы настроить аппаратуру. (англ.).

⁷ The terminal temporarily does not work. We apologize for the delivered inconveniences! – Терминал временно не работает. Приносим извинения за доставленные неудобства! (англ.).

Пассажиры, недовольно гомоня, – кто-то громче, кто-то тише, – вытягивались в очередь на проход. Двое русских в неряшливо повязанных галстуках толклись в очереди, один из них склонился к своим ботинкам из ярко-желтой кожи, а второй пихнул его локтем:

– Лева, офуел? Тут не нужно... Мы же не улетаем, нафиг!

– Ну, мля...

Его товарищ разогнулся. Пассажиры: немцы, поляки, стайка американских студентов, старички из Бельгии, две монашки и несколько сосредоточенных менеджеров – проходили через рамку. Это была обычная процедура, принятая в некоторых аэропортах бывшего Восточного блока по требованию Евросоюза. Но сейчас на рамке были укреплены небольшие датчики, а провода тянулись под вскрытым ковровым покрытием за ширму, где у ноутбука дежурил русский в темных очках, а чех, шевеля усами, уставился в монитор видеокамеры, показывающей всех проходящих пассажиров.

Русские между тем странно замешкались; мужчина в желтых ботинках нахально ткнул пальцем в кого-то и громко сказал товарищу:

– Е-па мать! А это вон... смотри!

За худощавым, седоватым ливанцем в тонких золоченых очках без оправы размеренно двигалась женщина в платье светлой бирюзы; она шла босиком, глядя своими полными, ухоженными ступнями пол аэропорта. Видно было, что это не удивляет ни саму женщину, ни тех, кто шел рядом, – никого, за исключением двух русских.

– Ништяк телка! – отреагировал тот, кто сделал товарищу ценное замечание. – Блин, Лева, пойдем, нам таких утром вагон подкатят...

Женщина и человек в очках уже проходили через рамку. Босая пассажирка замешкалась, зацепившись краем платья за край рамки; в это время на ноутбуке за шторкой экран тревожно мигнул густо-сиреневым, и оба наблюдателя моментально напряглись. Усатый хрипло бросил напарнику:

– Scan!⁸

Изображение на мониторе многократно увеличилось, и сиреневое пятнышко тоже. Стало видно, как во внутреннем кармане одного из проходящих прибор обрисовал топорно сделанную куклу – вероятно, деревянную.

– Черт! – по-русски проговорил человек в темных очках. – Бутор, Макс. Вуду, ничего серьезного.

Пара уже вышла на открытую стоянку. Босые ступни женщины бесшумно ступали по гладкому асфальту, в неярком свете ночных огней казались матовыми. Вот к тротуару подкатил «мерседес» черного цвета, подходящий к оттенку пражской ночи, и эти роскошные ступни исчезли за его лаковой дверцей, как и старомодные штиблеты ее спутника. А двое русских остановились перед витриной киоска Duty free, рассматривая бутылки с этикетками. Тот, которого звали Лева, заметил оживленно:

– Мля! Думал, куклу забыл... вот она!

– Какую?

– Да эту, помнишь? В магазине черной магии-то купили, у негра. В этом, как его... в Сохе, типа.

– А... ну да. Пойдем, такси надо взять.

Через десять минут двое с чемоданами, уложив в них привезенную аппаратуру, покинули аэропорт, поблагодарив дежурного, а тот все еще обеспокоенно размышлял, как докладывать о визите двух странных интерполовцев из особого отдела.

⁸ Scan! – Сканируй! (англ.).

А еще через двадцать минут «Боинг» авиакомпании «British Airways» поднялся в воздух. В кабинке буфета немка-стюардесса рассказывала подруге, рыжеволосой полячке:

– Представляешь, что эта толстая корова, из бизнес-класса, в туалете делала?

– А, которая сидела на тридцать четвертом месте?

– Да. Вот! – Стюардесса с возмущением показала коллеге стильные босоножки. – Под креслом оставила. А в туалете – трусики. Видать, захотелось дамочке срочно оргазм испытать перед Прагой... Представляешь?

Девушки захихикали. Полячка деловито прибрала туфли в шкаф.

– Прилетим в Москву, я знакомой в комиссионный сдам... Хорошая обувь, сразу видно. Вот извращенка, да?

* * *

Было уже без четверти двенадцать ночи, когда глубоко под землей, в центре Новосибирска, Элина Альмах плюхнулась на кожаный диванчик в комнатке отдыха и скинула на ковер тапочки, заявив:

– Не могу, Александр Григорьевич! Ноги не держат... Последнее сообщение из Праги было. Ни-че-го. Ни там, ни в Калининграде, ни в Варшаве ничего не обнаружили.

Полковник молчал, посасывая потухшую сигару. Мрачно.

– Значит, – глухо проговорил он, – либо наши люди сработали некорректно, либо... либо они куда-то спрятали ульру. И в багаже, и на теле она непременно бы дала сиреневый эффект. Непременно! Это правило, в котором исключений нет.

– Может, они ее накрыли каким-то энергетическим экраном? – устало предположила Альмах, массируя тонкие ступни, обтянутые хорошими колготками. – Ох...

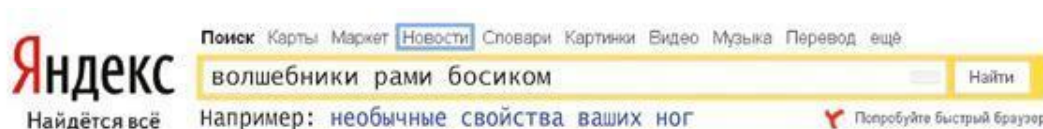
– Ну да. Тряпочкой магической обернули... Черт возьми, Элина Глебовна, как мы все-таки об этом еще мало знаем! И как ненадежны все эти электронные приборы обнаружения... Человек, человек нужен, биолокатор. А где ты столько наберешь, а?

Альмах кивнула, просительно посмотрела на полковника.

– Александр Григорьевич... может, вы меня отпустите, а? Я домой на пару часиков, хоть вздремну немного.

– Да, – рассеянно разрешил Заратустров. – Да, и у дежурного все-таки возьмите шоколадку. Я вам оставил.

Новости

«...похоже, что стиль casual, помноженный с легкой руки модных проповедников „простоты“, восприняли в Москве с русской истовостью... Теперь, если зайти в офис крупной компании, нередко можно встретить молодую сотрудницу, которая поприветствует вас, щеголяя в модных джинсах и хлопковом топе. При этом из-под джинсов будут выглядывать голые пальцы ее босых ног с двухсотдолларовым педикюром, а из-под топа –

фрагмент голого тела. Недавнее выступление в московском найт-клубе CrazySorry мага и кудесника Рами Капитано ввело моду на босые ноги среди модной столичной тусовки. Оголяя пятки в своих офисах, молодые люди черпают „энергетику земли“ и „разжигают внутренний огонь“. Увлечение это подтверждается несколькими последними обзорами по искусству фэн-шуй: спрос на шероховатую плитку, по которой ходили босиком китайские мудрецы, впитывая „благодетельную ци“, вырос в Москве в несколько раз... Любопытно то, что сам Рами, сибирский волшебник, приехал в Москву отнюдь не из Сибири, а из Лондона, где, по слухам, живет на полном попечении герцогини Йоркской, леди Сары...»

Лида Типперс-Жэрнен. «Что они там носят?»

Herald Tribune, Нейи-сюр-Сен, Франция

Тексты

Майя и Алексей

– А все-таки она мне не нравится! – задумчиво проговорил Алексей, катая по столу крошки и лепя из них Хлебного Человечка.

– Что? Котлета не нравится?! – удивилась Майя. – Ты же сам хотел из лосося!

Она стояла у плиты на кухне, в очень откровенном бикини и грубоватом кожаном фартуке, который надежно защищал ее тело спереди от брызг масла, но открывал сзади соблазнительные ягодички, символически прикрытые полосочками трусиков-стрингов. Этот наряд являлся смысловым продолжением только что проведенного ритуала «Двойной поКУПки», разработанного ими не так давно. Развивая тему выгодных покупок, Майя высказала мысль, что по-настоящему удачный шопинг будет, если производить поКУПки в КУПальнике. Идея казалась заманчивой, но Алексей резонно заметил:

– М-да. В купальнике мы еще где-нибудь в Майами или в Париже все купим... А в среднестатистическом российском магазине ментов сразу вызовут. Помнишь, мы в июне в банке деньги снимали?

– О, конечно! – расхохоталась девушка. – Я, по-моему, была в шортах, босиком и... ага, в майке с Годзиллой. А ты – в кофте из рыболовной сетки и в шортах клетчатых.

– Да. Помнишь, как тетка-администратор орала?!

– Конечно. «Еще бы голая пришла, шалава!» – передразнила Майя. – А охраннику нравилось, он даже не сразу нас выпер, помнишь?

– Да, – скептически подтвердил тот. – Если бы не та девушка, у которой ты заняла туфли на пять минут, мы бы так перевод и не получили. Одним словом, есть в России ситуации, с которыми не справится ни один волшебник. Даже танцующий.

Но они все-таки решили попробовать. И вот, потратив полтора часа, все-таки нашли такой магазин. Он стоял на берегу Бердского залива, в элитном коттеджном поселке «Изумрудный», и там торговали омарами, лягушачьими лапками и плодами фейхоа. А заходить туда можно быть в чем угодно. Более того, менеджеры, радостно улыбаясь парочке в неглиже, – хотя Алексей все-таки надел шорты – продали им филе лосося с безумной скидкой, в рамках акции «У самого синего моря», да еще одарили немного смущенную Майю бесплатным абонементом в солярий на зиму. Симорон в очередной раз ласково помахал им доброй розовой ладошкой!

Теперь девушка жарила котлеты из лосося, а Алексей сосредоточенно катал хлебные мякиши.

Он еще что-то сказал, но Майя ничего не расслышала в треске и шипении. Она положила последнюю котлету на серебряное блюдо и похвасталась:

– Во, как пахнут! Аж слюнки... Ешь, давай. Ты что там говорил?

– Да ту квартиру. Двумя этажами ниже, под волшебной. На Лескова. Посмотреть бы ее?

– Ну, давай предложим ее хозяевам переоборудование, – рассудила девушка, накладывая ему котлеты и облизывая пальчики: вкусно! – Придем и...

– Да я думаю, что ЭТИМ хозяевам никакая волшебная квартира не нужна, – пробормотал Алексей, принимаясь за котлету. – Роскошно, Майка... Нет, есть другой способ.

– Какой? Взломать замок, да?

– Ну... вроде того.

– Ты с ума сошел! – испугалась Майя. – Тогда точно милицией кончится!

Они словно поменялись ролями – обычно в их тандеме Майя была самой «безбашенной».

– Да не переживай ты... Не будем мы ничего взламывать. Ты о промышленном альпинизме слышала? Есть у меня друг один, он этим занимается.

– Ну, это, знаешь, тоже... Соседи, увидев этих твоих альпинистов, первым делом позвонят в милицию. Забудь.

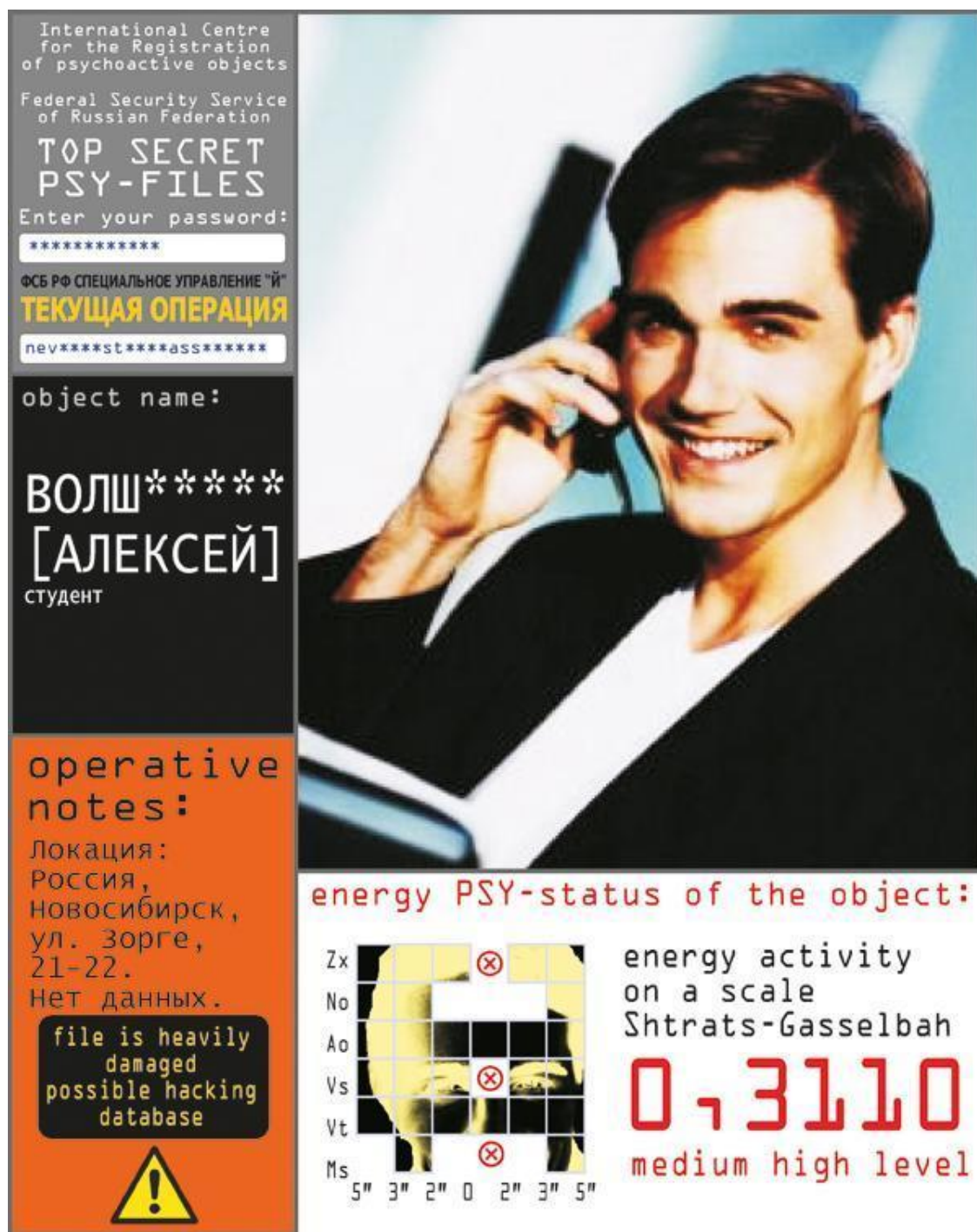
– Почему? – не сдавался молодой человек. – Если нашу Агнию Андреевну убедить в том, что мы поработаем над ее квартирой снаружи, то... то она станет внизу, как цербер, и нас прикроет. А мы тогда в окна той квартиры и заглянем.

– Интересно, что ты ей предложишь? – засмеялась Майя, обильно поливая котлету грибным соусом. – Установить выносную магическую духобойку, защищающую от темных сил? Или антенну астральной связи?!

– А вот... щели заделывать! – блеснул очками Алексей. – Друг у меня, Виталий... В общем, есть идея. ТАКуи!

– Погоди ты...

– ТАКуи, говорю.

Они крепко сцепились под столом босыми ногами и одновременно выкинули вперед руки, выкрикнув: «ТАК!» И, казалось, забыли об этом. Но на самом деле забыла только Майя.

К вечеру этого же дня, когда девушка была в институте на консультации, Алексей позвонил ей по мобильному и загадочно спросил:

- Ты можешь представить себя большой, жирной, отвратительной мухой?!
- Что?! Ты чего?
- А придется, – он причмокнул. – Будешь по стене ползать. Как муха!
- Что, неужели Агния Андреевна согласилась?
- А то... Завтра ближе к полудню и начнем. Когда этот спальный район вымрет.

Друг Виталий, о котором говорил Алексей, оказался высоченным, внешне нескладным парнем с косматыми прядями волос и толстыми губами, напоминавшими то ли бурятские позы,

то ли уйгурские манты. Очевидно, разлеплялись эти «манты» только в самой крайней необходимости: он выслушал Алексея, изредка бурча какое-то нутряное «угу», а потом все-таки разлепил их, спросив:

– А чего мы делать-то будем, на стене?

– Трещины заделывать!

– Какие трещины? Это литой дом, там не бывает трещин...

– Трещины есть в любом доме, – авторитетно сообщил Алексей. – Это ж наша родина, сынок... А нет – так нарисуем.

Альпинист, которого звали Виталием, усмехнулся, посмотрел на Майю – девушка стояла в шикарном сарафане с подсолнухами – и снова разлепил губы-манты:

– Ну... ладно. Грязная одежда есть?

– Грязная?! Да вроде нет.

– Ну, подберу что-нибудь. Роба у меня есть, краской заляпанная.

– Вы че, мальчишки, офигели?! – возмутилась Майя. – То косячок курить, то это... чужое, заляпанное надевать. Еще и потное, наверно. Не буду я!

– А в чем будешь? – с интересом спросил Алексей.

Майя упрямо тряхнула копной волос.

– В купальнике буду! В полдень жара самая... Вот!

Губастый хмыкнул, кивнул на босые ноги девушки:

– У нас кроссовки с шипами. Дать?

Майя выхватила из кармана Алексея карандаш и бросила его на асфальт. Остановив парня, попытавшего поднять канцелярский товар, она тут же ловко подцепила тонкую палочку загорелыми, гибкими пальцами ступни и подняла, затем вынула зажатый ими карандаш и подала Виталию.

– А такое видали? С шипами...

Альпинист впервые посмотрел на нее с уважением.

– Сильно! Ладно, завтра в двенадцать на Лескова, на крыше.

* * *

На следующий день они стояли на крыше дома. Район новой застройки расстился вокруг, сквозь мох пятиэтажек-«хрущоб» и даже чудом сохранившихся частных домиков с гнилыми сараями, тянулись вверх крепкие подберезовики новых домов из литого бетона. Равнодушно покачивали в ярком небе краны – суставчатыми клювами. Пахло нагретым железом, голубями и битумом – пятки девушки после пары шагов стали совершенно черными. Она раскинула руки и помечтала вслух:

– Лешка! Красота какая! Ветерок обдувает. Тут бы тряпку кинуть. И загорать. Обнаженной, да?!

– Ага. А тебя американский спутник-шпион из космоса сфотографирует – и в «Плейбой».

– Ну и что? Ты хочешь сказать, я такая страшная, что для твоего «Плейбоя» не подхожу?! – надула губки Майя.

Пока они перепирались, Виталий и его помощник, который оказался таким же длинным и молчаливым, раскладывали свою жутковатую упряжь: тросы, карабины, кожаные пояса и разнообразные пластины. Все это гремело, звенело и с трудом распутывалось. Майя, стоявшая на крыше в одном купальнике телесного цвета, – стройная, ладненькая, бронзовая – со страхом посмотрела на причиндалы промышленных альпинистов. К ним подошел Виталик, держа в руках крепеж, похожий на седло.

– Значит, вот так вот одевается, вот тут ролик-регулятор. Вверх-вниз. Это для передвижения по горизонтали...

– А не оборвется?! – тревожно поинтересовалась девушка.

– Страховка, – скупое обронил Виталик. – И вот еще, если перевернетесь... бывает такое, снасть американская, хитрая. Так вот, если перевернетесь, то не дрыгайте ногами, только запутаете все. А вот так складываете... ноги! И вместе аккуратно поднимаете вверх. Центр тяжести смещается, тело возвращается в исходное...

– А что, было, да?

– Было тут в прошлый раз с одним...

– И что, разбился, да? – ахнула Майя.

Виталик посмотрел на нее пристально.

– Не. Дерьмо за шиворот потекло... обделался он со страху. Но вам, миледи, это, похоже, не грозит! Вовка, закончил?

– Да.

– Обряжаемся!

Внизу, в тишине двора, увязнув в траве своими квадратными жесткими каблуками, стояла Агния Андреевна. Ее присутствие полностью обеспечило успех операции: монументальная дама уже два раза пресекла поползновения бдительных бабулек «позвонить куда надо» и всем отвечала одно и то же: мол, энергетические трещины ребята заделывают. Хотя Агния Андреевна и сама толком не знала, зачем все это. Но Алексей пообещал ей еще прикрепить над окном тарелку, так как жильцы жаловались, что с ее стороны дома плохо ловится телесигнал, даже у владельцев навороченных спутниковых систем. Тарелка – обыкновенная, суповая, выкрашенная для пущего колорита «золотой» краской, сейчас была где-то там, у молодняка.

Агния Андреевна вообще слегка сомневалась в успехе мероприятия, ибо то, что сотворили с ее квартирой, разумному описанию не поддавалось. Больше всего ее смущал настольный торшер с кроваво-красным абажуром, прилепленный к потолку вверх ногами вместо привычной пятирожковой люстры: «Чтобы было все в АЖУРЕ, надо жить под АбаЖУРом!» Из середины этого «ажура» свешивалась мохнатая лапа Кинг-Конга с устрашающе синими ногтями, купленная Майей в магазине приколов: чтобы «на Небе была Мохнатая Лапа». Метафора мохнатой лапы была понятна Агнии Андреевне, так как она всю жизнь только ею и пользовалась, но рука, покачивавшаяся над головой и блестящая когтями, все же нервировала. Впрочем, по сравнению с тем, что ее спецы сотворили в кухне, перевернутый абажур выглядел детской шалостью. Там в центре стоял круглый столик для завтраков с нарисованным на нем ртом, по краям столика сахарно белели огромные зубы («чтобы пища была вКУСной, стол должен слегка поКУСывать!»), а с холодильника свисал фиолетовый коврик-язык (кухонный гарнитур ей чудесным образом достался в кредит со смешными процентами, как объяснил Алексей, почти что в ЛИЗИНГ). В углу к стене была пришпилена буржуйка, выкрашенная все тем же «золотом», – чтобы «жить, как буржуи». Этого Агнии Андреевне, конечно же, очень хотелось, но морально она была не совсем готова въезжать в эту квартиру. Квартиру, в которой вместо человеческого звонка грохотал шарик с мелкими монетами, вертящийся от действия ручки на внешней стороне: таким образом, любой посетитель «накручивал денег» хозяйке квартиры.

Поэтому она сейчас стояла, наблюдая за началом работ, и только время от времени тяжело вздыхала, со свистом выпуская воздух из необъятной грудной клетки. Она не заметила, как рядом с ней появился старичок с торчащей козлиной бородкой, в пиджаке с орденскими планками, в тренировочных лже-адидасовских штанах и советских красных кедах. Старичок посмотрел вверх, шурясь, и раздраженно произнес:

– Вот ведь че творят, че творят-то! Средь бела дня... воруют, памашь, частное трудовое достояние. Надо бы звякнуть, кому следует.

– Перестаньте, – брезгливо оборвала его женщина. – Это моя квартира. Люди работают. Щели заделывают. Энергетические.

– Щели? – поразился старичок. – Куды щели?

– В параллельный мир! – брякнула Агния Андреевна то, что сама слышала от Алексея. Старичок нахмурился и потащил из кармана очки в роговой оправе.

– А там, между прочим, – с обидой сказал он, – в этом мире, и моя квартира имеется... Заслуженная! Потому я, папаша, со всем пристрастием...

Старичком был не кто иной, как дед Клава. С того времени, как он сдал свою жилплощадь странной троице, душа у него была не на месте. Количество зеленых бумажек под матрасом немного уменьшилось, и это точило мозг: деду Клаве хотелось, чтобы бумажки не убывали, но в то же время колбаса в холодильнике не переводилась. Поэтому, промаявшись всю ночь, он не выдержал, надел свой пиджак с колодками, новые «треники» и поехал к квартирантам, втайне надеясь выскрести у них под каким-нибудь предлогом еще немного зеленых бумажек. Возня на стене дома, над окнами его квартиры, деда Клаву порядком озадачила.

А четверка на стене продолжала делать свое дело. Виталик и его помощник меланхолично мазали мастикой «трещины», нарисованные накануне черным маркером. Над ними синело небо, белели новостройки, ветерок трепал лацканы старых стройотрядовских курток, действительно, заляпанных краской всех цветов. Оглядевшись на тихий двор, Алексей повернулся к Майе и, закрыв баночку с мастикой, кивнул ей: мол, спускаемся. Сам взялся за переключатель ролика и легко поехал вниз.

Им с девушкой достались три окна: кухня и две комнаты. Сам Алексей первым делом оказался у кухни, вгляделся в темное стекло. Ничего особенного. Жалкая кухонька с белеными стенами дышала неуютом, желтоватые шторы и налет на стекле говорил о том, что тут много и часто курят. На подоконнике даже виднелись пепельница и пустая пачка из-под дамских тоненьких сигарилл. Марка обычная, пафосная – из бара стандартного ночного клуба. Единственное, что поразило Алексея, – это большой, явно старинный медный таз, стоявший у стены в углу. Он мерцал, как закатное солнце.

– Переходим... – скомандовал он девушке и, справившись с регулятором, слегка отталиваясь от стены подошвами кожаных сандалий, начал передвигаться вбок. Хитрая система талей вверху облегчала их передвижение.

Тем временем внизу дед Клава нацепил на сухой нос очки, сфокусировал зрение и тут же увидел нечто непотребное.

– Да она ж ГОЛАЯ!!! – завизжал он истошно.

Крик этот прорезал двор, как свист летящей мины. Мамаши, выгуливавшие детей в песочницах, сначала пригнулись, потом заинтересованно задрали головы; пара тинэйджеров, попиравших скамейку в углу двора и пивших пиво, тоже посмотрели вверх и прокомментировали увиденное в нецензурных, но радостных выражениях. Агния Андреевна тоже посмотрела наверх и только тут поняла, что снизу повисшая на тросах девчонка действительно кажется совсем голой. Именно в таком купальнике, сливающимся с телом, Майя делала при ней асаны.

Но вопль деда Клавы сделал свое дело. Теперь он притопывал на месте и подпрыгивал, как кавалерийский конь, первый раз выведенный на плац после долгого стояния в конюшне.

– Успокойтесь, – процедила сквозь золотые зубы женщина. – Это купальник такой. Сама ими торговала.

Однако было поздно. Группка из молодежи росла. Бабушки встали и начали методичное оцепление двора, вытягивая морщинистые шеи.

Наверху всего этого не было ни видно, ни слышно. Алексей перебрался к окну большой комнаты; Майя, азартно шурша голыми пятками по бетону, переместилась к крайнему окну, наглухо занавешенному зеленой шторой, – вдруг есть щелочка.

Алексей уже осматривал большую комнату. Там было пустынно и затхло; от дверцы шкафа тянулась леска, на ней сушилось белье и, что интересно, белая больничная шапочка, которую носят медсестры. На столе куча недогоревших свечей из красного воска, такие же

красные пятна на полу. Кусок мела. Странный треножник. Алексей прищурился, рассматривая что-то черное, лежащее у вазы с давно засохшим гладиолусом, и фыркнул от смеха.

В это время Майя уперлась ногами в стену и повисла прямо перед шторами. Ни щелочки. Ясно. Жаль!

И внезапно она что-то почувствовала. Очень остро и больно: что-то страшное поднялось на нее из-за этих штор. Сознание поплыло. Ей показалось, что эти шторы вдруг вспучились, вытянули сквозь стекло свои зеленые руки с кистями и вцепились ей в горло. В глазах полыхнула сиреневая молния, и девушка, потеряв равновесие, с визгом перевернулась вверх ногами и выпустила поддерживающий трос. Конечно, все наставления Виталика она тотчас забыла и начала молотить ногами, все больше запутываясь в веревках.

– Майя, что случилось?!

Двор ахнул.

– Падает! – заорал кто-то дурным голосом.

Мамы похватали малышей и бросились под защиту бетонных козырьков, бросая в песке совочки и формочки. Малыши отчаянно голосили, жалея свое имущество. А дед Клава вдруг тоже прозрел и заорал пронзительно:

– Ах, че творят, сучонки! Они в мою квартиру-то лезут! В мою квартиру-у-у!

Он пихнул Агнию Андреевну в бок так, что та едва устояла, и заметался по двору, истошно крича:

– Грабят! Срежь бела дня! Грабят!!! Люди добрые!!! Спасите!!! Убивают!!! Пожар!!! Милиция!!! Караул!!!

Майя задыхалась. Мир перевернулся и болтался перед глазами многоэтажной бездной. В голове вспыхивали жгучие звезды, разламывая мозг. Алексей, побледнев, пытался подобраться к ней, но веревки, как назло, не хватало. Он крикнул Виталику «Помогай!» – и тот стал спускаться ниже. Они едва подхватили бьющуюся в конвульсиях девушку и стали ее переворачивать.

Тем временем дед Клава не выдержал. Он кинулся в подъезд, по пути подхватив детскую лопаточку, та в его руках сразу стала саперной – грозным оружием мотопехоты. Лифт елозил где-то между этажами, и дед Клава не стал его ждать. Богатырским здоровьем он не обладал, но сознание того, что под угрозой находится его собственная квартира, заработанная потом, кровью и чернилами доносов, удесятерило его силы. Старик понесся вверх, как молодой, перепрыгивая через ступени. Его алые кеды наливались кровью обреченных на гибель врагов.

Много чего дурного сделал в своей жизни Клавдий Павлович Саватеев, много... Но никогда он не совершал явной глупости. Даже когда в пятнадцать лет он настучал на одноклассницу Тоньку Снегиреву, заучку и зануду, что ее отец привез с войны трофейные пластинки с похабными американскими песнями и, вообще, разлагается, как последняя гнида, вместе с дочерью, он и то поступил умно: спрятался в сортире, наблюдая, как в школьный двор заехала черная «эмка». Двое мужчин в одинаковых костюмах потащили было к ней Тоньку, голенастую сволочь, но та вырвалась и побежала – знала, наверно, чем это все кончается. Да только упала она, разбив коленку, а когда ее подняли, начала кусаться. Тут у одного из энкаведешников нервы не выдержали, и он ударил ее по лицу – расшиб очки, и стекло распорол щеку девчонки, залив ему руки клюквенным цветом. Энкаведешники, матерясь, все-таки затолкали девочку в машину, а Клава стоял за пыльным стеклом и, млея, рассматривал оставшиеся на асфальте окровавленную оправу с одним целым стеклом, осколки и порванную туфлю на ремешке – сорвали, пока запикивали.

Не-ет, умный был парнишка – Клашка-какашка!

А вот сейчас он сделал явную глупость. Потому что с разгону залетел в дверь своей квартиры, даже не успев удивиться, что дверь ее, обитая черным дерматином, была распахнута. Дед остановился в прихожей.

Квартира сначала оглушила его нехорошей тишиной.

– А-а... – проблеял дед Клава.

И она взорвалась! Огромный, выше его, клубок извивающихся змей с черными, масляно блестящими телами выкатился на деда Клаву. Из середины клубка на него смотрел ужасный глаз размером в человеческий рост, немигающий и желтоватый, а по краям ощерились клыки. Глаз приблизился к нему, дохнул чем-то смрадным, жженой серой и копотью, и уши деду раздробил замогильный хохот.

Сознание лопнуло, как пузырь.

– Аааааааааааа!!! – с этим криком дед Клава понесся, размахивая лопаткой, вниз по лестнице – прочь.

* * *

В это время на крыше Алексей, удерживая на руках задыхавшуюся, посиневшую девочку, названивал в «Скорую». Ему повезло: диспетчер ответила сразу.

Через минуту реанимобиль «Скорой», следовавший по Октябрьскому мосту и как раз приближавшийся к улице Лескова, получил сообщение диспетчера. Водитель, молодой большеносый парень, врубил сирену с маячками, и желтый «уазик», сверкая, понесся прямо по разделительной полосе. На переднем сиденье усталая сорокалетняя женщина-врач зевнула и профессионально спокойно отреагировала на вызов:

– Судороги, задыхается... тепловой удар, наверно. Жара такая, понятно.

Потом посмотрела на адрес:

– Лескова, сорок четыре? Это же Ольгин дом, она там квартиру с кем-то снимает... Слушай, а чего она сегодня подменилась?

– На отдыхаловку поехала, – сообщил водитель. – С парнями.

– Везет же некоторым, – завистливо пробормотала врач. – А тут пашешь, как лошадь, и все равно денег нету... Вон, первый поворот, направо.

...Агния Андреевна уже поняла, что вляпалась, причем конкретно. Последний раз так было, когда на барахолке она обсчитала пузатого мужика в гражданском, а тот возьми да окажись майором ОБЭПа. Девушка, которую поднимали, голосила; орал дети да и из подъезда донесся какой-то жуткий, леденящий душу вопль. Женщина, пошатываясь, стала отступать в кусты.

В этот момент во двор, взрываясь, влетела «Скорая».

– Точно ее дом! – проговорила врач, выходя. – Че, не к ней ли, а?

Внезапно дверь подъезда отлетела на петлях. Что-то невообразимое вырвалось оттуда: орущее, разлохмаченное остатками волос, разодранное чуть ли не по диагонали.

Это был дед Клава. Невероятно жуткая картина все еще стояла у него перед глазами, и, когда он увидел перед собой двух Серых, с непонятными масками на лицах, он понял: это за ним.

– Уаоооо-ааа!

Хрясь! И один Серый с воплем схватился за нос: детская лопаточка в руках старика обрубила его крохотный кончик, кровь фонтаном брызнула на серые комбинезоны нового образца.

Хрясь!!! Лопатка страшным ударом врубилась в боковое стекло, отчего сидящий внутри другой Серый с криком забился в глубь салона. Но тут уже силы были неравны, да лопатка застряла в стекле. Дед Клава головой боднул третьего Серого в живот, свалив того на асфальт, и побежал дальше, вопя нечеловеческим голосом.

– Психбригаду вызывайте! Срочно! На Лескова! Нападение! – орал в машине в рацию обезумевший фельдшер. Ему повезло, в то время как водитель сидел у колеса, безуспешно зажимая окровавленный нос.

* * *

Всего этого Алексей не слышал, и был он уже не на крыше. Как только послышался звук сирены, Виталик позеленел от злости.

– Ну, черт... сейчас начнется!

– Виталь, ты уходи, – жалко попросил Алексей. – Я сам ее... стащу.

Виталий не стал себя уговаривать. Бросил напарнику:

– Быстро крепеж снимай, хрен с ними, с веревками. Через крайний выход, в другой подъезд, понял?

Алексей с трудом стащил девушку вниз по лестнице и стал спускаться – лифт, как назло, застрял где-то. Между двенадцатым и четырнадцатым этажами он наткнулся на древнюю бабушку с клюкой, которая, охая, поднималась вверх. Глаза у бабульки были синие-синие, добрые и, видимо, совсем слепые. Голые ступни Майи толкнули ее, Алексей извинился, а бабулька заморгала синими глазами и прошамкала:

– Да ниче, соколик, уродилась картошка, тока гнилая нынче вся...

И пошаркала дальше.

Алексей донес девушку до площадки седьмого этажа, и тут где-то наверху бабахнуло, будто с размаху разбили об стенку электрическую лампочку. И тотчас же Майя, которая до того действительно задыхалась, вдруг порозовела. В ту же секунду она соскочила с рук Алексея, как ни в чем не бывало.

– Ты что? Ты куда меня тащишь?! – взвизгнула она.

Ошеломленный Алексей развел руки:

– Но ты же...

Тут Майя со всей силы внезапно вlepила ему пощечину – звонкую, как удар гонга. Алексей отпрянул и, потирая щеку, пролепетал:

– Ты что?

– А ты что?! Да как ты мог... такое!!! Со мной! – Она снова задыхалась, но только уже от гнева.

– Ладно, – проговорил молодой человек, тряхнув головой, – дома разберемся. Если ты оклемалась, быстрее пойдем отсюда. Мы тут, кажется, неслабую кашу заварили...

Майя вырвала руку, когда он прикоснулся к ней, и пошла сама вниз. Тут до них донесся странный звук: что-то падало со ступенек, катилось, гремя, и через пару секунд так выкатилось им под ноги на лестничную площадку.

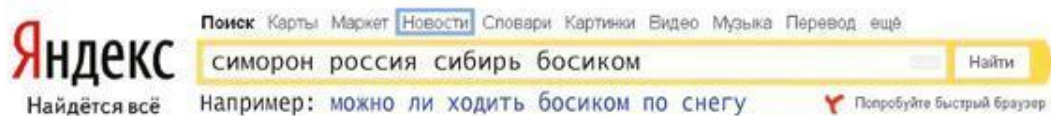
Алексей пригляделся и ахнул: это был искусственный глаз. Стеклaнный. Со зрачком изумительного ярко-синего цвета.

Внизу дед Клава бегал по двору, почти сорвав с себя всю одежду: она отчего-то вдруг стала душить его, жечь. Он кидался песком и камнями, хулил страшными словами пытавшихся поймать его санитаров из психбригады, иногда падал на четвереньки и начинал яростно рвать остатками зубов сухую траву. Наконец забрался в переплетения детского турника-глобуса да застрял ногой; тут его и скрутили санитары.

В этой дикой суматохе и истерии Алексею с Майей удалось выскользнуть из подъезда, обежать дом, прыгая по битым кирпичам, и забраться в свою «сузуки». Молодой человек завел мотор, машина рванула с места. Они пронеслись мимо какой-то полной женщины, которая брела по дорожке от дома, алчно поедая мороженое и размахивая туфлями в руке – теми самыми, с грубыми квадратными каблуками. Ее лицо светилось неопиcуемым счастьем.

– Гос-споди! – поразилаcь Майя, еще не отошедшая от случившегося. – Да это же Агния Андреевна! С ней-то что случилось?

Новости

«...Сибирь становится популярным местом туристических поездок для экстравагантных европейцев. С детства убежденные в том, что в этом крае двенадцать месяцев лежит снег, скрипя под лапами огромных косматых медведей, путешественники с изумлением обнаруживают широкие улицы сибирской столицы, чистые тротуары, обаятельных юных леди и веселых молодых людей... К традиционному посещению Алтая, этой „Сибирской Швейцарии“, предлагается эксклюзивная программа, разработанная и проводимая ранее неизвестным молодежным объединением „БиЗ-НЕ-СИМОРОН“, которая предлагает чопорному британцу или робкому бельгийцу совершить ряд вдохновенных глупостей: прогуляться босиком по оживленной русской улице, облиться водой и промокнуть до нитки у памятника самому главному большевику, походить с завязанными глазами по ужасным русским буреломам в пригородах. Как уверяют те, кто уже успел побывать в таком путешествии, это необыкновенно захватывающее мероприятие, в полной мере украшенное раскомлексованностью их новых российских друзей: девушки не стесняются своих грязных пяток во время прогулок по главной улице, а юноши – своих атлетически сложенных нагих тел, отдыхающих на нудистском пляже... Известно, что направление „Сибирских Приключений“ в Лондоне активно лоббирует известная светская хулиганка леди Сара Фергюссон...»

Люсе Фершоу. «Новый отдых для новой Европы»

Die Welt, Берлин, Германия

Лабораторная работа-1

Новосибирск. Площадь Ленина

«БиЗ». Комсомольский субботник

Не зря знающие люди говорят, что кладбище лечит. Оно действительно излечивает от суетливого поиска истины и мыслей о немедленной расправе. За его воротами кажется – все, ну перегорела еще одна вольфрамовая нитка жизни. Чего уж тут... Кому нужно что-то доказывать? И наплывает странная апатия, и вместе с шуршанием комьев глины на крышке гроба накатывает волнами ощущение вечности – не хочется... ничего не хочется.

Через день после той самой ночевки в квартире Медного и после визита странного цыгана с лошастью на похоронах Валерки побывали Медный, Лис, Шкипер, непривычно тихая Камилла и рыжий Юра, которому покойный подарил однажды просто так роскошную камеру «Sony». Лес уже умирал; его было не обмануть потеющей мелким дождиком теплыней, комариными писканиями за ухом. Лес готовился умирать, и он знал, что делал. Багряный пал уже начал подниматься по кронам, и все плотней обхватывали ноги прелые лапы листьев. Из уважения к процессу похорон все обулись, даже Лис, которая ругалась вполголоса, спотыкаясь на каблучках. Шишки в хвойной наволочке стали уже твердыми, сухими – они отдали все, что можно, этой земле и высохли. Да, лес тоже умирал, и это как-то примиряло людей с потерей.

Да и достаточно было посмотреть на неестественно, непривычно парадный для нашего глаза катафалк похоронной конторы (если бы не тонированные стекла да серебряные вензеля – «Газель» как «Газель», ординарная маршрутка!); на приехавшую откуда-то их Казахстана мачеху Валерки, женщину дородную, крикливую и всем недовольную; на то, как она распрягается, жадно мнет в руках сотенные купюры, как зыркает глазами... как тяжело бухают литавры оркестра, и у старичка с трубой тащится по мокрой земле выползший из штанин белый червячок тесемки ветхозаветных кальсон – достаточно было пропитаться этим кладбищем, чтобы почувствовать: не только похоронили человека обыденно-серо, но и все предшествующее было очень обыкновенно.

Лис путалась, рассказывая, отчего это ей показалось, что за ними следили в ту ночь. Путалась и несла околесицу, сама смущаясь: вроде того, что у торговки на углу она заприметила шесть пальцев, а через минуту уже положенные пять; что та нагло грызла свои же собственные семечки и курила свои же сигареты, чего не делает ни один порядочный боец уличного торгового фронта. В общем, почудилось Лис, и все. Но это было уже к делу не пришить – да и надо ли?

Странная история с фотоархивом тоже вроде как прояснилась быстро: в тот день Валеркина бабка решила, по доброте душевной, прибрататься у внука да протереть эти симпатичные разноцветные кружочки от пыли, но сослепу схватила с полки какой-то необыкновенно едучий состав для сведения пятен – вот и свела почти двадцать гигабайт начисто. Невероятно, но факт. А потом, надышавшись этой гадостью, сама же и рухнула посреди кухни. Про сиреневый свет доходчиво пояснили знакомые, сообщив, что такое бывает, если берешь просроченные китайские батарейки, которые, прежде чем умереть до срока, шибают остатней энергией, как перебродившее вино. Одним словом, все было просто, и бритва Оккама отсекала от них Валерку со всеми пережитыми страхами и тревогами. Только Шкипер что-то недовольно бурчал про автобус, про улльру, но Медный перестал придавать этому значение и даже положил распечатки в кипу газет, приготовленных на растопку: оттуда он брал с собой сухую бумагу на розжиг костра. Тут уж не до мистических исканий – надо было готовить первое серьезное мероприятие «БиЗ». А БиЗ (как они уже поняли) – не Симорон, и поэтому хаосу тут места не было.

Медный, хорошо помнивший институтские вечера художественной самодеятельности, приказал каждому приготовить свой «номер» с соответствующим ритуалом. Таким образом, получалась вполне приличная ярмарка разнообразных Симорон-технологий. А Медный и Шкипер задумали замаскировать все это дело «комсомольским субботником» и провести мероприятие не где-нибудь, а в самом пафосном месте города – на площади лысого коммунистического вождя, у его памятника, перед мощным фасадом оперного театра.

Памятник этот воздвигли тут в семидесятом году по проекту скульптора Бродского, верноподданного однофамильца поэта-диссидента. Вождь стоял, как ему и положено, наклонив лобастую голову, одной рукой придерживал себя за что-то пониже спины, а вторую руку протягивал вперед, но не твердо, а как-то смущенно, в полудвижении, словно решил было повести народ к сияющим высотам коммунизма да потом передумал: мол, подите вы все. И вообще, вождь напоминал печального Моисея, с тоской смотревшего на волочашеся за ним по пустыне племя Израилево и уже сожалеющего, что ввязался в такую скользкую историю. Не зря, наверно, именно под вождем снимался голый сэр Реджи, уловив в нем эту каменную обреченность.

А остальные фигуры шутники уже давно обсмеяли в постперестроечные годы: девушка, например, стояла с протянутой рукой у ресторана, живописуя собой известные строки: «Я стою у ресторана – замуж поздно, сдохнуть рано!»; а рабочий, колхозник и красноармеец наставляли свои винтовки прямо на красное здание областного отделения федерального казначейства, недвусмысленно призывая граждан снова все у всех отнять и поделить среди своих.

Но как бы то ни было, а Ленин возвышался над площадью на двухметровом постаменте, и было в этой громаде еще шесть метров чистого роста. «Тарзанку», конечно, с него спустить не представлялось возможным, но идея подняться на верхотуру выглядела заманчиво. Поэтому Медный и Шкипер облачились в робу, напоминавшую зелено-оранжевое оперение дорожных рабочих, взяли веселенькой расцветки ведра и швабры и, укрепив на каменной башке хитрую систему талей, начали поднимать туда ведра с водой и орудовать швабрами – якобы мыть статую. На самом деле через одного они поднимали на таях визжащих девчонок, гогочущих парней и публику постарше – тех, кто посмелее. На верхотуре Шкипер делал снимки цифровым фотоаппаратом: это называлось «экологическим озеЛЕНИНИем чакр» и должно было сосредоточить общую гармонию в зоне сердца. В принципе, у Медного была «отмазка» – заявку на проведение такой акции силами патриотически настроенной молодежи они подавали, но воспользоваться ею не хотелось бы. Тогда бы получилось как-то казенно, а не по-симороновски.

Су Ян ходила по площади с плоской риса и предлагала всем «наРИСовать хорошее настроение». А поскольку кореянка одета была в белоснежное кимоно и трогательно семенила успешными загореть босыми ножками (ее комплексы растаяли, как прошлогодний снег), то ей верили. Первым, кому она наРИСовала хорошее настроение, был массивный мужчина с задумчивым и скорбным лицом Платона. Он торопился в мэрию, расположенную в ста метрах от каменных идолов. Девушка загородила ему дорогу, защебетала, и через полминуты он уже причастился ее рисом, неуклюже орудуя палочками. А когда она своим тонким пальчиком нарисовала на его потном лбу «иероглиф счастья», тот устало улыбнулся, пошел было вперед, но через три метра вдруг хлопнул себя по этой самой части черепа: «Ах, блин! У Шкирдяева же банкет с коньяком!» – просиял и резво понесся в противоположную от мэрии сторону. Су Ян вообще пользовалась страшной популярностью. Несколько бабушек даже жалостливо поинтересовались, не из Хиросимы ли она. Подвыпивший молодой человек назвал ее «Чио-Чио-сан»; средних лет дама озорно пропела пару строк песни «Девушка из Нагасаки», подражая Высоцкому; а двое молодых спортивного вида парней сравнили ее с «короллой»-трехлеткой и попытались увести в ресторан: кореянка не далась. Как бы то ни было, а «вREDных» людей она отлавливала отменно и возвращала им хорошее настроение. Самой вредной оказалась началь-

ница районной СЭС, шедшая на совещание в мэрию. Начала она с крика о немых палочках в частности (хотя у Су Ян имелось около сотни комплектов) и туберкулезных палочках вообще, а закончила, мило щебеча и записывая у Су Ян рецепт приготовления «настоящей» острой корейской моркови.

Лис, для такого случая специально сшившая себе разноцветные шаровары (одна штанина желтая, другая – черная), нацепила на щиколотки браслеты с колокольчиками и ходила по площади, притопывая голыми пятками. Колокольцы звенели, в ее длинных руках грохотал маленький бубен, в роскошных волосах сверкала фальшивая диадема... А ногти на ногах она вообще покрасила десятью разными цветами лака, распотрошив все свои залежи косметики. Девушка целенаправленно охотилась за хмурыми молодыми людьми. Завидев таких, подходила и, коварно сверкая зелеными глазами, предлагала «поГАДать на счастье». Молодые люди, сидевшие с ногами на скамейках и мрачно потягивавшие пиво, нехотя соглашались. Тогда Лис распахивала что-то наподобие батника, в который была наряжена сверху, и демонстрировала молодым людям свою роскошную грудь в очень символическом бикини: в знакомой всем мужчинам ложбинке уютно лежал ужик, совсем как настоящий. То ли от созерцания этого секретного оружия, то ли от явления ГАДа молодые люди валялись со скамеек, иногда вместе с пивом, но, узнав, что ужик резиновый и сшит на самом деле из искусственного фаллоса, хохотали, как безумные, катаясь по траве. Самые отчаянные пытались уволочь Лис в кусты, но девушка тогда нажимала ужiku на хвост, и тот возился, издавая шипение, чего было достаточно, чтобы обратить в бегство даже самого нахального кавалера.

Иван продавал приворотное зелье. В гавайской рубаше и необъятных «бермудах» он сидел на скамье у самого входа в сквер, у станции метро, под самодельным плакатом: «ПРИВОРОТНОЕ ЗЕЛЬЕ. ПРИВОРАЧИВАЕТ, ОТВОРАЧИВАЕТ, КРЕПИТ». Сидел же он, надвинув на глаза панаму, с таким же выражением, с каким в Сочи сидят у своих напольных весов граждане неразличимой местной национальности – скучающе. Именно это и срабатывало. Каждая третья задумчивая девушка останавливалась и начинала сварливо выяснять, что это и как. Иван долго выпытывал у барышень всяческие подробности: кого они хотят «приворотить», надолго ли, действительно ли им это надо... А когда торг оказывался неуместен, меланхолично сдергивал тряпку с края скамейки: под ней красовались тиски с зажатым в них фаллосом из секс-шопа, родным братом лисиного лже-ужика. Сдергивал и лениво говорил:

– Ну что ж, приворачивайте...

Барышни смеялись, сначала нервно, а потом уже весело. А две из них стали так увлеченно крутить тиски, что чуть было не сплющили в стальных губках ценный реквизит. Иван еле успел его спасти, пояснив, в чем состояла суть метафоры. Девушки долго смеялись, а потом пообещали как-нибудь принести настоящий.

Данила, устроившись на противоположном конце парка, занимался совершенно мужским делом – «качал бизнес-пресс». Для этого он позаботился о доставке на зеленую траву газона настоящего тренажера Kettler – с хромированными штангами и желто-черной резиной. Более того, тренажер оказался соединен шлангом с хитроумным устройством. Этот аттракцион пользовался особой популярностью среди юношей. Они нависали над тренажером, потя, сбросив кроссовки и расстегнув рубашки, а «пресс» вдыхал еще глоток воздуха в поднимающуюся сбоку резиновую руку с надписью: «Наш бизнес». Рука вставала в положение ОК. Для того, чтобы все было действительно ОК, требовался не один десяток отжиманий. Но дело того стоило: мастерам спортивного качания «бизнес-пресса» Данила вручал сертификат с золотым обрезом и печатью, удостоверяющий, что предьявитель сего имеет безусловную карму успеха в бизнесе и так далее. Но народ шел отнюдь не могучий, а истерзанный ночными клубами и чатами: за полтора часа Данила вручил только два таких сертификата. Иногда он и сам, сняв белоснежную майку с устрашающей надписью: «ПЛОХОЕ НАСТРОЕНИЕ? ЩАС ЗАТРАЛИМ РЫБКУ!», брался за штанги, и тренажер стонал и пел под его огромным мускулистым телом.

А в самой середине парка, куда неизменно отправляли своих «затраленных» и Лис, и Су Ян, и Иван, и Данила, творилось нечто и вовсе сумасшедшее. На центральной аллее приплясывала корова с художественно разлетавшимся хвостом, с головой из папье-маше и четырьмя ногами. То, что эти ноги – босые, девичьи и весьма изящные, можно было разглядеть только очень вблизи, ибо они были покрыты, для сходства с настоящими коровьими копытами, от ступни до колен черной краской – той самой, которую когда-то использовала Лис в своем историческом походе за фруктами. Потому этим «копытам» были нипочем и бычки, и плевки, и битое стекло – все то, чего до смерти боится каждая здравомыслящая горожанка. Корова азартно приплясывала на асфальте центральной аллеи, распевая частушки и одаривая пришедших молоком. Для этого дежурившая у коровы Олеся подставляла под «брюхо» эмалированную кружку, в которую била тугая струя настоящего свежего молочка.

– За вредность! – поясняла девушка. – Чтоб не вредничать...

Народ понимающе смеялся, на глазах излечиваясь от своего плохого настроения и загруженности, с которыми вышел из дома.

А у коровы внутри ругались:

– Милка, балда, ты мне опять всю задницу залила! – шипела Ирка, забыв про весь политес. – Не можешь аккуратней из бутылки прыскать, а?!

Принцесса в долгу не осталась:

– А ты зад не отключивай, корова такая! И ты меня уже два раза пнула, осторожнее ногами махай!

Впрочем, эти ругалки не портили настроения Ирке и Людмиле, которые потели под тяжелой попоной «коровы». Там было невероятно жарко, поэтому девушки отплясывали в одних трусиках, и их движениям ничего не мешало.

Одним словом, акция «Молоко за вредность» шла полным ходом. Камилла и Олеся, дежурившие у коровы, иногда бегали в соседний магазин за молоком. Они напоили народ уже тремя литрами, что несомненно являлось хорошим показателем надоев в «Лаборатории АНД-реналин».

Все это безобразие, творившееся в летнем парке в самом центре города, на главной его площади, растиражированной на открытках, на его пасторальной визитке – катилось само собой, вскипало фонтанами смеха, звенело азартными девичьими голосами и не напрягало никого. Никого, кроме двух милиционеров, несших в этом районе нелегкое бремя патрульно-постовой службы: молоденького с редкими бровями и пожилого, животастого и рыжеусого, похожего на громадную серую грушу. Они уже пережили некогда момент шока, задерживая под памятником фотографировавшегося голым иностранца, и теперь нутром чуяли: чудачества этой странной молодежи добром не кончатся.

Первым делом они наткнулись на Су Ян. Корейка доверчиво протянула милиционерам плоску с рисом и новые комплекты палочек доброго букового цвета. Она кратко объяснила, зачем нужен рис, и как она будет РИСовать: без спроса тянуть руки ко лбам представителей власти она не решилась – и правильно.

– А че, ничего видно не будет? – спросил молоденький, с готовностью снял кепи, обнажив потный лоб, и руками полез в плоску с рисом.

– А разрешение на торговлю-то есть? – насупился рыжеусый, забирая оба комплекта палочек.

Су Ян, робея, вывела на милицейский коже иероглиф счастья, объяснила, что угощение не продает, а так... бесплатно...

– Уматный рис, Иваныч! – воскликнул молоденький, облизывая пальцы. – С медком!

Старший хмыкнул, еще раз обозрел хрупкую фигуру девушки, особенно оранжевый лак на пальчиках ее ног, и пробурчал:

– Вы эта... с медком! Все равно, не очень тут! Рисуйте! Вон, мел купите и дома идите себе рисуйте... Пойдем, Коля!

Следующим испытанием для милицейских нервов стала Лис. Девушка благоразумно хотела было уже избавить сотрудников правоохранительных органов от своего аттракциона, но не получилось. Молоденький первый обратил внимание на нее:

– Гражданочка... а что вы там прячете, а?

Лис отважно распахнула пиджачок. Ужик зашипел. Рыжеусый попятился назад, а молодой побледнел, но остался на месте, хлопая глазами.

– Н-ниххх-ху... – выдавил он. – Эт че, настоящий? Кусается?!

Лис пояснила, что послужило основой для блестящей резиновой кожи гада. Молоденький молчал, почему-то облизываясь и глядя не столько на ужика, сколько на роскошные груди Лис, едва прикрытые бикини. Подошел, бочком, старший. Его изумили и грудь, и ужик, и радуга лака на голых ногах девушки. Он ткнул толстым пальцем в Лис:

– И скока берете, гражданка? За показ?

– Ничего не беру, – дерзко ответила Лис. – Благотворительная акция. Гады – народу! ЗаГАДывайте желание...

Рыжеусый уже хотел было принять меры, но молодой потянул его за рукав:

– Пойдем, Иваныч... Девка хорошая, смотри, как прикалывается! Идите, гра... девушка!

Они пошли дальше, давя высокими ботинками свежий, лилового цвета асфальт.

– Черт-те что! – выпалил старший. – Вся молодежь – уроды как уроды, нормальные то есть. Но эти же... Нет чтоб им посидеть, пивка побухать, так они с гадами разными таскаются! Тьфу!

– Не говори, Иваныч! – поддержал напарник. – Но девка-то ниче.

Они проходили как раз мимо Ивана. Сначала мельком взглянули на происходящее, потом раскрыли рты, потом остановились и грозно засопели. Иван улыбался, наблюдая за процессом, а у тисочков сгрудились двое: худая девица с каштановыми волосами, чуть завивавшимися у кончиков, и толстый парень-увалень в очках. Девушка одной рукой вцепилась в громадный резиновый фаллос, торчащий из тисков, другой накручивала рычажок и худым плечом отталкивала парня, со смехом пытавшегося ей помешать.

– Андрюха... ну, пусти! Ну, перестань! Дай мне хоть подержаться-то за него! Дай, я тебя сейчас приворотю... или приворожу... Как правильно, молодой человек?

– Эт-то что у вас тут происходит, молодые люди?! – захохотал старший, у которого при виде темно-коричневого бесстыдства лопнуло всякое терпение. – А ну, прекратите немедленно! Документы есть у вас?!

Девушка в разлохмаченных джинсах и топике ойкнула и обернулась. Иван быстро скручивал рычажок, ослабляя зажим. Парень в очках потупился и зачем-то спрятал за спину туфли девушки, которые держал в руках.

– Привораживаем, – бодро ответил Иван, вставая каланчой. – Приворот делаем. По всем правилам технического соответствия...

– А меня не е...т, чего вы тут привораживаете! – рыкнул старший. – Документы ваши!

Иван полез за паспортом. А девчонка вдруг быстро выхватила резиновый фаллос из тисков и бестрепетно спрятала его себе... за топик. Прямо на грудь, как птенца. Рука молодого милиционера, протянувшаяся за вещдоком, застыла в воздухе.

Между тем старший, сопя, проверил паспорт Ивана и принял в руки документ от тюфяка в очках. Он бормотал:

– Вот сейчас в отделении разберемся... кто привораживает, кому привораживает... и на каком основании... Так! Так... – Последнее он протянул уже растерянно: – Т-т-аак...

Он выпустил из рук документ очкастого (кажется, это был студенческий билет с лиловой корочкой), и рука его машинально потянулась к седому виску. Под взглядом холодных голубых

глаз этого странного парня, который как раз снял очки и меланхолично протирал их, рука как-то сама собой согнулась и стала яростно скрести щеку.

– Кхе! – густо крякнул старший. – Кхе... пойдём, Коля.

Теперь уже он потянул за рукав напарника, вертящего головой и спрашивающего:

– А че, Иваныч? А как же эти, Иваныч?!

Милиционеры удалялись. Старший достал платок и вытер вспотевшее лицо.

– Колян, давай-ка по водичке холодной, – буркнул он. – Ну и денек!

– А че он тебе показал, Иваныч?

– Да так... Эта... Не балаболёшь ты! – вдруг с раздражением прикрикнул он на напарника. – Балаболка... Ива-аныч, Иваныч... Тоже мне! Как сдурели все, черти голоногие. И как не стыдно...

Ворча, он быстрым шагом шёл к белеющему в глубине сквера киоску с холодильниками «Кока-Колы». Вряд ли он мог признаться напарнику, что с ним, отдавшим органам уже десять лет жизни, случился обиднейший казус: документ, который предъявил ему толстый, был до того пугающе значителен, что продираал аж до задницы, как он бы сам выразился. Документ какого-то ведомства... Тьфу! Какого?! Вот сейчас, всего через три минуты после происшествия, милиционер не мог даже припомнить, ЧТО это был за документ! От этого неприятно сосало под ложечкой.

А молодые люди у скамейки Ивана рассмеялись. Юлька (а это была она), стыдливо усмехнувшись, достала из топика уютно поместившийся там пенис, отдала Ивану:

– Возьмите... отнять хотели! Андрюха, а ты чего ему показал?

– Студенческий, – тот растерянно блеснул очками. – У меня фамилия, как у мэра. Наверно, подумал, что я – сын.

– Вот и здорово! – Иван тоже улыбнулся. – Ребята, а давайте ещё молочка хватанем? За вредность этих двух представителей закона, ага? У нас тут и корова недалеко. Как рояль в кустах.

– Это дело!

– Я только сейчас наше хозяйство соберу. На сегодня, кажется, достаточно!

Он ловко сложил свои инструменты в сумку.

* * *

Для милиционеров это был явно очень трудный день. Выпив по жестянобокой баночке ломящей зубы американской шипучки, оба утерли лбы, как после тяжелой работы, и снова пошли по скверу. На этот раз уже в сторону памятника, где суетились странные люди в оранжевых жилетах. Приближение милиции не осталось незамеченным: Шкипер, находившийся внизу, тихо свистнул Медному.

Медный как раз фотографировал визжащую девчонку – веселую толстушку, счастливо болтающую сытыми ножками. Ещё бы – она вознеслась над площадью, как птица. Внизу серел мрамор монумента и лаковые крыши машин.

– Секундочку... Улыбочка! – скомандовал Медный.

Подруга девушки, молоденькая, но своим обликом, нахмуренными бровями и глухим платьем без выреза походившая на помолодевшую Шапокляк, не пожелав расстаться с босоножками, переминалась внизу с ноги на ногу и скептически слушала визг сверху:

– Ой, Танька! Ой, как здорово! Давай, после меня...

– Ваши документы! – настиг Шкипера суровый голос власти. – Что мы тут делаем? Кто разрешил?!

– Мы себя под Лениным чистим! – не растерялся Шкипер. – И Ленина тоже... Молодежный субботник. Коммунистический авангард молодежи, вот. Товарищ Медный, воду подавать?

– Давай! – откликнулся тот.

Красное пластиковое ведро, роняя капли, поползло по веревкам вверх. А там Медный шепнул толстухе:

– Для того, чтобы было счастье... надо помыть лысинку дедушке. Древняя китайская традиция. Как, есть желание?

– Канешна!

Внизу милиционеры еще соображали, как классифицировать очередное происшествие, на вид – совершенное хулиганство. А ведро уже было вверху, у головы вождя мирового пролетариата, и подруга полненькой, Танюха, задрала голову, наблюдая за тем, что делает там ее подопечная. А та взялась одной рукой за тряпку, другой за ведро...

– Ой!

Двенадцать литров чистой воды низверглось сверху – водопадом. Прямо на не успевшую отскочить Таньку. И чуть было не попало на представителей правопорядка.

– Вот видите... – укоризненно заметил Шкипер, едва сдерживая смех, – сколько воды пропало! А мы ее, между прочим, экологически чистую, из колодца в Шушенском сюда привезли.

Танька стояла мокрая, как мышь. Серое платье тотчас облепило ее невысокую, но очень ладную и выпуклую фигуру. Отфыркиваясь, Татьяна заголосила:

– Натаха, дура ты, блин! Ты что сделала?! Как я теперь пойду?.. Тьфу, босоножки скользят!!!

Милиционеры топтались на месте. Вроде бы и хулиганство, а вроде и...

– Заявление подавать будете, гражданка? – с надеждой спросил мокрую молоденький.

– Тьфу! Какое заявление?! Ай, отстаньте, честное слово! Натаха! Спускайся!..

Слуги закона, потоптавшись и хмыкнув, отошли. На их поясах сороками трещали рации.

Натаха, дрыгая ногами, опускалась с небес на землю. Ее подруга, чертыхаясь, расстегнула ремешки босоножек, в которых подошвы стоп действительно скользили, как по льду, и стала босыми ногами в огромную лужу. С ее черных прямых волос стекали капли.

Легко спустился и Медный. Бросил Шкиперу:

– Ну все, пора кончать... Похоже, мы отлично посиморонили. Девчонки, а молочка? Чтоб не простудиться?

– Теперь только молочка... от бешеной коровки! – с досадой пробурчала Татьяна, выжимая край платья. – Ну, Натаха, я тебя убью! Когда-нибудь...

– Вот поэтому и молочко нужно, – заметил Медный, – для куража... Шкипер, давай собирать железо.

Ребята собрались быстро – пока подруги мирились. Помирились они своеобразно: Натаха, разбитная и зеленоглазая, заметив второе, неиспользованное ведро воды (которое так и стояло на солнце все эти часы – наготове), подскочила к нему:

– Танька, ну не гунди... А хочешь, вот так?

И одним махом вылила на себя это ведро. Кто-то из прохожих одобрительно присвистнул. На Натахе был желтый сарафан с рюшками, и сейчас она тоже превратилась в скульптуру богини плодородия. Более того, мокрая ткань стала почти прозрачной, и под платьем, под легким лифчиком затемнели крупные соски мощных, выпуклых груди. Мокрая Танька, посмотрев на это, прыснула:

– Ну, блин! Теперь мы с тобой, как две дуры, пойдем... с мытыми шеями... А где ваша коровка, ребята? Там хоть обсохнуть можно?

– Можно, можно...

Медный видел – акция удалась. С боковой аллеи вышла Лис, пряча в пакет искусственное животное. Доложила: она познакомилась с двумя прикольными цыганками, молодой и старой,

отлично говорящими по-русски, но странными какими-то, азартными, как студентки. Сейчас они подойдут к месту расположения «коровы».

– А вообще, – добавила Лис, – все здорово! Как у Стругацких: никто не ушел обиженным!

Медный кивнул. Он смотрел вперед: видел, как пританцовывает на асфальте центральной аллеи их «корова», как вопят около нее счастливые ребятишки, а на траве белеет трехлитровая банка молока, около которой стояли незнакомые девчонка и парень. Девчонка – задорная, худая, с длинными каштановыми волосами, в продранных, закатанных на тонкие щиколотки джинсах, а парень – толстяк в очках. Медный видел, как спешит к ним по боковой аллее Олеся в ярком своем, с подсолнухами, платье, а с другой аллеи подходит Иван, и напротив, между скамейками, идут две настоящие цыганки – в роскошных необъятных юбках, со сверкающими в волосах монетами: молодая – в платке на осиной талии, а старшая – в красной косынке на седоватых волосах.

Аллеи сходились тут Андреевским крестом, и сейчас со всех четырех сторон к центру приближались силы, взаимоисключающие друг друга, сходились Материя и Антиматерия, и это грозило страшными последствиями. Но Медный этого не знал.

И не смог бы узнать, потому что на арене внезапно появился новый игрок.

Со стороны ступеней Оперного театра, сердито сигнала, распугивая карапузов (мамы едва успевали выхватывать тех из-под колес, ругаясь), приближался черный «мерседес». Посторонний бы признал в нем овеванный анекдотами и легендами «шестисотый». Но на самом деле это было барахло модели S380 – с тем же одутловатым корпусом, но без шильдика на правой стойке кузова и без надписи V12, дающей его владельцу право считать себя обладателем настоящего S600. Двое молодых вахлаков, сидевших внутри, денег не собрали ни на что большее, но пафоса у них было столько же, сколько и наглости. И вот, ленись выезжать от подъезда театра на забитую машинами боковую улицу Орджоникидзе, где образовалась пробка, они нагло катили по пешеходной аллее, намереваясь вывернуть из парка у самого провала станции метро.

Они гуднули Юле и Андрею. Те опасливо убрались на газон. И тут взгляд Юльки, радостный, светящийся наслаждением, – она напилась холодного молока, а сейчас баловалась ванильным мороженым – внезапно напоролся на чей-то другой взгляд. Кинжально-ненавидящий, разящий Злом. Резкая боль пронзила весь организм девушки, как если бы торчащий из старой доски гвоздь разорвал кожу ступни и, раздвигая сухожилия, вошел в упругую плоть мышечной ткани, выпуская теплую кровь... Юлька пискнула, выпустила мороженое из слабеющих рук и рухнула на траву.

– Юлька-а!

Крик Андрея был заглушен недовольным гудком. Но «мерседес» вынужден был остановиться: на его пути танцевала корова.

И в этот момент все смешалось, закрутилось с какой-то невероятной быстротой. И то, что происходило в центре площадки, словно заморозило всех приближающихся к ней. Застыл Медный, идущий с Лис, Шкипером и двумя своими новыми знакомыми, остановился в необъяснимой растерянности и замер Иван, оглядываясь, ища глазами своих. И цыганки остановились.

До Мириклы тоже дошло это смрадное дыхание Зла, большого и неостановимого. Цыганка поняла, что они оказались меж двух огней. Впереди было Зло и сзади – тоже оно, только поменьше, пожиже: два милиционера в серой форме, от которых, как по опыту знала Мирикла, ничего хорошего ожидать не приходится, особенно в центре города.

Цыганка тронула за плечо Патрину, у которой еще сверкали глазенки: та только что познакомилась с такими чудесными людьми – веселыми, дурачащимися вволю, – которые пригласили ее и Мириклу к «корове». После бесконечного их кочевья по раскаленному городу,

после этих последних ночей в приюте Святой Терезы, гостеприимном, но мрачноватом и унылом, как все подобные заведения, эта встреча была глотком счастья.

Мирикла требовательно сжала худое плечо:

– Патри... нам снова надо сделать ЭТО. Танцуй!

Девочка посмотрела на нее с досадой и кротко кивнула.

А там, на аллее, водитель «мерса» высунулся из окна.

– Э, мля! Уроды ряженные! – заорал он лениво. – Пошли нах отсюдова! С дороги, мля!

Епт, че, не поняли?!

Он с остервенением вдавил кнопку сигнала.

Звук этот, равно как и его обидные слова, достиг ушей тех, кто приводил в движение «корову». Им было плохо видно. Девушки уже успели поменяться местами, и теперь согнувшаяся Людочка была впереди. Она попыталась посмотреть, что происходит, но сквозь прорези трудно было что-либо разглядеть, и поэтому девушка чуть откинула коровью голову из папье-маше и выпростала лицо наружу.

Это произвело впечатление на водителя машины. Он еще громче завопил:

– О, мля! Чувырла лохматая! Коровень... Иди нах, я кому говорю!

Еще месяц назад Людочка бы, возможно, потупилась и, глотая слезы, отошла в сторону. Но сейчас в ее нервных, бьющихся под коленкой жилочках текла кровь Принцессы Укок! И эта королевская кровь моментально вскипела.

– Ах ты... КОЗЕЛ! – выкрикнула она неожиданно для себя. – Да мы тебя сейчас... забодаем!

Рядом, на траве, Андрей склонился над побледневшей Юлькой и, стиснув зубы, делал единственно возможное – массировал ей виски по особой системе, стимулируя кровообращение мозга, чтобы снять энергетическое поражение, настигшее девушку неизвестно откуда. Он уже знал, что это не обморок, не тепловой удар... На суету с «мерсом» он не обращал внимания.

Но водителю машины, нагло поправшему все правила движения, слова Людочки очень не понравились.

– Что-о? – заревел он. – Да я тя щас, коза драная, дура ты гребаная!

Он выскочил из машины. Это был молодой вахлак, раскормленный, в дорогих джинсах и кожаной куртке – они все носят кожаные куртки, даже в жару.

Но он не рассчитал.

Голова с рогами из папье-маше опустилась, как забрало. Черные коровьи ноги выбили искры из асфальта.

И «корова», взревев, понеслась на парня. Навыков матадора у него явно не было. Он не успел ни уклониться, ни выставить руки – корова с размаху ударила в его мягкий белый живот. А так как под тканью была все-таки крепкая отчаянная голова, удар получился смачным. Грубиян, всхлипнув, улетел на газон. А Людочка попятилась и сделала новый бросок. Ирка, поставленная сзади и лишенная возможности наблюдать за происходящим, могла только, ругаясь, следовать за передней частью «коровы». А эта передняя часть легко вспрыгнула на горячий капот и оттуда – на крышу машины. Там она принялась отбивать чечетку черными пятками, вопя:

– А ты не езд, где не надо! А ты не езд, где попало! Дурак! Вот!

Народ, наблюдавший эту сцену, радостно заулюлюкал – владельцы черных «мерседесов» никогда не пользовались любовью общественности.

Медный, остановившийся было, увидел – там что-то происходит. Он бросился вперед, крикнув Лис:

– Куда Олеська делась? Корова взбесилась, видала?!

Для милиционеров, шагающих по аллее, неожиданная заваруха в центре сквера была и того неожиданней. Они уже настроились хорошенько потрясти цыганок, замеченных ими метрах в пятидесяти, как тут послышались крики, а эти две чертовы куклы вдруг стали танцевать, как в индийском фильме. Их коричневые ступни чертили асфальт кругами.

– Черт! Че с ними?! Иваныч?! – ошарашенно выдавил младший.

Напарник тоже выпучил глаза:

– Беспредел какой-то... Пойдем!

Они двинулись к цыганкам, на ходу доставая дубинки – на всякий случай. Над сквером желтело, расталкивая редкие облачка, солнце. Листва деревьев сверкала в его лучах, зЭлиная до нестерпимости, и слепила глаза. То ли от этих бликов, скачущих везде, даже по тротуару, то ли от жары, глаза заслезились; Иваныч, шедший впереди, приложил ладони лицу и зарычал:

– Вот гады! Туда побежали...

– Куда? – не понял напарник. – Ни хера не вижу...

Топая ботинками, милиционеры помчались по аллее, мимо скамеек с влюбленными. Но – странное дело – по мере того, как они приближались к танцующей паре, к вертящимся платьям, очертания цыганок все более расплывались. Будто плавали в раскаленном костром воздухе. И вот стражи порядка уже подбежали к тому месту, где еще кружился желтый листок, задетый ногой Патрины...

– Куда же они побежали, чертовки? Ох, надо было у них сразу документы проверить...

Если две молодые девушки, весом по семьдесят килограммов каждая, взберутся на крышу изделия штутгартского концерна, то ни машине, ни концерну ничего не будет. И даже если эти девушки начнут прыгать по крыше, как молодые козы, долбя ее пятками, то концерну по-прежнему ничего не будет. А вот крыше...

Металл начал скрипеть и, гулко ухая, прогибаться.

– Лелик! – заорал с травы водитель. – Мочи их! Они же тачку уродуют!

Тем временем Людочка и Ирка, притопывая, уже пели звонкими голосами известную песенку, несколько переиначив ее на свой лад:

А нам все равно, а нам все равно,
Пусть коровы мы, симороно-вы!
Дело есть у нас – в этот жуткий час
Мы волшебную косим трын-траву!

Лелик, верзила в темных очках-каплях, испуганно выскочил из салона, крыша которого грозила рухнуть ему на голову. И выхватил из-за ремня джинсов газовый пистолет, очень похожий на «ПМ» – самый модный газовик года.

Однако ни Ирка, ни Людочка не могли видеть такого угрожающего маневра. Это им и помогло.

Голая пятка Ирки, закаленная бетоном тысяч вымытых подъездов и чуточку шершавая, совершенно произвольно со звоном въехала в правый глаз размахивающего оружием Лелика. Очки захрустели, брызнули темными скорлупками, а сам верзила, завопив голосом козленка, схватился за глаз и закрутился на месте.

В этот момент сквозь небольшую и уже начавшую аплодировать группу зевак протолкнулись Медный, Шкипер, Иван и Лис. Услышав знакомые голоса, участницы дуэта «Коровы» прыгнули с изрядно попорченной крыши автомобиля и, еще не представляя себе ситуацию, начали выпутываться из помятых рогожей. Коровья голова, раздавленная о живот водителя «мерса», жалко болталась.

Выпутавшись первой, Людочка с ужасом увидела, что стоит в окружении двух десятков хохочущих людей разного возраста, показывающих ей большие пальцы, – мол, молодец! И что самое страшное – стоит она топлесс, как была, дерзко открыв свою плоскую грудь всем взорам. Впрочем, и Ирка была не лучше. Она стояла, оторопевши, и только хлопала глазами – так обнажаться ей еще не приходилось.

– Ой! – взвизгнула Принцесса и лихорадочно прикрылась обеими руками.

Толпа радостно заржала, причем, совсем не злобно, а одобрительно. Лис в этот момент набросила на Людочку что-то из реквизита: кажется, штору.

А поднявшийся с травы водитель пошел было на Ирку, но остановился, ошеломленный видом ее обнаженных прелестей.

– Вы, мля, че, совсем, а? – хрипло выдавил он.

Быстро подоспевшая Су Ян без лишних слов кинула Ирке ее синее платье. Та прижала его к себе, и «лабораторщики» начали быстро отступать в кусты, сохраняя боевой порядок и пряча девушек. Народ хлопал; раздавались голоса: «А еще?» В этот момент из-за машины выскочил Лелик. Из щеки текла кровь – из-за глубокой, но явно не смертельной царапины от разбитых очков. Теперь было видно, что глаза у Лелика дурные, совершенно обкуренные. В руках он по-прежнему держал газовый пистолет и орал:

– Мля, замочу! Стоять! Стоять, я говорю!!!

И тотчас перед ним выросли двое в сером.

Они свое дело знали. Старший, рыжеусый, тренированным жестом выбил из рук дебошира пистолет и тотчас уложил того мордой на горяченный капот «мерса». Младший ловко поставил задержанного в позу «Х», у салона водителя, и обыскал его.

– Вы че, волки позорные! – всхлипывая, выл тот. – Они ж нам тачку уделали... Вы че, волки!

– Я тебе сейчас покажу, «волки»! – проворчал рыжеусый, тихонько двинув скулящему по почкам. – В отделении разберемся. Наркотики есть? Коля, осмотри машину...

Милиционеры были счастливы. Энергия, бурлившая в них с самого утра, наконец нашла выход. Зеваки, тускнея лицами, стали расходиться: ясно было, что и ствол незарегистрированный, и наркотики найдут. В такой машине да ничего не найти?

Продавленная крыша «мерса» тоскливо калилась на открытом солнце.

Молоденький страж порядка вызывал по рации автопатруль.

* * *

А ребята шли по аллее к метро. Ирка судорожно смеялась, расправляя на себе натянутое наспех платье. Людочка же с помощью Лис обмоталась шторой так, что казалось, будто на ней сари. Кремовая с золотом ткань выглядела отличным нарядом. Через двадцать шагов их нагнала запыхавшаяся Олеся. Торопливо шаркая пятками по асфальту, она призналась:

– Блин, я страху натерпелась! Бегу, а навстречу – менты... А у меня же прописки до сих пор нет! Пришлось в кусты прятаться. Ну что, все целы?

– Да, – ответил ей Шкипер. – Ты много пропустила... Выговор.

– Слушайте, – вдруг проговорила Ирка. – А где эти ребята, двое? Толстый парень и девчонка?

– Какие?

– Ну... которые пришли, когда ты, Олеся, за молоком побежала. С ней там, с девчонкой, плохо, кажется, было.

– Я там никого уже не видел, – рассеянно успокоил Медный. – Видимо, просто перегрелась. Ушли они.

А его тормошила Ирка, еще не оправившаяся от пережитого:

– Андрей, ну как мы их, а? По заслугам ведь получили, да?! Прут по тротуару, детей пугают...

– Ну да.

– Нет, как мы их?! – возопила Ирка еще раз, оглянувшись на новых друзей и выкрикнула недавно узнанное: «БиЗ – НЕ СИМОРОН!»

– БИЗНЕСИМОРОН!!! – хором заревели остальные.

Прохожие шарахнулись в стороны от идущей группы.

Медный улыбался, поддерживая общее настроение, а сам все время думал: не показалось ли ему?! Эта Юля, худенькая, в джинсах, с фенечками на хрупких запястьях и тонких шиколотках ног, с каким-то очень несчастным лицом... Из-за лица-то их и пригласили... Так вот она почему-то казалась ему той самой девушкой, о которой рассказывал загадочный цыган. Но этого не может быть! Чтобы вот так случайно встретиться... Медный отогнал от себя эти мысли. Шкипер рассказывал ему, что две мокрые девчонки успели оставить ему телефоны, и их обязательно надо пригласить на семинары. Вон как Натаха на себя воду вылила, не испугавшись ни капельки за свои волосы!

Медный кивал. Девушка с фенечками не выходила из головы. А еще и то, что в решающий момент осталась без присмотра их «корова», и то, что куда-то исчезли эти цыганки.

В общем, все прошло хорошо, но какой-то осадок оставался. С этим ощущением он и вошел в прохладный сумрак метрополитена.

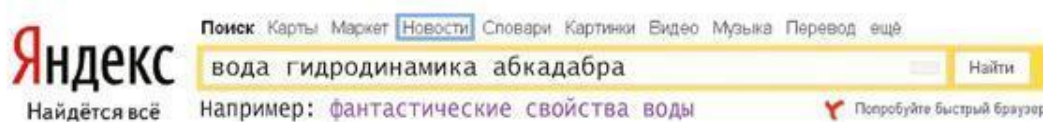
...А в километре от них по скрипучей лестнице старого деревянного дома, построенного еще в тысяча девятьсот третьем году купцом Штейнером, устало поднялись две женщины. Цыганки. Старшая сняла с головы платок – сверкнули на висках монисто.

– Мири, – услышала она, – почему мы все время бежим? От кого сейчас мы бежали?!

Мирикла обернулась. Патрина стояла на нижней ступеньке, требовательно и обиженно смотря на нее. Вокруг безмолвно зеленели старые липы. Цыганка поправила локон на потном лбу девочки.

– Сегодня, Патри, – проговорила она, – нас снова нашли те люди, которые сожгли наш дом и убили Исидора... Я боюсь, что они придут и сюда. В приют.

Новости

«...Интерпол так до сих пор и не дал убедительного комментария по поводу внезапной смерти Ричарда Дилли, одного из известных специалистов в области гидродинамики. Трагедия произошла во время его восточноевропейского турне с лекциями об информационных свойствах воды. Без пяти минут Нобелевский лауреат, как предполагали многие, Дилли еще несколько месяцев назад заявил в интервью американскому журналу „Нейчур“, что им, наконец, найден способ устойчивой передачи различных данных без помощи радиоволн или какого-либо кабеля. Дилли утверждал, что основой новой энергоинформационной системы будет служить простая вода, взятая из мирового океана и впадающих в него рек и ручьев. С помощью простейших

передатчиков, погруженных в воду в Буэнос-Айресе, можно будет передавать в Лос-Анджелес информацию со скоростью не менее 300 Гб в секунду, что многократно превосходит возможности любой известной ныне техники... Во время турне по Восточной Европе, находясь в университете Бухареста, Дилли дал последнее интервью представителям информационной службы новой глобальной поисковой системы abracadabra.go, после чего через 18 часов покончил жизнь самоубийством в поезде Бухарест – Варшава, приняв смертельную дозу цианистого калия и не оставив никакой предсмертной записки. Самым загадочным в этой истории является то, что представители Интерпола, который немедленно заинтересовался смертью известного физика, и представители ЦРУ, курировавшего работы Дилли, так до сих пор и не смогли найти его научного архива с данными исследований – он исчез не позже, чем обнаружили смерть Дилли...»

Боб Фишер. «Научные войны»

Los Angeles Times, Лос-Анджелес, США

Тексты

Майя и Алексей

После того случая Майя заболела. Это была не обычная простуда, просто какой-то холод в одночасье объял ее, окружил ребристым, давящим коконом. Она впервые попросила Алексея свозить ее в обувной магазин и выбрала себе закрытые черные туфли на низком каблуке. Алексей поразился, зная, как она обожает шлепать босой по летним улицам и ненавидит малейшую несвободу своих аккуратных ступней, но ничего не сказал. Майя часами сидела на кровати, закутавшись в плед и задраив форточки, хотя на улице плавился асфальт, и часто забывалась, смотря в одну точку. Алексею приходилось тормошить ее, делать массаж каждый час.

Он уже не обижался на нее за пощечину. Глупо было обижаться. Рыдая, она дома рассказала ему все. Рассказ был страшен и дик.

– ...понимаешь, Алеша, – говорила она всхлипывая, – я не знаю, как это было! Не знаю! Только не обижайся... и не перебивай меня, пожалуйста, я тебя прошу! Я вот помню, как подлезла к этому окну. С зелеными шторами.

– Ну.

– Не перебивай, милый мой, родненький, ну, пожалуйста! Так вот, я подлезла... а потом мне вроде как стало жарко... пить захотелось. Ты меня поднял вверх. И там... и там... – ее плечи, накрытые пледом, затряслись, и она еще плотнее закуталась, – снял с меня купальник и на глазах у... у всех ребят... меня изнасиловал! Понимаешь, изнасиловал! И туда, и... туда!!! Как мог, везде. А я ничего не могла сделать. Мне больно было, Леша! Но вроде и нравилось, я сама все к тебе... себя подставляла... Кошмар! А они смотрели и смеялись. Как в порнотеатре...

Она зарыдала. Наплакавшись, выпила принесенный им стакан отвара шиповника, стуча зубками о край чашки, немного успокоилась.

– Я понимаю, все это совершенно не так... то есть вообще не было этого. Я себя осмотрела, конечно, я все понимаю. Да и не могло быть сейчас у нас этого, ты знаешь! Но... но я же помню! Лешка, откуда все ЭТО?! Ты же мне рассказал, как на самом деле было! А я помню только эту сцену и то, как ты меня по лестнице несешь. Вот я и... я и... не выдержала!

– Успокойся, Маюша. Не было ничего. Точно.

– Тогда откуда это?!

– Ты... ты только не волнуйся. Могу тебе сказать, что я предполагаю. Не испугаешься?

– Нет! После этого... мне уже все поровну, честно.

– Помнишь, – задумчиво протянул он, перебирая ворсистый край пледа тонкими, как у музыканта, пальцами, – мы смотрели фильм «Ребенок Розмари»?

– Да... и что? Ты хочешь сказать, меня... О, Господи!

– Да, Маюшка... Тебя изнасиловали. Только не я. И не... физически. Это астральное изнасилование. Это сделало то... вернее, сделал тот, кого обычно называют чертом. Сатаной.

– Как...

– А вот так. Энергетически. На астральном уровне. Для него это пара пустяков. Поэтому ты все помнишь, как наяву. Как будто это было. Поэтому тебе и... нравилось, и ты ничего не могла сделать. Такие вот дела.

Она помолчала. Допила отвар, уже не лязгая зубами. Чуть распахнула плед, положила рукой его горячую ладонь на свои голые ступни, попросила:

– Погрей... мне теперь почему-то все время холодно. Ладно. Я понимаю... наверно, все пройдет когда-нибудь... Значит, там сатанисты жили? Помнишь, мы смотрели в окно большой

комнаты? Я ведь этого еще не забыла. Этот пятиугольник, нарисованный мелом на полу. Они его вызывали.

Алексей покачал головой. Снял очки. Он не был близорук – легкая коррекция. Серые добрые глаза, оставшиеся без линз, смотрели всегда чуть грустно и совсем не блестяще.

– Видишь ли... Майка, Сатана обычно не приходит к тем, кто его зовет. Неинтересны они ему. А ищет он тех, кто никогда не будет его звать. Такой вот парадокс! Вообще, это все мифы, традиционная картинка: пентаграмма, свечи. Нет. Я думаю, тут занимались передачей энергии. Направленным ударом.

– А свечи зачем?

– Канал связи. Принято считать, что только с Богом, так как свечки ставят в церквях... Но на самом деле это канал связи с иным, потусторонним миром. Плюс огонь... Помнишь, я говорил о том, что огонь живет смертью Земли? Это отсекает от Земли энергетику сильного источника, которая потом может передаваться на расстоянии, усиливаться. Если свечи расставлены в углах пентаграммы, то они становятся сильными передатчиками.

– А почему именно пентаграмма? Почему пятиугольник?!

– Да ерунда это все. На самом деле передавать энергетику можно и в гексаграмме – шестиугольнике, и в энеаграмме – семиугольнике. Все зависит от силы источника, то есть от человека, использующего этот магический контур для передачи энергии. У кого-то элементарно пороку не хватит на энеаграмму! Она его сожжет, сама.

– А этот... был сильный?

– Эта! – поправил Алексей. – Как ни странно, пентаграмму используют чаще всего женщины, причем женщины с сильным андрогинным началом дьяволицы. Это еще Леви в «Ритуалах трансцендентальной магии» описал. Пятерка – число секса, обладающее насильственно-подавляющими свойствами. Женщине проще исторгнуть из себя энергетику именно с этим катализатором. Благовония, которые мы видели, палочки – это все «к слову», так сказать. Треножник... Там наверняка жгли ритуальное вещество. Может быть, серу – тогда речь идет просто об энергетическом ударе; может, экскременты – тогда это удар, направленный на отравление организма; может, фигурка человека, изготовленная по ритуалу. В общем, вариантов куча.

– А зачем... – Мая отвернулась и слегка покраснела, – этот... фаллоимитатор.

Стараясь взбодрить ее, Алексей рассмеялся.

– Ну... как тебе сказать?

– Как есть, так и скажи. Не надо только меня оберегать!

– Ну, если источник – женщина, она, конечно, обнажена и прислуживает ей вторая... обнаженная. Поэтому они использовали этот фаллоимитатор для совокупления источника с Сатаной. Помогали, так сказать. Сила женского оргазма на самом деле чудовищна, и она образует тот сгусток энергии, который вылетает из пентаграммы и передается по определенному «адресу». А направление формирует нечто, сожженное в треножнике. Вот и все.

– Да-а... абзац полный! – прошептала Мая. – И что же нам теперь делать?

Алексей помолчал. Еще раз ласково погладил оливковую кожу ее ног.

– Парить ножки твои милые... лечиться от простуды, натурально! И витамины пить. И все. Парить с боярышником, в тазу... Да, кстати, вот таз меня смутил.

– Чем?

– Не могу понять, ЗАЧЕМ он. Вещица антикварная, сейчас таких нет, все давно на цветмет снесли. Для передачи энергетики ни в одном мистическом ритуале таз не фигурирует. Тем более – медный. Медь – это Венера, в соответствии с представлениями алхимиков. Но Венера слабо связана с оккультным миром. Источник использовал Луну – это «фирменный» знак Тьмы. У меня единственное объяснение.

– Какое?

Алексей надел очки. Улыбнулся. Видимо, ничего страшного он не готовился сообщить.

– Знаешь, как писал свои знаменитые катрены Мишель де Нотр-Дам? Нострадамус? Он опускал ноги в медный таз с холодной родниковой водой, в которой растворял щепотку серебра. Вода на самом деле – уникальный проводник энергии. Она ведь присутствует везде – и в теле человека, и в самом сухом воздухе. Влага есть во всем, пусть это и доли процента. Представь, что на одном конце земного шара некто нагружает эти капельки, эти молекулы воды информацией, и они тут же взаимодействуют с воздухом, а потом с мировым океаном, а потом – с рекой, а потом – с адресатом. Представляешь? Уникальный способ беспроводной, безволновой передачи информации на огромнейшие расстояния. Венера, то есть медь, усиливает этот эффект, серебро – тоже. Мертвая вода охраняет информацию от тех, кому ее знать не положено. Ты в курсе, что немецкая оккультная организации «Аннэнербе» еще в сорок втором проводила опыты по шифрованию сообщений для подводных лодок адмирала Деница в Балтийском море? У немцев было довольно много экстрасенсов, в том числе и некая японка по имени Накиро Кухаро. Для нее изготовили нечто вроде «валенок», из чистой меди. Она надевала их на ноги, садилась на берегу фиорда, опускала ноги в воду. Ей давали бумажку с текстом, а она передавала его воде. В Атлантике лодки должны были принять ее сигнал. Так вот, из семи лодок, участвовавших в эксперименте, – там тоже были экстрасенсы из штата «Аннэнербе» – три получили почти полностью расшифрованный текст!

– А потом что?

– Не знаю. Архивы этой организации загребли американцы и до сих пор не рассекретили. Но эта, Кухаро, вскоре умерла. Банально – простудилась и каюк. В общем, передача информации через воду – очень древний способ. Но это также и средство перехвата сообщений. Если двое в разных концах земного шара сидят с ногами в медных тазах, то третьему, опустившему ноги в такой же таз на середине цепочки, можно, в принципе, при желании перехватить передаваемую информацию...

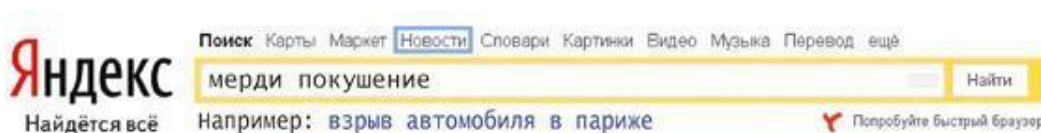
– Ой. А можно мне будет попробовать? Купим в антикварном старый таз...

– Не раньше, чем твои ножки станут снова горячими! – попытожил Алексей, поднимаясь. – А то заболеешь, как Накиро Кухаро. Что тебе на обед приготовить, Маюша?

Когда он уже вышел в коридор, там, на полочке под священным кактусом, требовательно задребезжал телефон. Майя замерла. Она услышала, как Алексей удивленно проговорил, обращаясь к невидимому собеседнику:

– Ага, любопытно... Чем же это мы заинтересовали прокуратуру?!

Новости

«...из Американского госпиталя в Париже выписана философ, доктор теологии, известная Марика Мерди, ставшая не так давно жертвой покушения, совершенного неизвестной организацией ультралевого или ультраправого толка... Женщина перенесла около десятка операций и до сих пор лишена возможности двигаться самостоятельно. Доктор Оноре Ребеф, лечащий врач г-жи Мерди, заявил: единственное, что удалось сделать хирургам, – это вернуть

надежду г-же Мерди на то, что она когда-нибудь снова заговорит. Журналисты, комментирующие эту новость, уже гадают: какое злое предсказание сделает этот скандальный лектор, прозванный „кассандрой из Отей“, когда получит возможность снова взойти или въехать в инвалидном кресле на кафедру?»

Денис Штоклофф. «Мир без нас»

Der Standart, Вена, Австрия

Точка сборки-4

Новосибирск. Улица Лескова, 44

Майя, Алексей, Пилатик и другие

Пилатик уже чисто физически ощущал, как собралась и уплотнилась вокруг него атмосфера. Все краски и звуки стали гуще. Изменился даже цвет плеч Марины, оттененных белизной ночной рубашки, когда она, встав утром, заваривала ему кофе. С недавних пор жена начала провожать Пилатика на работу, странно и грустно рассматривая его своими большими, влажными черными маслинами глаз. Она что-то предчувствовала, но не говорила. Видно, и сама понять не могла.

Стал более густым шум автомобилей в окне, выходящем на Красный проспект, стали душными запахи дыма из курилки на втором этаже, у балкончика-эркера... И информация вокруг него стала вязкой – цепляла, заставляла прислушиваться к каждому звуку, оброненному слову.

Он ощущал – что-то надвигается. Как тогда, перед Башней.

...Пилатик не курил, но, проходя мимо площадки на узкой лестнице, всегда останавливался – покалякать с дежурными следователями, у которых обычно можно узнать все перипетии прошедших суток. Областная прокуратура по пустякам не работала. В этот раз у окна, расшитого еще прежней столетней рамой на восемь стеклянных квадратов, стоял долговязый Свирко – дежурный следователь с вислыми запорожскими усами.

– Ну, чего, отпустил ты этого типа? – поинтересовался он, кивнув на окно.

Там сидел в бежевую «Волгу» молодой человек с лисьими глазами, одетый в дорогой полотняный костюм, – адвокат академика Шимерзаева.

– Да, – нехотя отозвался Пилатик, стараясь не дышать носом: Свирко отличался застарелой любовью к «Беломорканалу» с его кисловатым, словно пороховым, запахом дыма. – Академик из больницы выписывается. Грозит нас тут всех передавить... как мышей. В Генпрокуратуру жалобу написал.

– По поводу того психа? Который в СИЗО помер?

– Ну да...

Пилатик зацепился за слово «помер» и подумал про себя, что это не совсем точное определение.

– Да-а-а, – рассеянно протянул Свирко, гася толстый окуроч, – одним психом меньше. А он правда, что ли, рубленую рану головы получил?

– Кто?!

– АкадЭмик. В газетах писали.

– Да ну его! Тот даже топором не успел замахнуться. Убежал Шимерзаев через окно.

– А-а... Тут вон, на Лескова, водителю «Скорой» полноса отрубили. И знаешь, чем? Детской лопаткой, для песочницы. Бригада на вызов к девушке поехала, а там псих какой-то оказался... с лопаткой...

«На Лескова», – увязло в мозгу следователя; он уже занес ногу в дырчатом штиблете на ступеньку лестницы, но внезапно замер:

– На Лескова?

– Ну. Сорок четвертый дом... Это недалеко от Шевченковского жилмассива.

Где же он мог слышать название этой улицы? Пилатик думал недолго: ответ тут же всплыл в памяти. После роковых событий лета прошлого года, когда полковник Заратустров проводил реабилитацию всех участников ТОЙ САМОЙ операции, он и ему с Мариной предложил уютную «трешку» из фондов Спецуправления на улице Лескова, в новом литом доме. Чтобы

сменить место жительства, развеяться... Но Марина напрочь отказалась уезжать из района «Золотой Роши». Заратустров тогда сказал, что поселил там, в Шевченковском, ту девчонку, у которой была ассасинская татуировка, и которая столько пережила – не меньше, чем сам Пилатик. Точно!

– А ну-ка, родной, – Пилатик взял следователя за острый локоть, – пойдём-ка ко мне в кабинет. Покурим!

– Ты же не куришь! – поразился тот.

– Пойдём, пойдём. Попробую... Вдруг понравится!

...Все остальное было уже делом техники. Об инциденте на улице Лескова Пилатику было рассказано во всех подробностях – сначала бедолагой-водителем машины «Скорой помощи», которому в больнице кончик носа пришили, но веру в его мужскую неотразимость поколебали; потом усталой женщиной-врачом, которой тогда очень повезло: она отделалась лишь легкой травмой живота; а затем и бабушками из двора, наблюдавшими весь спектакль с начала альпинистского шоу до самой развязки. Оставалось снять трубку и позвонить молодому человеку по имени Алексей, которого Пилатик знал как жениха веселой девушки Майи-Волшебницы, очаровавшей их всех тогда, на семинаре.

И вот он в квартире номер девяносто семь, в доме сорок четыре по улице Лескова, на грязном линолеуме, усеянном окурками сигарет, битым стеклом и обрывками газет. А под их туфлями и ботинками распластались на полу очертания двоих человек – нарисованные мелом фигуры.

Пилатик был в этой квартире сутками раньше. Почти сразу после разговора со Свирко. Само собой получилось: поднял сводку, а там – труп на Лескова. Вовремя успел Пилатик – застал момент увоза тел, помещенных в черные мешки. В квартире остались только двое криминалистов: опер и два следователя – из городской прокуратуры и из райотдела; второй заполнял бумаги, присев у края большого, загаженного остатками еды и рыбьими костями стола. Следователь из облпрокуратуры, румяный здоровяк Ревзин, уже отписался и теперь просто расхаживал по квартире, грохоча крепкими ботинками.

Пилатику он не мешал, а даже охотно описал всю картину происшествия.

– Хата эта некоего Саватеева Клавдия Палыча... Да вот, такое имечко смешное у него. Пенсионер. Живет на том берегу. Там уже опер из райотдела побывал. По слухам, сначала сдавал ее каким-то девкам верующим, потом, недавно, – молодым студентам. Но, видно, замордовал. Съехали они. А эти сюда вселились дня два назад, если не три... Чуешь, вонь какая?!

– Чую, – согласился Пилатик. – А как попали-то?

– Да они наверняка с ним бухали. Тут как раз два дня назад этот старик в горячку впал, на врачей «Скорой» с лопаткой кидался. В общем, старика в дурку забрали, на Владимирской лежит, а эти сначала смылись, потом вернулись... допивать. Принесли с собой стеклоочиститель, начали с него. Потом нашли какую-то дрянь у деда в кладовке. Ну и того... как обычно – ссора. Она, – следователь кивнул на меловой силуэт, изображавший женщину, судя по небрежно начертанной, похожей на раздавленного таракана, букве «Ж» рядом, – бутылку в «розочку» разбила, и ему по горлу. А он, видать, мужик здоровый был, успел нож схватить и – бац! – прямо ей в сердце. А сам попытался до двери добраться, но уже все. Кровью истек. Вот они и лежали, пока соседка на запах не пожаловалась. Так что все элементарно, Ватсон.

Пилатик не разделял радостного возбуждения следователя. Походил по квартире, косясь на опера. Посмотрел на половичок, лежавший сбоку. Половичок этот, как он успел заметить, находился аккурат под головой неопрятного седого бомжа: момент водворения его трупа в черный пластик Пилатик еще застал. Эраст Георгиевич натянул приготовленные хозяйственные перчатки дурацкого розового цвета, перебрал на столе пузырьки, воняющие стеклоочистителем, заглянул на кухню, в умывальник...

* * *

...Сейчас они стояли уже в более-менее прибранной квартире: распахнутые окна выпустили вонь начавших разлагаться трупов, остатки пищи дворник свалил в огромный мешок и унес. Остались только силуэты на полу, окурки и мусор. Задумчиво шевеля носком своего штиблета прилипший кусок газеты, Пилатик негромко говорил:

– ...Все это, конечно, ерунда. Мужчина-бомж лежал на половичке. Если бы он лежал на нем двое суток, тряпка пропиталась бы кровью и пропустила большое пятно на пол. А там только слегка напачкано. На емкостях из-под стеклоочистителя торговые марки фирменного магазина хозтоваров «Блеск» – это супермаркет на площади Калинина. Ни один бомж не сунется туда покупать это дерьмо, его просто охрана не пустит. Окурки совершенно разнокалиберные: по крайней мере, четыре наименования не совпадают с марками пустых пачек на столе и в мусорном ведре. Я был в морге. Женщина убита ударом ножа под правую грудь, а порез на ее платье – слева. Остатки стекла бутылки из-под портвейна сконцентрированы в правом углу комнаты, у батареи, в том время как ссора началась, скорее всего, у стола.

– То есть? – так же тихо пробормотал стоящий рядом Алексей. Майя, крепко державшая его за руку, молчала.

– То есть, – вздохнул Пилатик, – примерно через три-четыре часа после того, как вы отсюда ушли, а психбригада увезла Саватеева, сюда принесли тела двоих бомжей, убитых где-нибудь на пустыре. Мужчине горло перерезали, женщину – ножом в сердце... Чтобы не пачкаться в крови, их предварительно напоили до беспамятства, раздели, одежду принесли тоже отдельно, в мешках, тут наскоро натянули, разбросали окурки, бутылки, пузырьки. Маленько побили-покрушили все вокруг, портвейном на стены поплескали. Бутылку разбили о батарею – это удобнее, чем об стол. Вот и все. Поэтому столько нестыковок.

– Господи! – в первый раз за всю их встречу прошептала Майя. – Да что же здесь такое произошло... до этого? Что, старик с ума сошел?

Она стояла, упакованная наглухо: в темных демисезонных ботиночках, джинсах и серебристо-черной ветровке.

– Не знаю, молодые люди, не знаю... вам видней. То есть вам было видней. Вы на самом деле осмотрите комнаты! Кухню. Ничего не пропало из того, что вы в окна наблюдали?

Майя передернула плечами:

– Эраст Георгиевич, а можно я внизу подожду, в машине? Мне тут... тяжело.

– Конечно... Алеша, проводи!

Алексей довел девушку до лифта, подождал, пока тот доставит ее вниз. Из окна лестничной площадки он наблюдал, как она села в свою машинку-двухдверку. Только после этого парень вернулся в квартиру, пробежал по ней, вернулся к Пилатику и доложил:

– Эраст Георгиевич! Этого нет... медицинского колпака, белого. Фаллоимитатор тут был. Да, не удивляйтесь. Из секс-шопа. И таза нет на кухне, медного! Это интересно.

– Более чем. Наблюдательный молодой человек! – произнес кто-то над его ухом скрипучим голосом, выдающим в его обладателе старика.

Алексей повернул голову. В комнате совершенно неожиданным образом возник еще один человек: невысокого роста, волосы коротким ежиком, с сединой. Лицо доброе, крестьянское и какое-то абсолютно не запоминающееся, с носом-картошкой и голубоватыми глазами. Одет он был, несмотря на теплынь, в офицерский коричневый пыльник, под которым виднелась обычная рубашка хаки с серой селедкой галстука. Руки этот тип держал в карманах пыльника.

Голубоватые глазенки бесцеремонно ощупывали Алексея, как ощупывают на рынке понравившийся кусок свинины.

– А это... – поспешил представить его ничуть не удивившийся Пилатик, – Это...

– Иванов, – опередил его человек в пыльнике. – Иван Петрович. Служба пожарной охраны.

Он произнес это таким тоном, будто бы на самом деле говорил: чушь собачья, не верьте ни единому слову. И даже руку не протянул.

– Ему можно все рассказать. Он в курсе, – доверительно заметил Пилатик.

А человек сверлил Алексея глазами.

– Нуте-с, что вы еще заметили, кроме таза, молодой человек?

Косясь на Пилатика, Алексей рассказал. «Иванов» слушал, флегматично поковыривая какие-то лоскуты на полу своим ботинком – обыкновенным офицерским штиблетом из «Военторга». Один раз он четко и быстро, как бритвой полоснув, спросил:

– Пачка сигарет... МАРКА?!

Алексей назвал. Потом еще описал ощущения Майи. Пилатик вздыхал, «Иванов» хмурился. Под конец рассказа Алексей спохватился.

– А, вот еще. Я, когда ванную комнату начал осматривать – таз искал, – под ванной вот что нашел...

И он подал «Иванову» вышитый платочек. Обыкновенный девичий носовой платок, по краям обметанный красненькой ниткой, с вышитыми по углам цифрами: 6-31-36-1. Человек в пыльнике повертел платок в руках, приложил его к носу и хмыкнул:

– Ну что ж, неплохо для начала. Вас как зовут, молодой человек?

– Алексей...

– Хороший класс показываете, Алеша. Телесными практиками не занимались?

– Я... в ашраме жил. Давно, – слегка покраснел тот.

– Молодца-а! Далеко пойдете! А платочек себе оставьте. На память. Эраст Георгиевич, ну, я пойду? В принципе, с точки зрения Госпожнадзора меня тут уже мало что интересует.

Человек в пыльнике исчез, оставив в памяти Алексея даже не свои бледно-голубоватые стариковские глаза и не очертания лица, а только разбегающуюся сеть мельчайших морщинок.

Они с Пилатиком вышли. Тот возился, запирая дверь, а Алексей полетел вниз, прыгая через ступеньки, торопясь к Майе.

Девушка сидела в машине, положив голову на руль. Алексей первым делом погладил ее по нагревшемуся плечу:

– Майка! Ты как?

– Средне... Слушай, я тут нашла...

– Бомбу? Это прекрасно!

– Ну тебя... пойдем, покажу.

Они вышли из машины. Майя потащила молодого человека за дом. Таким путем они отступали, когда началась вся эта катавасия. Дорога тут была усыпана битым кирпичом. И вот в одной из ям среди строительного безобразия Алексей увидел несгоревшую пачку газет. Дождь ли, сырость помешали огню ее уничтожить, только лишь перегорел шпагатик, связывающий газеты, и сейчас легкий ветерок играл обугленными краями бумаг, рекламных буклетов и приглашений на презентации. Вверху белела бумажка с гербом СССР и обрывком текста: «...аемый Клавдий Павлович!...лашаем на торжество, посвященное годовщине со дня рождения тов. Маркса Карла...положника марксизма-ленинизма». Алексей сопоставил написанные на краях газет номера и ахнул:

– Лескова, сорок четыре, квартира девяносто семь! Это же та квартира, в которой я только что... А ты что тут делала?

– Я прогуляться вышла, – виновато проговорила Майя. – Ну, смотрю, эта пачка. Ее пацанята, наверно, из общей кучи утащили – они же любят бумагу жечь. Остановилась, а тут... прямо к ногам ветерком из кучи вынесло.

И она протянула Алексею плотный картонный кусок. Это был белый, хорошего качества картон. Поэтому он хоть и обгорел по краям, но огню не поддавался. А на белой поверхности выстроились в колонки цифры.

– Блин! Центр – Юстасу, Юстас – Центру... – заметил Алексей. – Шифровка, однако! Надо бы Пилатику показать!

Но, едва он произнес эти слова, мимо них проехала, покидая двор, черная прокурорская «Волга» Эраста Георгиевича, и им оставалось только помахать ей вслед рукой.

Над «нехорошим», стоящим на неустроенной улочке домом с литыми стенами, возносящимися в небеса, злорадной пуговицей поблескивало солнце.

* * *

А Пилатик между тем держал путь совсем не в здание облпрокуратуры, где ему выделили кабинет. «Волга» с площади Автовокзала скользнула на улицу Фабричную, за которой высились высокие стрелы кранов – тут начинался речной порт, – а потом и того дальше, на улицу Владимировскую. Здесь на углу, под железной дорогой, рядом с самым первым городским тоннельчиком, пробитым в тысяча девятьсот тринадцатом году, о чем и извещали каменные цифры на его оае, располагались древнейшие, в несколько обхватов, тополя, а за ними – корпуса из красного кирпича, уродливые бастионы. Кладка была даже не красной, а бурой, и во многих местах откровенно поросла прохладным шелковистым мхом. Когда-то выстроенные для размещения маршевых рот пехотных батальонов, отправляемых Сибирью в мясорубку первой мировой, они в семнадцатом году стали прибежищем бунтующих рабочих – бунтующих отнюдь не за идеи призрачного марксизма, а просто оттого, что в городе не стало сахара и хлеба, а спекулянты вздули цены – эти корпуса громили пушками, и до сих пор проплешины от попавших снарядов остались на кирпичной кладке. Потом здесь разместили эскадроны ЧОНа, залившего пол-Сибири кровью не согласных с продразверсткой крестьян. Затем корпуса передали легендарному в городе заведению – Областному психоневрологическому диспансеру. «Дурке», проще говоря. И, хотя это учреждение ничем от городского психдиспансера, на улице 1905 года, не отличалось, тут тоже был корпус неврозов – для «легких». Правда, о нем ходили мрачные слухи: говорили, что с «Владимирки» не возвращаются.

Сейчас Пилатик ехал к одному из пациентов этого диспансера, доставленного туда недавно с диагнозом *delirium tremens*, сиречь белая горячка. Но, по здравому размышлению, медики диагноз изменили.

Беседе с больным предшествовала встреча с главврачом. Больше всего Пилатик боялся услышать что-нибудь вроде того, что сообщил ему судмедэксперт: мол, у пациента Саватеева открылся третий глаз или обнаружился раздвоенный язык. Но врач, сравнительно молодой человек с физиономией рыночного рэкетира и в модных очках без оправы, ничего страшного не сказал.

– Ну, что мы имеем, – говорил он разочарованно, раскладывая перед следователем какие-то бумаги с разноцветными кругами, квадратами и невнятными рисунками. – Первоначально диагностировали стопроцентный делирий, сейчас можно с уверенностью говорить об обострении долговременного шизофренического синдрома, осложненного опухолью мозга. Вот рентген.

– А мозг-то сам... есть? – с опаской осведомился Пилатик.

Врач удивленно посмотрел на него.

– Станный вопрос... Как бы он тогда жил?!

– Да вот. Живут некоторые.

Психиатр деликатно усмехнулся плоской, по его мнению, шутке и продолжил:

– Рентген мы сделали сразу. Обнаружили образование в левом полушарии мозга и, возможно, инородный предмет. Надо делать трепанацию черепа. Судя по всему, он не воевал, ранений не имел... Это не осколок Великой Отечественной. А прибор, к сожалению, не показывает подробно. Инородное тело слишком уж внедрилось в мозговую ткань, да в придачу оказалось зажато между пластинами черепа. Что-то вроде звезды.

– Пятиконечной...

Психиатр укоризненно посмотрел на следователя: вот солдафонщина!

– Шестиконечной! – поправил он с досадой. – Впрочем, это все. А что я вам сказать хотел, так это... м-да. Вот смотрите.

Он положил перед Пилатиком кучу трогательных рисунков: девочка с собакой, женщина с шариком, семейство в парке. Рисунки почти детские, неумелые, без перспективы и теней. Пилатик равнодушно уставился в детское творчество.

– А что это у них в головах у всех? – удивился он. – Палки какие-то... Трубы?

– Иголки, – пояснил психиатр, улыбаясь. – Это я вам показал рисунки классических шизоидов, сделанные в период обострения. Все они рисуют иголки в голове изображаемых субъектов, бессознательно, отражая таким образом ощущение собственных постоянных диких головных болей. А вот наш гражданин Саватеев ничего такого не рисует. Один раз нарисовал какого-то индуса в чалме, второй раз – голую, простите, женщину с этим, простите... ну, вы поняли!

– В третий? – с надеждой спросил следователь.

– А на третий раз отказался. Вам надо, говорит, вы и рисуйте! Вообще, должен сказать, для шизоида на редкость здоровая реакция.

– Я могу с ним поговорить?

Психиатр покачал головой.

– Боюсь вас огорчить, товарищ... Пилатик. Во-первых, у него не прошел реабилитационный курс, мы ему колем сильные нейролептики. Во-вторых, у него только сегодня утром была вспышка сумеречного состояния, а он... он – буйный. По потолку бегают, как муха.

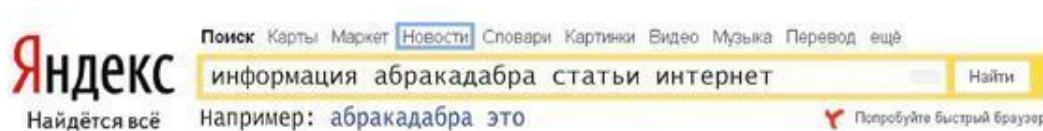
– Правда?

– Ну, – врач сконфузился, – это санитары так шутят. Говорят, видел кто-то... Здоровых мужиков раскидывает в стороны. Ну, что я могу для вас сделать? Могу дать возможность глянуть на него в закрытой палате. Через глазок.

И Пилатик глянул. В окуляр глазка, открывающего вид на всю одиночную палату камерой-обскурой и чуть искажающего предметы, он увидел высокого костистого старика в белом, босого – невероятных размеров ступни, желтые и измозоленные, как у Вечного Жида, постоянно приплясывали, находясь в беспорядочном движении. Приплясывали бы и руки, если бы не были стянуты за спиной белой смирительной рубашкой, в которой старик с отросшей бородой и совершенно лысым блестящим черепом походил на индийского брамина. Он что-то бормотал, кругами ходил по палате, а иногда внезапно начинал метаться и биться головой об обитые пробкой стены.

Пилатик уже был готов совсем увериться в сумасшествии одного из главных фигурантов его дела, как тут Саватеев подбежал и глянул в глазок. И Пилатик едва подавил изумленный вскрик: глаза безумца жили совершенно отдельно от его истерзанного болезнью тела. Это были глаза здорового человека! Они лениво усмехались и смотрели на Пилатика со странным, леденящим душу холодом существа, во много раз более могущественного, чем все эти санитары и доктора вместе взятые.

Новости

«...Информационная экспансия нового глобального поискового ресурса abracadabra.go, по словам европейских экспертов, просто завораживает. Одна из ведущих специалистов ресурса Google Рейчел Каховски высказалась следующим образом: „...abracadabra.go развивается так, как будто ей помогает сам Дьявол!“ Тем не менее, необходимо объективно признать, что количество статей в сетевой энциклопедии ресурса abracadabra.go на сегодняшний день фактически превысило количество материалов в известной энциклопедии Wikipedia – сейчас там 1332 тысяч статей, в то время как новый ресурс может похвастаться уже двумя миллионами материалов. Крупнейшие СМИ, такие как, например, холдинг BBC и лондонская „Times“, уже объявили, что при работе по поиску информации они отдают предпочтение именно ресурсу abracadabra.go, дающему наиболее точный и полный результат поиска. В то же самое время госдепартамент США в очередной раз отказал ресурсу в регистрации на территории Соединенных Штатов и указал на необходимость тщательной проверки источников информации ресурса, а также стоящих за ним лиц и организаций...»

*Анри Блом. «Сетевое похищение Европы»
Herald Tribune, Нейи-сюр-Сен, Франция*

Точка сборки-5

Новосибирск. Улица Большевистская

Медный, Данила, Иван и другие

Данила позвонил Медному неожиданно, словно вынырнув из небытия. Обычно он не снисходил до таких звонков, демонстрируя свою занятость – тут ведь набрал номер... Медный с изумлением услышал просьбу дать разрешение провести мини-семинар по постройке дома!

– Какого? – не понял Медный.

– Ну, эта... Короче! Налоговая на меня бочку катит. У меня одно ЧП, типа, в натуре, не ведет хозяйственной деятельности. Вот и, типа, штраф требуют.

– А тебе че нужно?

– Ну, типа... Медный, врубайся: я им дом построю. На углу Большевистской и Добролюбова. Ну, за метро «Речной вокзал».

– И что?

– Ну, мы, типа, будем это хитро делать... Я, Иван и Соня. Только мы, понял?

– А почему только вы?!

– Ну... мы эта, типа, самые сильные трансляторы.

Выслушав то, что предлагал ему Данила, Медный обескураженно поинтересовался:

– А это кто вам... такое придумал?!

– Да наш препод. По документоведению. Кричит: «Раз вы волшебники, вот и сдавайте. На практике».

– Погоди... Не понял! Препод по документоведению? Он что, симоронавт?!

Тут Данила разразился такой бранью в адрес неведомого преподавателя, что Медный вынужден был его остановить:

– Але! Ну-ка, остынь... я как-никак тоже препод. По жизни. Ладно, валяйте. Считайте, что я прикрою, в случае чего. Когда начнете? Ладно, я подъеду. И не увлекайтесь там.

Жить становилось все лучше, все интереснее.

* * *

Жизнь на крохотном перекрестке улицы Большевистской и спускающейся к ней улицы Добролюбова была сонной и малоинтересной. Автобусы тормозили тут только «по требованию». Следующей остановкой был узловой, метрошный «Речной Вокзал», а за тротуарами улицы догнивала бывшая Алтайская слободка, примостившаяся на выселках прежнего Ново-Николаевска: кургузые домишки, в которых во время оно селились семьи ломовых извозчиков да мелкий трактовый люд. Недалеко, на улице Инской, ставшей простым переулком, утопал в грязи настоящий булыжник образца тысяча восемьсот девяносто девятого года, положенный тут «каретным купцом» Мефодием Карабузовым – первая мощеная улица Ново-Николаевска.

Но век этих домишек был недолог. Часть из них купили, снесли и поставили на их месте кирпичные шале, в которых, в отличие от швейцарских, не отдыхали, а занимались шиномонтажом, ремонтом и оптовой торговлей стройматериалами – благо основной торговый тракт по-прежнему находился рядом. Часть домишек, скособочившихся, подслеповато смотрящих на шумящую Большевистскую, все еще держалась за счет своих неимоверно пьющих и упрямых хозяев: с ними и простой разговор трудно было составить, не то что покупку сделать.

Один из этих домиков неизменно привлекал внимание зевак, первый раз едущих в автобусе от остановки «Речной Вокзал»: в косореберье забора внезапно высверкивала солнечным

бликом диковинная зеркально-хрустальная конструкция, казавшаяся то ли миниатюрным чертогом, то ли дверью в иной мир; высверкивала да исчезала. И лишь немногие знали, что столь художественная калитка посреди гнилого, разваленного забора была дипломной работой соседского мальчишки, учившегося в Архитектурной академии. И создана она была за три дня из обрезков тонированного стекла, с помощью сварки. А хозяину – бутылку, чтоб не препятствовал.

Сейчас мимо этой самой замысловатой конструкции шла Светлана Щучкина, старший инспектор налоговой службы Октябрьского района, в ведении которого находилось ЧП с хитрым названием «ДАН-НИЛ», в отношении коего налоговая служба готовилась предпринять ряд непопулярных мер. Светлана была девушкой отчаянной, строгой, грохотала по тротуару ногами в темных закрытых туфельках и гордо несла на себе брючный костюмчик китайского производства, с местной барахолки, – недорогой, но вполне корректный.

Ее внимание привлекли трое людей, стоявших посреди тротуара, так что прохожим приходилось их огибать. Стояли по-хозяйски, уверенно, абсолютно не реагируя ни на тычки, ни на обидные слова, оброненные в их адрес. Слева стоял, очевидно, архитектор – молодой парнишка, высокий, с аристократичными чертами лица, в богемном желтом пиджаке. Справа – светловолосая девушка в офисной, минимально укороченной юбке и блузке. Она что-то старательно записывала в папку. В центре же – верзила-мужик в костюме, с нескладно повязанным галстуком и в кроссовках под брюки, по нынешней плебейской моде. На голове же у него возвышалась вполне пенсионерская фетровая шляпа с черной лентой, которую в сорок пять лет предпочитают носить все люди с устойчивым рабоче-крестьянским воспитанием.

Архитектор краснел, девушка записывала, а мордатый разорялся в мобильный телефон: – Саныч! Какого, нах, у тебя раствор на кровлю не дают! Да я вас сейчас голышом заставлю бетон месить! Давай, пинай их там, сейчас металлочерепицу подвезут...

Светлана мельком глянула в их сторону, но прошла мимо – торопилась в свою налоговую. Она постояла на остановке, поправив темные локоны. Автобус? Наверно, автобус. Маршрутка – это если повезет.

Между тем мордатый орал на всю улицу. Его вопли только иногда перекрывал с гулом стартующий на перекрестке транспорт.

– А? А меня мует это все?! Давай, чтобы блоки были... и смотри... У тебя крановщик на втором агрегате, че, в шары долбитесь?! Он куда стрелу повернул?! А?

Светлане стало интересно. Она повернула изящную головку в ту сторону, куда вперили взгляды трое озабоченных трудяг, но, кроме покосившегося домика, запущенного двора и зеркального входа, ничего не увидела. Она поймала себя на мысли, что ни одного крана не видит даже на залитом голубым светом горизонте. Девушка нахмурилась и подошла ближе.

– ...теперь слушай, блин! Труб на двенадцать не будет. Сантехнику привезут итальянскую – бери, потом поменяем...

– Товарищи! – робко обратилась молодая женщина. – А что тут... тут что-то строят?

Архитектор, молодой парень, скосил на нее глаза и с явным пренебрежением обронил:

– Высотный дом в двадцать три этажа. Не мешайте работать, девушка, отойдите.

– Высотный? Дом?! – Светлана расширила глаза и даже пропятилась. – Где?! Вы что, с ума сошли?!

Но троица не отвечала, вполне занятая своими делами. На кривом заборе грелся рыжий, подлый на вид кот. Вороны устало переругивались в обрезанных култях тополей. Неслись по Большевицской машины, обдавая окрестности затхлостью выхлопов. «Афера!» – догадалась сметливая Светлана и бросилась к первому попавшемуся мужику, стоявшему на остановке.

– Това... Мужчина! – сурово сказала она. – Там аферисты вон стоят. Сделайте что-нибудь.

Мужик прекратил лузгать в кулак семечки, удивленно уставился на женщину.

– Аферисты?! А че делают?

– Строят! Несуществующее здание! – возмущенно прокричала Света. – Сейчас квартиры там продавать будут! Да что вы, честное слово, газет не читаете, что ли?! Ну, ведь на глазах нас зомбируют...

– Замба... чего? – изумился мужик, а потом изрек: – Строят – значит НАДА! – и прыгнул в подъехавшую маршрутку,двигающуюся, кстати, в нужном Светке направлении.

Затем Светлана попробовала найти понимание у женщины средних лет, стоящей с сумками.

– Женщина! Надо милицию вызвать! Что происходит рядом? Кошмар просто!

Но женщина прозрачно глянула на нее и посетовала:

– Вот за укроп ломают, не дай боже-господи! Совсем с ума посходили... А ты, доча, говоришь – строят!

И та тоже исчезла в зеве автобуса.

Светлана отступать не привыкла. Пропустив свой маршрут, она начала метаться по остановке, ловя выходящих с перекрестка людей, и наконец поймала лысого, сурового на вид дядьку с портфелем.

– Ну, девушка, только ради вас, – проворчал он, расслабляя узел галстука. – Ну, ведите. Где там они у нас, эти извращенцы?

Светлана подвела мужчину к троице. В это время главный, мордатый, распоряжался:

– Так! Отделочников на южный фасад, быстро! Мне трещины не нужны, понял? А то сам, как ихтиандра, будешь там ползать... Да я отсюда вижу трещины.

– Ну, что я вам говорила?! – торжествующе спросила Светлана.

Мужик пригляделся, потом снял свои очки, протер их аккуратной кремовой тряпочкой, снова нацепил на нос и... набросился на женщину:

– Что вы мне голову морочите, а?!

Женщина попятилась в испуге.

– Что голову морочите, я вас спрашиваю? Люди дом строят, неужели не видно?! Что вы привязываетесь? Денег у вас нет?! А квартирку хочется... Знаю я вас таких, только предлог ищете! Nate вам червонец, катитесь отсюда.

Он вырвал откуда-то из кармана купюру и швырнул ей. Но она деньги не приняла. Бумажка легла на асфальт, ей под ноги. А мужчина, возмущенно размахивая портфелем, пошел дальше по Добролюбова, иногда удовлетворенно оглядываясь на «строящийся» дом.

У Светланы на светло-карих глазах вскипели горячие слезы. Она поняла, что ее приняли за одну из тех девочек-припевочек, которые летом зарабатывают себе на жизнь нехитрой фразой: «Молодой человек, у вас не будет пяти рублей? На метро не хватает!»

А вокруг уже собралась небольшая толпа. Какая-то старушка восхищалась тем, как сейчас «строят», женщина в платке прикидывала, сколько будут стоить квартиры в красавце-доме, молодая пара тихонько обсуждала вариант размена. Подкатил и какой-то деловой – нет, не в «мерседесе», всего лишь в скоромном темном «лексусе» последней модели, – высунул потное лицо:

– Э, братва, квартиры почему?

Ему ответил архитектор, лениво процедив:

– Не продается. Дом ведомственный. По списку распределение!

Делового это не смутило, он бросил свою машину чуть ли не посреди улицы, вылез и начал названивать кому-то по сотовому:

– Санек, але! Мать твою, это Серый... Але! Тут, короче, дом сдают. На Добролюбова, да. Короче, давай хватай все бабки, надо думать че-как...

Светлана с ужасом посмотрела на взволнованных людей, поедающих жадными глазами пустое пространство, и на трех аферистов, спокойно делающих свое черное дело – с абсолют-

ной серьезностью. Она пискнула что-то вроде: «Караул!» – но внезапно цементная пыль несущейся стройки забила в легкие, и она закашлялась. От этого Светлана потеряла весь задор и тихонько отошла. Метрах в десяти от толпы она устало опустилась в своих брючках прямо на теплый бетонный «кукиш», оставшийся тут после какой-то реконструкции, посмотрела на свои пыльные туфли и ощутила жжение в ногах. Она сбросила туфли, прижала пятки к асфальту. Так и сидела, блаженно шевеля пальцами. Что же это такое происходит, а? Кто с ума сошел – она одна или они все?!

Внезапно рядом с ней на камень опустилась долговязая девушка в желто-черных клоунских шароварах и с «конским хвостом» ярко-красных волос. Зажав сигарету между красивыми губами, она спросила:

– Есть зажигалка?

– Да. Возьмите! – Светлана отдала зажигалку, сама она курить не хотела.

Незнакомка затянулась и выпустила дым своими красивыми губами. Светлана посмотрела на ее шаровары: она тоже боса, а ногти разноцветные. Чудно!

– Переживаешь? – не глядя на нее, спросила незнакомка.

– Ну, а как... они же людей обманывают!

– Спокойно! Они никого не обманывают. Квартиры не продают, деньги не принимают. Это ВКМ. Волшебная Картина Мира.

– Какая?!

– Волшебная. Вот мы тут посимороним, а вдруг и правда красивый дом потом построят вместо этого убожества?

Солнце яростно сверкало в зеркальных створках крыльца. И люди этого не видели. Они видели растущий на глазах дом-красавец.

– Но этого быть не может! – горячо возразила Светлана. – Это... это черт его знает что!

– А пойдем, посмотрим, – просто предложила та.

Забыв про туфли, Светлана пошла за ней. Стало уже совсем жарко – полдень. Загазованное облако ползло с Большевицкой. И внезапно в этом мареве она увидела дом. Правда, чуть дальше, где-то за линией железной дороги. Но за ним суетились краны, его красные стены горели торжественно, и белые рамы окон светились в дымке мечты...

Неужели это... Светлане стало сначала дурно, а потом хорошо. И чей-то голос прошептал ей на ухо:

– Это Волшебная Картина Мира, помни.

* * *

Через полчаса в помещение налоговой инспекции по Октябрьскому ворвалась растрепанная женщина в строгом брючном костюме – но с закатанными штанинами и без туфель. Едва начальница успела отреагировать на нарушение дресс-кода, как сотрудница шлепнула на стол заявление и заголосила:

– Катерина Матвеевна! На Добролюбова дом строят! ЧП «ДАН-НИЛА». Тридцать процентов квартир для нашей налоговой! Надо заяву писать!

Начальница, которая сама ютилась в двухкомнатной с сыном, невесткой и собственным внуком, новость оценила. И уже не глядя на подвернутые брючины своей сотрудницы, доброжелательно проворчала:

– Че-Пэ «ДАН-НИЛА»? А мы уже собрались на них приставов насыщать... Ну ладно, обождём. Рассказывай, куда писать и на чье имя?

...Еще через пятнадцать минут к месту сборища подъехал Медный. Он добирался на маршрутке, и за триста метров до остановки машина встала – впереди бурлило бескрайнее море транспорта. Водитель сигналил, пытался проехать по обочине, но бесполезно: все оказа-

лось загорожено. Затем ему позвонили по мобильному. А когда пассажиры начали роптать, водитель лениво пояснил:

– На Добролюбова стройку открыли... перегородили все. Бесплезняк.

Медный плюнул и вышел. Пошел пешком. Он добрался к месту и обнаружил, что проезжую часть действительно перегородил длинный грузовик с прицепом; строительные рабочие снимали оттуда новенькие бело-синие легкие щиты и тут же, на глазах, сооружали строительный забор из вагонки и жести. Какой-то человек в сером пиджаке, с красной жилистой шеей, коротко стриженный, увещевал топу зевак:

– Граждане, граждане! Расходимся... Расходимся, я вам говорю. Все вопросы – к военно-строительной компании. Телефоны написаны на стенде. Расходимся...

Медный ошалело смотрел на эту суету. Тут же сзади посигналили. Он обернулся и увидел вишневый «Opel Vectra», из окон которого выглядывали лица Ивана, Сони, Данилы и Лис. Медный загрузился в горячее нутро машины.

– Ни фига себе... вы че?! Получилось, что ли?

Оказалось, что деловой мужик, интересовавшийся ценой, в течение получаса провернул по мобильному гениальную комбинацию: дом, на месте которого поднималась виртуальная стройка, он вместе с участком выкупил у хозяина, едва вышедшего из запоя, а потом тут же втридорога перепродал Военно-строительной компании, которая, хоть ничего и не планировала, но тут же объявила о начале строительства и отрядила рабочих на огораживание. А ЧП «ДАН-НИЛ» компания просто взяла в качестве соучредителей и тут же положила на счет Данилы круглую сумму, чтобы избежать лишних вопросов.

– Прикинь! – радостно кипел Данила, вертя руль. – Этот наш, документовед... каз-зел! Он тоже пришел, говорит: ладно, зачет записываю, а экзамен вам все равно сдавать.

– А где он сам? – с любопытством спросил Медный.

– Да вон, идет...

«Opel Vectra» как раз стартовал с перекрестка, найдя лазейку в тугом коконе автомобилей, и, когда он пролетал по «зебре», Медный увидел невысокого пожилого человечка в сереньком костюмчике, переходящего дорогу. Обыкновенный пенсионер, видно, бывший военный – на лацкане какой-то значок-ромбик... Но машина пролетела мимо, а тот, стриженный, скромно прыгнул в подошедший автобус.

* * *

А еще через час полковник Заратустров, склоняясь над картой, распечатанной по его требованию, по-старинке – на бумаге, сжимая зубами потухшую сигару, чертил красным и синим маркером по листам. Рукава белой сорочки закатаны, коричневые локти морщинисты. Раз! Отчеркнул квадрат.

– Это все, что они сканировали?

– Да, товарищ полковник.

– Ерунда, – пробурчал он. – Это бывшая хата «белых братьев», тут все умерло давно... Так. Это тоже знакомое место. Нет, не катит. Здесь? Здесь было в прошлом году...

– Черная месса, товарищ полковник, – подсказала стоявшая за его спиной Альмах.

– Тоже мимо кассы. Так! Вот... Смотрите! Это территория завода «Труд». Он акционирован, масса бесхозных клетушек. Думаю, что нам надо прошарить все канализационные люки. Понятно? Так, Астафьев, немедленно свяжитесь с ИЦ, мне нужны чертежи подземных коммуникаций завода. И группу обследования туда отправьте. Немедленно!

Он остановился. Бросил маркеры. Разжег сигару. А потом добавил серьезно:

– Если с Лескова, то им удобно было спрятать все это именно там.

Результат выдали через полтора часа. Неприметная дежурная машина Горводоканала, обыкновенный «зиллок» с фургоном, стояла у одного из канализационных колодцев на территории замерших цехов завода «Труд», одного из старейших в Новосибирске, по ветхости частично проданного под склады. У шахты копались ремонтники в грязных одеждах, а в самом фургоне полковник Заратустров в своем непрезентабельном костюме все так же жевал сигару. В кунге, вытянувшись перед ним в струну, плотный розовощекий старлей Астафьев докладывал:

– Товарищ полковник, обнаружены останки в сильной степени мумификации. По сохранившимся фрагментам кожи на пальцах кистей установлено, что останки принадлежат Веронике Игоревне Хмельновой, восемьдесят девятого года рождения, ранее не судимой, по учету ИЦ Спецуправления не проходившей, объект ординарный. Несмотря на мумификацию, экспресс-анализ эгрегора установил: убита от трех до пяти дней назад. Наши сотрудники провели беседы с соседями по месту проживания объекта, по улице Лескова, сорок четыре. Выяснилось, что означенная Хмельнова В. И. проживала в квартире семьдесят девятой данного дома с напарницей, личность которой не установлена. Подробности выясняем.

Полковник поморщился и тяжело поглядел в мутное окошко. Еще раз поморщился, будто от зубной боли, выплюнул сигару и обронил:

– Так... все ясно. Значит, забирайте все останки и начинайте выяснять контакты этой Вероники. Вы сказали, что она была связана с психологическими семинарами... У кого, когда, где? Полностью! До последней случайной встречи... Задание понятно?

– Так точно!

– Выполняйте.

Астафьев, одетый в нечистый мешковатый костюм обычного российского сантехника, вывалился из дверей. А Заратустров, сжимая в пальцах тельце сигары, привалился лбом к холодному стеклу и закрыл глаза.

На заводе уныло прозвучала какая-то тревожная сирена.

Господи, сколько работы еще... И как с ней справиться? Он очень хотел ошибиться, предполагая, что смерть девицы, занимавшейся в группе психотренинга, напрямую связана с ее проживанием вместе с таинственной подругой в самой непосредственной близости от квартиры объекта «Невеста».

Никто тут не ошибался. Никто. Еще не рассказал Свирко следователю Пилатику про психа с Лескова. Еще не окропила драный линолеум кровь бомжей, привезенных сюда в мешках. Все случилось ПОСЛЕ переполоха во дворе и нападения обезумевшего старика на врачей...

А между тем в городе пролился дождь. Последний летний – теплый.

* * *

...Оно шаркнуло, когда Вера укладывала свой любимый желтый топик на самый верх сумки, уже пучившей свой синий живот от разнообразного тряпичного мяса. Шаркнуло прямо за спиной – тихонько, но Вера сразу же поняла, что это за звук. Когда задевают старую половицу в коридоре, она отчаянно скрипит или стреляет вот так – сухо. Девушка не обернулась, только застыла, ощущая полоской голой спины между джинсами и краем белой ветровки этот холодящий, пощипывающий взгляд черных глаз.

– Ты куда это собираешься?

Вера медленно обернулась. Ольга стояла в коридоре кухни, опершись плечом в кимоно об косяк. Гладкая головка, как обычно, утыкана деревянными спицами. На улице люди оборачивались при виде этой диковинной гламурной японочки, каким-то чертом занесенной в столицу Сибири. Но она лишь невозмутимо семенила своими крохотными ножками, белыми голыми

ступнями во вьетнамках, когда шла в Центр Иероглифики на занятия, в своем кимоно розово-желтой пестроты и с этими дурацкими палками в голове. А когда она вышагивала в дырявых джинсах и босая, шаркая пятками по асфальтовой копоти, или же громко стучала каблуками модных туфель, так никто и не смотрел. Девка как девка. Маленькая, черненькая, хитроглазая. Может, ее и не Ольга совсем зовут? Да, она сама говорила, что любит путать имена, дурачиться; примерять на себя разные личины... Иногда как-то еще себя называла – на «о»...

Сейчас она была в кимоно, вьетнамки – в руках, и по ее босым, чисто вымытым ступням Вера поняла: с улицы. Шла под дождем... Кимоно промокло по краю, потемнело. В руках у Ольги – хрустящий веер. Хлопает – туда-сюда, сюда-туда. Губы-вишенки полуоткрыты.

Она пришла с мокрыми ногами, а половица прилипла к голой подошве и скрипнула – вот почему Вера услышала.

Девушка похолодела на миг: знает? – и выдавила, напустив на лицо вымученную, плачущую в уголках губ улыбку:

– Да вот, Витька пригласил... на пляж...

– На пляж? – удивилась подруга. – Дождь хлещет по всему городу. Я от самого метро босиком шлепаю!

– А... а... а мы с ним в Ордынку поедem, – нашла Вера, – к его родителям. Там, говорит, ваще засуха.

Слава Богу, Ольга не стала выяснять нюансы: почему Витькины родители вдруг оказались в Ордынке, а не в Северном; почему капризная Вера решила поехать из комфортного города в деревню... Она кивнула, как будто все нормально, и неожиданно зажглась:

– Во! Давай я тебе ритуал изображу! Нам сегодня сэнсэй показал.

– Какой ритуал?!

– На Отдых Души, – загадочно ответила та. – Давай-давай! Пойдем туда, помедитируем на дорожку.

– Ну... ну давай... – растерялась Вера.

– Только, – глаза Ольги блеснули то ли угрожающим, то ли просто жадным блеском, – ты разденься. Как обычно.

Она обернулась и пошла, ведя Веру за собой, словно на невидимом поводке.

Та уже догадывалась, чем это может кончиться: коврик, благовония, чувство сладкого одурения, подкатывающее откуда-то из самого низа живота, и потеря контроля, а потом жгучий стыд за свое иступление и ласки, которые буквально вырывала, вытаскивала из нее подруга. Ладно. Пусть будет последний сеанс. Перетолчется. Только бы вырваться из этой квартиры!

– Только я совсем раздеваться не буду, – угрюмо обронила Вера, идя за подругой, – у меня эта... ситуация.

Та легко кивнула – ладно, мол!

Посередине их крохотной «медитационной» комнатухи белел коврик, все еще густо пахло сандаловыми палочками. Ольга стащила с себя кимоно (белья она, по наблюдениям Веры, не носила никогда), уже голой присела перед подсвечником, зажигая палочку. Стали четко обозначены икры сильных ног, сухожилия на маленьких ступнях напряглись; мышцы лобка выпукло отметились, загорелая спинка прорезалась острыми лопатками. Вера неуверенно разделась до лифчика и трусиков, а одежду опасливо повесила на единственный стул, стоящий рядом, кроссовки тоже оставила недалеко. Если что – в кармане ветровки электрошокер. И кроссовки под рукой – обуться и бежать, скорей! Без обуви бегать она не любила. Пусть Ольга только попробует ее снова одурманить, превратить в голую бесстыдную куклу...

Ольга села на коврик. Соски ее маленьких острых грудей темнели вишенками. Уже чувствует! Уже приготовилась. Вера опустила на коврик.

– Нет, вот так садись... Мы должны соединить нижние чакры Кундалини, – говорила Ольга, раскладывая ее руки и ноги привычно уверенными движениями. – Это называется «союз Змеи и Паука». Вот так, ноги мне на бедра, а я на твои...

За маленькой головкой покачивались деревянные спицы. Вера ощутила на своих бедрах ее прохладные мягкие босые ступни с чуть шероховатыми подушечками пальцев без лака на ногтях – маленьких пальчиков, коротких. Кажется, она никогда педикюра не делала, считая это глупостью.

Девушки уселись, сплетясь голыми ногами. Ольга поставила посредине свечку, которая освещала их коленки мерцающим светом, и начала:

– Ом мани падме хум!

– Ом мани падме хум! – покорно повторила Вера.

Хотелось пить. Язык непослушно ворочался во рту. Босые пятки Ольги ласково и требовательно стискивали ее бедра.

– Ом мани ихра нака!

– Ом мани ихра нака!

– Оммм... – протянул Ольга, закидывая голову.

– Оммм!

Ее груди напрягались, повинувшись тону мышц. Вера помотала головой: запах сандала щекотал нос. От кожи Ольги шел трепещущий жар. Спицы на глазах расплывались...

– Оммм...

– Ом мани кари нака! Падме, падме!

– Ом мани... Падме, падме!

«Если попробует снять с меня лифчик, – проплыло в голове Веры, – а она может... пальцы ног умелые... тут же схвачу шокер!» Мысли вязли одна в другой, словно испачканные патокой.

– Оммм!

– Оммм!

– Мане!

– Мане!

– Падме!

– Падме!

– Хум! Нака!

– Нака!

– Нака!!!

Кажется, она своими ступнями была уже на талии Веры. Очень гладкие, словно пластиковые, твердые пятки ее ног добрались куда-то под сердце... И тут внезапно Вера поняла, что подруга, откинувшись назад да замершая в такой позе, в которой просто не может удержаться человек, не знакомый с долгой практикой хатха-йоги, уже обхватила ногами ее шею и сдавила стальными тисками. Голые пальцы ступней Ольги впились в щеки Веры, зафиксировав их, как в рамке, намертво – не двинуться...

– Омммаа... ааааа-сссука!

Вера дернулась. В принципе, она в два раза крупнее этой дюймовочки, лже-японки, она имеет первый разряд по айкидо... Вот сейчас бы схватить шокер, всего-то одно движение. Но вместо этого она схватилась руками за щиколотки Ольги, ощущая, как холодна на ощупь ледяная гладкая кожа девичьих ног. Вера выпучила глаза, открыла рот и заорала все, что так долго копила:

– Сука, не трогай меня, оставь, оста-аа-вь!

А Ольга вдруг изогнулась, а точнее, распрямилась тетивой нагого тела с болтающимися грудками, с этим невероятно мускулистым пахом и выбросила руки вперед. Одна спица, выдер-

нутая из ее высокой японской причесочки, собранной из гладких, черных и блестящих волос, стрелой вылетела вперед. В следующий миг ее острый конец вошел в правую глазницу Веры, протыкая маслянистую склеру, проходя сквозь сосуды глазного яблока и разрывая их, нанизывая белую с прожилками ягоду на себя, перебивая нерв и через отверстие в черепае раскаленным шилом влезая в мозг.

Вера, можно сказать, и не ощутила боли – просто всплеск, резкая темнота в обоих глазах, звон в ушах и дикое ощущение угля в самом центре головы, будто сдвинули крышку и плеснули туда кипятком.

– Оммааааааааа... – захрипела она.

Спица проталкивалась вперед, и ее тело распихивало сосуды мозга, обрывая паутинку нейронов, и вот с последним движением дерево, жутковато скрипнув, уперлось в височную кость изнутри, процарапав по ней, а мозг заполнила кровь разодранной ткани.

Судорога скрутила тело Веры, незагоревшее, в глухом лифчике и кружевных трусиках; сознание расплескалось заревом и погасло. Как манекен, девушка повалилась навзничь, затылком назад, да гулко ударилась им об пол – тут коврика не было. Из глаза торчала вверх черная спица.

Ольга убрала ноги с тела бывшей подруги. Коротко, по-звериному, выдохнула, переводя дух. Встала, нагая; потом склонилась над лежащим телом. Ловкими и жестокими руками, одним движением содрала с мертвой лифчик, вывалила наружу большие, полные груди Веры – ничего. Усмехнулась, исследовала чашечки. К внутренней стороне одной из них жевательной резинкой прикреплен комочек... Она развернула. В полумраке белел платочек, совсем девичий, если бы не треугольник в самой середине и четыре цифры, вышитые по краям неровным стежком: 6-1-36-31. Из второй чашечки она извлекла тонкую папиросную бумажку с набором цифр. Они были записаны бисерным Ольгиным почерком, размером с булавочную головку.

80 70 19 80 19
13 90 10 14 11
66 64 15 51 66
35 14 36 51 52
46 31 44 22 32
24 22 54 44 15
16 54 24 53 H3
22 21 54 64 Л
65 12 62 63 XX

Ольга пробежала глазами цифры – все правильно. Потом снова склонилась над лежащим телом: одна глазница полностью заполнилась кровью, густой, темно-бурого цвета, и сейчас эти капли сползали по щеке, покрытой розовым пушком, на пол. Ольга обмакнула палец без маникюра в кровь и нарисовала рядом, на квадрате дощатого некрашеного пола, квадрат с буквой «С» в середине. Встала.

Она понимала: все, надо уходить. Жадная, глупая и вороватая девка сполна заплатила за свои попытки проникнуть туда, куда посторонним заходить нельзя. Что ж, теперь задача Ольги – быстрее уйти отсюда. ОН любит смерть. ОН очень скоро придет, вызванный пряным, свежим и вкусным духом крови. Она оставит ЕМУ послание, которое рассчитывала передать совсем по-другому. ОН разберется с телом и со всеми деталями, на то есть вся ЕГО беспредельная власть – власть Первопричины и Первопредка.

Итак, теперь Ольга покончила со второй дурочкой – первая была хромая и толстая, пришла с этим платочком... Как она хрипела, когда Ольга с улыбкой душила ее шнурочком! Как свинья. Что ж, все они – мусор.

Те, кем будут когда-нибудь управлять, как стадом свиней.

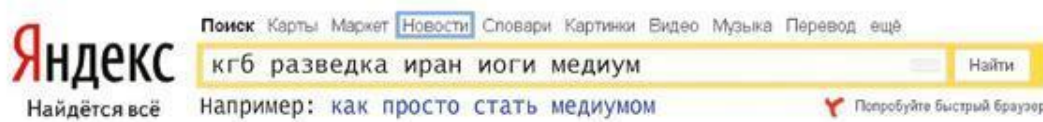
Ольга с размаху зажала бумажку между указательным и средним пальчиками маленькой кисти и, не промахнувшись, насадила ее на конец острой спицы, торчащей из глаза мертвой девчонки. Как использованную офисную бумажку-напоминание.

Квадрат с буквой «С» краснел в изголовье, бумажка чернела цифрами, маленькими и черными, как муравьи.

...Спустя пять минут беспорядочноволосая пацанка в драных джинсах на булавках, в кожаной косухе, в растоптанных кроссовках бывшей подруги, оставила квартиру. Кроссовки сохраняли тепло ласковых, не знавших ничего иного, ног Веры – и Ольге было приятно это послевкусие чужого тела, запаха другого пота, пропитавшего эту одежду. Она погружалась в него, и это было как совокупление!

Ольга, со спортивной сумкой на плече, легко сбежала по ступенькам подъезда и покинула девятиэтажку в центре Октябрьского района. Даже бабки не встретились ей по пути. А могли бы; и покачали бы они головами, осуждая это чудище в не свойственной барышням одежде. Но они бы никогда не узнали, что это вовсе не чудище, а Чудовище, имя которому – три шестерки по каждой основной диагонали квадрата.

Новости

«...в книге британского исследователя Джона Куотерли приводятся сенсационные сведения о причастности известного европейского медиума и паранормала, небезызвестного Вольфа Мессинга, к рождению в недрах зловещей советской организации МГБ-КГБ так называемой „паранормальной разведки“, созданной по инициативе Лаврентия Берия. Куотерли утверждает, что именно Вольф Мессинг привлекался в 1944 году к организации экспедиции в Тибет и в Северный Иран, где советская разведка планировала обнаружить не только легендарный „вход в Шамбалу“, так и не найденный Гитлером, но и артефакты древних персов, в частности, мифическую „Библиотеку Аламута“, о факте существования которой до сих пор безуспешно спорят историки и археологи...»

Kim Сименс. «Кто они, русские йоги?»

Frankfurter Rundschau, Франкфурт, Германия

Тексты

Полковник и Альмах

Вечерело. Заратустров устал настолько, насколько может устать человек на переднем крае сражения – когда посвист пуль уже воспринимается как блаженная музыка. Ведь пуля, отлитая для тебя и несущая тебе смерть, совсем не свистит. Она молча ударяет под сердце или в шею.

Заратустров устал. Линии на большом ватмане никак не сходились. Ни по одной из фаз операции «Невесты» не было ясности. Копилась только тяжелая, тягучая тревога. Она никуда не уходила, не выдавливалась в документы и сводки. За стеной шуршал Оперативный зал, с дежурным – Горским.

А Элина Альмах собиралась домой.

Была полночь.

Полночь – скоро уйдут последние поезда метрополитена. Город зачах, только немного в центре пылает рекламами, как пожарищами; только на основных магистралях плятятся в тебя рекламные щиты, освещенные лампочками на кронштейнах.

Полковник перекинул через локоть свой пыльник, серый пиджак и вышел в коридор Спецуправления:

– Элина Глебовна... Идете?

Она вышла из комнаты отдыха, стуча каблуками, заменившими ей тапочки. На ней темно-красное бархатное платье с короткими рукавами. В руках – сумочка и пакет. Полковник галантно протянул руку.

– Позвольте...

– Да ладно вам, Александр Григорьевич, там только курочка.

– Все равно. Я вас подброшу?

– В деревню Каинку? – женщина усмехнулась. – Дочка у бабушки. Я сейчас туда. Возьму такси с автовокзала.

– Ну, так хоть до автовокзала, – упрямо проговорил Заратустров.

Они миновали шахту лифта, поднялись наверх. Железная дверца впустила их в банную, пряную после дождя теплоту августовской ночи. В свете уличных фонарей холеное лицо Элины Альмах сразу поблекло, потеряло гламур... и стало лицом обыкновенной женщины «ближе к сорока», с морщинками в углах еще красивых губ, с небольшими складками на подбородке, с выбившимися из прически прядями на виске. Полковник распахнул дверцу своего «Москвича»:

– Прошу!

Она уселась рядом. Заратустров завел машину, помедлил секунд пятнадцать и тронул с места. Улица Серебряниковская с мерцающими посередине рельсами трамвайных путей покорно текла под колеса. Это одна из старейших улиц, до революции называвшаяся Васильевским спуском. Жители ее сначала слезно молили городскую управу построить мост через речку Каменку, а потом собирали деньги на трамвай – и то, и другое появилось на улице только при советской власти, в тридцатые. И вот теперь она светлыми окнами «сталинских» домов ласково наблюдала за автомобилем Заратустрова.

И смеялась.

Потому что, проехав метров двадцать пять, машина полковника зачихала, начала брюзжать и... остановилась. Заратустров кинул взгляд на приборную доску.

– Черт! Бензинчик-то у меня... совсем кончился!

Автомобиль, тихонько сопя радиатором, виновато остановился у тротуара. Заратустров жалко посмотрел на женщину.

– О, я вас умоляю, Александр Григорьевич! – засмеялась та. – Я вам говорю – такси возьму! До автовокзала пешком пройдем... А вы как?

– Доберемся! – хмуро проговорил Заратустров, открывая дверцу.

Они пошли вниз по улице. Автомобиль полковник бросил, даже не ставя на сигнализацию, у тротуара. Заратустров придерживал локоть Альмах. Здания плыли на них болотными жабами. Фонари тускло мерцали в нишах.

– Элина Глебовна, – проговорил Заратустров, разыскивая по карманам «дежурные» сигариллы, – а чего это вам... пардон, вот они! Так вот, чего бы вам не того, а? Вы сколько у нас служите?

– Пять лет.

– Вот! Год за три. Выслуга – чистая пятнашка. На пенсию выйдете подполковником, а? Будете внучат растить...

– Нет пока еще внучат, Александр Григорьевич, – вздохнула Альмах, плывя по тротуару лебедушкой. – Только сын и дочка. Дочке еще рано. А сын... Ему ничего не нужно. Пока.

– Вот как? Он у вас где?

– В Академии ФСБ, где ж еще. Говорит: «Сначала молодость отгуляю, мама, потом только на дембель. К женитьбе». Диплом хочет писать по Вольфу Мессингу... Герой он у меня, только зубы лечить боится! Уговорить не могу. Так что вот такие дела, Александр Григорьевич... Курочку вот дочке везу. У них в Каинке всю птицу истребили. Птичий грипп, говорят...

– Да. Чего только не придумают, – буркнул полковник. – Так у вас сын... Сколько ему?

– Двадцать один.

– Ага. Ну, да.

– Что «да», Александр Григорьевич?

– Ну, я к тому, что на выслуге-то лет, значит...

Женщина рассмеялась роскошно – тем самым контральто, которым она баловала радиослушателей на еженедельном канале.

– К чему-то вы клоните, Александр Григорьевич... Я вас не устраиваю? Мои тапочки вам не нравятся?

– Да Бог с вами! Тапочки – это здорово. И ноги у вас красивые. Дело-то не в этом.

– А в чем?

Он молчал, раскуривая сигариллу.

– Вы его не ругайте. Мужчине позволительно бояться двух болей: во рту и... и между ног.

– Любопытно. Это отчего же?

– Атавизм. Наследие первобытнообщинного детства всего человечества... Тогда, если молодой половозрелый член племени, охотник, терял зубы или не мог ими есть, то все, кранты. Разжевывали пищу только старикам, и то не из уважения к старости, а только для того, чтобы сохранить в полном объеме важную для племени информацию, опыт. Если молодой мужчина терял способность пережевывать пищу или воспроизводить потомство, он был обречен. И в том, и в другом случае его ждала смерть. В первом – медленная, от истощения, потому что в лучшем случае он вынужден был довольствоваться обсасыванием оставшихся костей; во втором – более быстрая, ибо такими на охоте жертвовали в первую очередь.

– М-да. Жестокое время... Но я понимаю. Неужели все действительно идет оттуда?

– А откуда еще? Элина Глебовна, помните, я вам рассказывал про эксперимент? «Подводная лодка» называется.

– Ну да. Что-то помню.

– Эти опыты проводились у нас...

Полковник шел медленно, прогулочным шагом, заложив за спину руки; пыльник он оставил в машине, лишь набросил на плечи пиджак.

– ...но не на очень серьезном уровне. Так, детский сад. Их описал в своих книгах Козлов – эту-то литературу вы читали. Ну, а в США, в Миннесоте, на родине всемирно известного теста ММПИ, эксперимент проводился непрерывно с тысяча девятьсот семьдесят восьмого по тысяча девятьсот девяносто третий год. Пятнадцать лет. Вам не холодно, Элина Глебовна?

– Да вы что? Теплынь какая! Как в бане натопленной.

– Так вот, людей, человек двадцать-двадцать пять, строили у стенки. Построенные объявлялись командой подводной лодки, терпящей бедствие. Количество торпедных аппаратов, рассчитанных на один выстрел, – ровно половина от количества людей... А потом звучал сигнал. И каждый мог вытолкнуть того, кого, по его мнению, надо спасти... через торпедный аппарат. Только одного.

– О! Я слышала, – улыбнулась Альмах. – Говорят, сурово, но действенно.

– Еще бы. Почти весь состав нашего территориального отделения так набран. Так вот, логично было бы предположить, что нормальные, обремененные моральными нормами, одним словом, во всех смыслах достойные гомо сапиенсы вытолкнут вперед тех, кого принято спасать. То есть почти детей – а группы бывали смешанные! – стариков, слабых, инвалидов и так далее.

– И что, так и было? – с любопытством спросила Альмах, меряя узконосыми туфлями асфальт.

– Было, – полковник криво усмехнулся. – Только не так. Как показали пятнадцатилетние эксперименты, вперед выталкивали самых молодых – но не детей – самых здоровых, самых жизнеспособных, без учета их интеллектуальных способностей. Причем чаще всего – мужчин...

– О, интересно. А женщин?

– Американцы анонимно вводили в группы женщин, не способных к деторождению. То есть, кроме организаторов, никто об этом не знал... И каждый раз такие женщины оставались в группе! Хотя других, таких же молодых, сексапильных, но могущих родить, выталкивали. То есть – спасали. Если, конечно, в группе недостаточно было молодых, здоровых мужчин.

– Кобелей, одним словом... – печально усмехнулась женщина.

– Совершенно верно, кобелей или жеребцов, – не обиделся Заратустров. – И оказалось, что все эти моралитэ, вбитые в башку цивилизацией, вся эта политкорректность и сострадание на самом деле не работают в экстренной ситуации. Работает жесткий природный закон родом из тех же первобытнообщинных времен: спасать надо тех, кто сможет продолжить род! То есть молодых, здоровых, физически наиболее сильных, выносливых, способных к деторождению. Понимаете?

– Ну да, – она поежилась. – То есть никакого милосердия?

– Милосердие, сострадание, любовь к ближнему – это, к сожалению, игрушки, навязанные человеку иудеохристианской цивилизацией. За две тысячи лет ей удалось извратить основной закон сохранения человеческого рода, который и диктует нам, кого спасать, кого защищать... Вы же знаете этот анекдот, что когда-нибудь президентом США станет фригидная, одноногая, лысая негрятенка с лесбийской ориентацией. То есть со всем набором социально защищаемых качеств... А между тем природа-то говорит по-другому.

Заратустров попыхивал сигариллой. Дома молча двигались мимо – в полночь эта улица была, как высохшее русло реки. Только рельсы сверкали в фонарном свете изгибающимися, змеиными спинками.

– Элина Глебовна, – коварным голосом спросил он, – позвольте вам провокационный вопрос задать? Не обидитесь?

– Всенепременно, Александр Григорьевич, задавайте, конечно!

– А вот вы, оказавшись со своими двумя детьми в ситуации «кризисной подводной лодки», вы кого вытолкнете?

Альмах резко, гортанно рассмеялась, потом неожиданно проговорила:

– А давайте... пойдём по путям! Там плитка ровная. Ну-ка, погодите...

Она оперлась на плечо полковника и вдруг ловко разулась. Женщина со смехом перебежала на середину улицы, где трамвайные пути были забраны в безупречную выпуклую скорлупу новой плитки, имитирующей старую брусчатку. Полковник последовал за ней. Элина пошла между путями, ступая по этой нагретой за день гладкой плитке размеренно, с наслаждением. Свет фонарей здесь слабел, и ее белые незагоревшие ступни мерцали светлячками.

Наконец она заговорила; начала чуть дрогнувшим голосом:

– Да... вы правильно этот вопрос задали. Я бы сама не решилась. Кого бы я вытолкнула? Саньку, конечно... конечно, Саньку. Он более крепкий, приспособленный к жизни. Он, как вы говорите, сможет продолжить род. А Олечка... она со мной. Четыре годика. Куда ей без меня? Погибнет, все равно... Ой, какая плитка теплая. Жаль, вы этого не можете почувствовать. Это как по нашей Базе – в тапочках.

Заратустров рассмеялся. Бережно взял женщину под локоть.

– Элина Глебовна, я-то вами страсть как доволен. Вы у меня – лучший начальник штаба за всю мою службу! Когда вы там, на Базе, я могу спать спокойно... Но, понимаете, я, скажем так... я чувствую, что близко – война.

Они шли через замерший перекресток, мимо светофора, ошалело горящего желтым в ночь, мимо витрин фирменного магазина швейной фабрики, где тарасились на них из-за стекла пустоглазые манекены.

Альмах и не думала смеяться. Она только склонила голову с золотыми своими волосами.

– Это так серьезно, Александр Григорьевич?

– Понимаете, во всех этих перипетиях последних дней... Это началось с инцидента в Ельцовке и продолжается до сих пор. Взять хотя бы вот этот якобы мумифицированный труп в шахте на территории завода. Так вот, я начинаю думать, что во всех этих делах нам противостоит не простой противник.

– Вы имеете в виду ассасинов?

– Ну, ассасины – ассасинами, конечно. Робер Вуаве, который проскользнул мимо нас в восточную Европу, он тоже не лаптем щи хлебает. Магистр ложы... Понимаете, за всем этим кто-то стоит. Совершенно всесильный, беспощадный... – Заратустров помолчал, потом убежденно добавил: – Нечто первородное. Зло. Просто запредельный противник. Наше счастье, что он играет не в полную силу, что он просто ПОМОГАЕТ ассасинам.

Бывший Васильевский спуск тек под ноги брусчаткой, сползая к бывшей реке Каменке. Когда-то на этой улице скрипели ломовые телеги, готовые выйти на Сибирский тракт. Альмах рассматривала звездное небо, плывшее у них над головами. А полковник продолжал:

– Вы ведь знаете о том, что первые люди, возможно, были андрогинами? Чудесные существа, объединяющие мужское и женское начала. Речь не идет о банальных половых особенностях... Это страшное сочетание мужского логического, холодного ума, беспощадного стремления к доминированию во всем с женской чудовищной интуитивностью, особой чувствительностью и дьявольской хитростью. Возможно, именно они и описаны в греческих мифах как боги. У меня такое ощущение, что мы играем против андрогина. То есть – сверхчеловека. И на какие жертвы он может пойти – неизвестно. Поэтому я и боюсь за вас, Элина Глебовна. За себя, конечно, тоже, но главное – за вас, за Игоря Борисыча... За всех.

Серебряниковская поворачивала. С правой стороны тускло блестели огоньками сигнализации мелкие лавки-магазинчики. Темнел провал моста. Над ним, звеня и чертя в ночи полосу освещенных окон, пролетела электричка. Плитка кончилась; но Альмах не стала обуваться, а прошла с полковником холодную темноту моста и вышла на автовокзальный пятачок, где во

тьме дремало несколько «Икарусов» да масляно светились таксишные гребешки, пожалала полковнику руку.

– Александр Григорьевич, вы зря это... никуда я не уйду. Вы же знаете, я у вас научилась быть фаталисткой. Делай, что должно, и – будь, что будет.

– Единственная стоящая заповедь, которую сообщил иудеям Моисей, – горько усмехнулся Заратустров, тоже пожимая ей руку. – Ну что ж... тогда до завтра!

– До встречи, Александр Григорьевич.

Мелькнув пяточками, она упорхнула в одну из машин. В салоне зажегся свет на секунду, и было видно ее улыбающееся лицо и хмурую физиономию водителя. Белая «Toyota Caldina» почти бесшумно проехала мимо. Полковник сунул в рот еще одну сигариллу и огляделся вокруг. На полутемной площади он был почти один, вдали, в свете прожектора, горел золотом купол собора во имя Александра Невского.

Ехать домой по-прежнему не хотелось.

Документы

Подтверждено источником: https://wikileaks.org/wiki/Assasin_0945654323-433400-p255_confidential_reports

Строго секретно. Оперативные материалы № 0-895А-8897986

ФСБ РФ. Главк ОУ. Управление «Й»

Отдел радиоперехвата

Перехват телефонного разговора в рамках операции «Невесты»

Париж, агент «Спутник 667-98», № засекр. – ОД Базы, № засекр.

Перехват: 7:45–7:53

Начало устойчивой связи: 7:45

– Алло! База, говорит 667-98. Алло!

– Слушаю, 667-98. Говорите.

– Дайте оперативного дежурного!

– Спокойнее, 667-98. Почему вы пользуетесь открытым каналом связи?

– Потому что потому! Дайте дежурного, я вам говорю!!! Я использовал резервный мобильный номер! Черт... Дежурного.

– 667-98, держите себя в рамках! Подождите... Повторите ваш код доступа.

– 6667-98-09978756810289646...

(Пауза.)

– Оператор отдела наблюдения слушает. Доброго времени суток, 667-98!

– Черт вас возьми! Мне нужен оперативный дежурный!

– Дежурный занят, 667-98. Что случилось?

– А, мать вашу... мне нужен кто-нибудь, кто курирует операцию «Невесты».

– 667-98, вы нарушаете правила. Нельзя называть кодированные имена в устных сообщениях! Я вам повторяю: сейчас никого нет. Я передам вашу информацию, говорите.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.